UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00313239 6

ПОСМЕРТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. ЧЕРТКОВА.

Томъ III.

ХАДЖИ-МУРАТЪ.
ДВА СПУТНИКА.
ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.
О СУДѢ.
ВСТУПЛЕНІЕ КЪ ИСТОРІИ МАТЕРИ.
ЗАПИСКИ МАТЕРИ.
ОТЕЦЪ ВАСИЛІЙ.
КТО УБІЙЦЫ?
ІЕРОМОНАХЪ ИСИДОРЪ.
ХОДЫНКА.
ДВѢ РАЗЛИЧНЫЯ ВЕРСІИ ИСТОРІИ УЛЬЯ.
НЕЧАЯННО.

ИЗДАНІЕ
АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

Перепечатывать разрѣшается безвозмездно.

Настоящій III томъ посмертныхъ художественныхъ произведеній моего покойнаго отца **Льва Николаевича Толстого** появляется въ моемъ изданіи, предпринятомъ соотвѣтственно даннымъ имъ мнѣ указаніямъ, при чемъ чистый доходъ съ этого изданія будетъ употребленъ согласно волѣ **Льва Николаевича.**

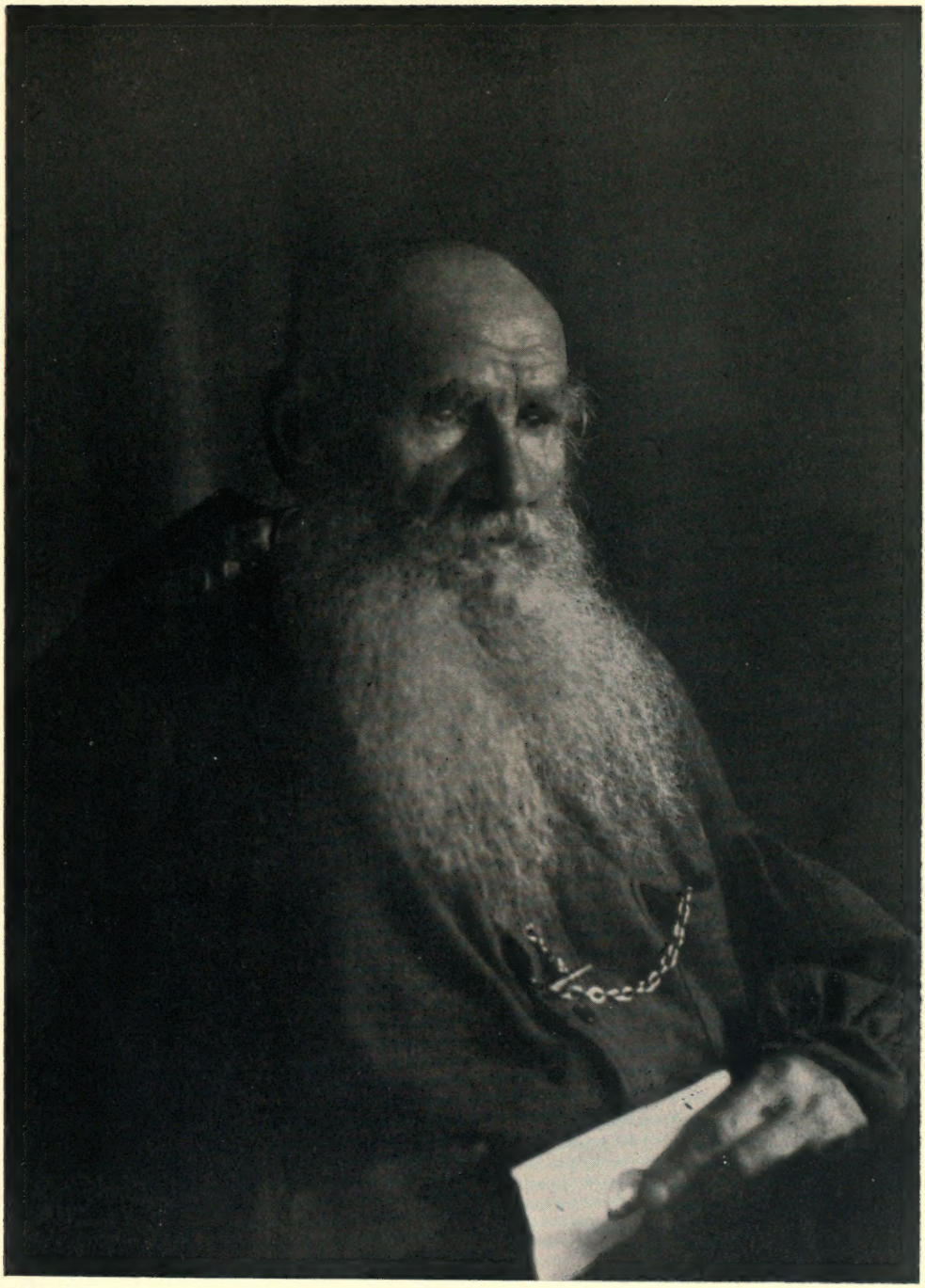
Не признавая за собой нравственнаго права запретить перепечатку настоящаго изданія, я, тѣмъ не менѣе, въ интересахъ достиженія наибольшаго матеріальнаго успѣха этого изданія, что желательно ради тѣхъ цѣлей, которымъ это изданіе должно служить, обращаюсь ко всѣмъ издателямъ и лицамъ, желающимъ воспользоваться этими произведеніями, съ просьбой, во имя исполненія послѣдняго желанія **Льва Николаевича** въ связи съ его писаніями, повременить съ выпускомъ своихъ изданій выпускаемыхъ мною произведеній въ теченіе полгода, считая со времени выхода этого тома моего изданія, т.-е. до 5 іюля 1912 года.

АЛЕКСАНДРА ТОЛСТАЯ.

LIBRARY
DEC 9 1909
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3365
A12
1911
t. 3

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1912.



ФОТОГР. В. ЧЕРТКОВА. ЯСНАЯ ПОЛЯНА 1907 г.

Я подчиняю тебе разум, чтобы не мешал совести.

(ИЗЪ ДРАМЫ «И СВѢТЪ ВО ТЬМѢ СВѢТИТЪ»).

ХАДЖИ-МУРАТЪ[1].

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

Я возвращался домой полями. Была самая середина лѣта. Луга убрали, и только что собирались косить рожь.

Есть прелестный подборъ цвѣтовъ этого времени года: красныя, бѣлыя, розовыя душистыя, пушистыя кашки; молочно-бѣлыя, съ яркой желтой серединой «любишь не любишь», съ своей пріятной пряной вонью; желтая сурѣпка, съ своимъ медовымъ запахомъ; высоко стоящіе лиловые и бѣлые тюльпановидные колокольчики; ползучіе горошки; желтыя, красныя, розовыя скабіозы; лиловый, аккуратный, съ чуть розовымъ пухомъ и чуть слышнымъ пріятнымъ запахомъ подорожникъ; васильки—ярко-синіе на солнцѣ и въ молодости и голубые и краснѣющіе вечеромъ и подъ старость; и нѣжные, съ миндальнымъ запахомъ, тотчасъ же вянущіе цвѣты повилики.

Я набралъ большой букетъ разныхъ цвѣтовъ и шелъ домой, когда замѣтилъ въ канавѣ чудный малиновый, въ полномъ цвѣту репей того сорта, который у насъ называется «татариномъ» и который старательно окашиваютъ, а когда онъ нечаянно скошенъ, выкидываютъ изъ сѣна покосники, чтобы не колоть на него рукъ. Мнѣ вздумалось сорвать этотъ репей и положить его въ середину букета. Я слѣзъ въ канаву и, согнавъ впившагося въ середину цвѣтка и сладко и вяло заснувшаго тамъ мохнатаго шмеля, принялся срывать цвѣтокъ. Но это было очень трудно: мало того, что стебель кололся со всѣхъ сторонъ, даже черезъ платокъ, которымъ я завернулъ руку,—онъ былъ такъ страшно крѣпокъ, что я бился съ нимъ минутъ пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконецъ, оторвалъ цвѣтокъ, стебель уже былъ весь въ лохмотьяхъ, да и цвѣтокъ уже не казался такъ свѣжъ и красивъ. Кромѣ того, онъ, по своей грубости и аляповатости, не подходилъ къ нѣжнымъ цвѣтамъ букета. Я пожалѣлъ, что напрасно погубилъ цвѣтокъ, который былъ хо-

рошъ въ своемъ мѣстѣ, и бросилъ его. «Какая, однако, энергія и сила жизни», подумалъ я, вспоминая тѣ усилія, съ которыми я отрывалъ цвѣтокъ. «Какъ онъ усиленно защищалъ и дорого продалъ свою жизнь».

Дорога къ дому шла паровыми, только что вспаханными черноземными полями. Я шелъ наизволокъ по пыльной черноземной дорогѣ. Вспаханное поле было помѣщичье, очень большое, такъ что съ обѣихъ сторонъ и впередъ въ гору ничего не было видно, кромѣ чернаго, ровно взборожденнаго, еще не скороженнаго пара. Пахота была хорошая, и нигдѣ по полю не виднѣлось ни одного растенія, ни одной травки,—все было черно. «Экое разрушительное существо—человѣкъ, сколько уничтожилъ разнообразныхъ живыхъ существъ, растеній, для поддержанія своей жизни», думалъ я, невольно отыскивая что-нибудь живое среди этого мертваго, чернаго поля. Впереди меня, вправо отъ дороги, виднѣлся какой-то кустикъ. Когда я подошелъ ближе, я узналъ въ кустикѣ такого же «татарина», котораго цвѣтокъ я напрасно сорвалъ и бросилъ.

Кустъ «татарина» состоялъ изъ трехъ отростковъ. Одинъ былъ оторванъ, и, какъ отрубленная рука, торчалъ остатокъ вѣтки. На другихъ двухъ было на каждомъ по цвѣтку. Цвѣтки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Одинъ стебель былъ сломанъ, и половина его, съ грязнымъ цвѣткомъ на концѣ, висѣла книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчалъ кверху. Видно было, что весь кустикъ былъ переѣханъ колесомъ и уже послѣ поднялся и потому стоялъ бокомъ, но все-таки стоялъ,—точно вырвали у него кусокъ тѣла, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глазъ, но онъ все стоитъ и не сдается человѣку, уничтожившему всѣхъ его братьевъ кругомъ него.

«Экая энергія, — подумалъ я, — все побѣдилъ человѣкъ, милліоны травъ уничтожилъ, а этотъ все не сдается».

И мнѣ вспомнилась одна давнишняя кавказская исторія, часть которой я видѣлъ, часть слышалъ отъ очевидцевъ и часть вообразилъ себѣ. Эта исторія, какъ она сложилась въ моемъ воспоминаніи и воображеніи, вотъ какая.

I.

Это было въ концѣ 1851 года. Въ холодный ноябрьскій вечеръ Хаджи-Муратъ въѣзжалъ въ курившійся душистымъ кизячнымъ дымомъ чеченскій немирный аулъ Махкетъ, отстоящій верстъ двадцать отъ русскихъ владѣній.

Только что затихло напряженное пѣніе муэдзина [1]), и въ чистомъ горномъ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ кизячнаго дыма, отчетливо слышны были, изъ-за мычанія коровъ и блеянія овецъ, разбиравшихся по тѣснымъ, какъ соты слѣпленнымъ другъ съ другомъ, саклямъ аула, гортанные звуки спорящихъ мужскихъ голосовъ, женскіе и дѣтскіе голоса внизу отъ фонтана.

Хаджи-Муратъ этотъ былъ знаменитый своими подвигами наибъ Шамиля, не выѣзжавшій иначе, какъ съ своимъ значкомъ. въ сопровожденіи десятковъ мюридовъ, джигитовавшихъ вокругъ него. Теперь, закутанный въ башлыкъ и бурку, изъ-подъ которой торчала винтовка, онъ ѣхалъ съ однимъ мюридомъ, стараясь быть какъ можно меньше замѣченнымъ, вглядываясь своими быстрыми черными глазами въ лица попадавшихся ему по дорогѣ жителей.

Въѣхавъ въ середину аула, Хаджи-Муратъ поѣхалъ не по улицѣ, ведшей къ площади, а повернулъ влѣво въ узенькій проулочекъ. Подъѣхавъ ко второй въ проулочкѣ, врытой въ полугорѣ саклѣ, онъ остановился, оглядываясь. Подъ навѣсомъ, передъ саклей, никого не было, на крышѣ же, за свѣже смазанной глиняной трубой, лежалъ человѣкъ, укрытый тулупомъ. Хаджи-Муратъ тронулъ лежавшаго на крышѣ человѣка рукояткой плетки и цокнулъ языкомъ. Изъ-подъ тулупа поднялся старикъ въ ночной шапкѣ и лоснящемся, старомъ бешметѣ. Глаза старика, безъ рѣсницъ, были красны и влажны, и онъ, чтобы разлѣпить ихъ, мигалъ ими. Хаджи-Муратъ проговорилъ обычное: «Селямъ алейкумъ», и открылъ лицо.

— Алейкумъ селямъ, — улыбаясь беззубымъ ртомъ, проговорилъ старикъ, узнавъ Хаджи-Мурата, и, поднявшись на свои худыя ноги, сталъ попадать ими въ стоявшія подлѣ трубы туфли съ деревянными каблуками. Обувшись, онъ не торопясь надѣлъ въ рукава нагольный, сморщенный тулупъ и полѣзъ задомъ внизъ

---

[1]) Въ концѣ тома приложенъ краткій словарь нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ повѣсти «Хаджи-Муратъ» восточныхъ и народныхъ словъ.

по лѣстницѣ, приставленной къ крышѣ. И одѣваясь и слѣзая, старикъ покачивалъ головой на тонкой, сморщенной, загорѣлой шеѣ и не переставая шамкалъ беззубымъ ртомъ. Сойдя на землю, онъ гостепріимно взялся за поводъ лошади Хаджи-Мурата и правое стремя, но быстро слѣзшій съ своей лошади, ловкій, сильный мюридъ Хаджи-Мурата, отстранивъ старика, замѣнилъ его.

Хаджи-Муратъ слѣзъ съ лошади и, слегка прихрамывая, вошелъ подъ навѣсъ. Навстрѣчу ему изъ двери быстро вышелъ лѣтъ пятнадцати мальчикъ и удивленно уставился черными, какъ спѣлая смородина, блестящими глазами на пріѣхавшихъ.

— Бѣги въ мечеть, зови отца, — приказалъ ему старикъ и, опередивъ Хаджи-Мурата, отворилъ ему легкую, скрипѣвшую дверь въ саклю. Въ то время, какъ Хаджи-Муратъ входилъ [1], изъ внутренней двери вышла немолодая, тонкая, худая женщина, въ красномъ бешметѣ на желтой рубахѣ и синихъ шароварахъ, неся подушки.

— Приходъ твой къ счастью, — сказала она и, перегнувшись вдвое, стала раскладывать подушки у передней стѣны для сидѣнія гостя.

— Сыновья твои чтобы живы были,—отвѣчалъ Хаджи-Муратъ, снявъ съ себя бурку, винтовку и шашку, и отдалъ ихъ старику.

Старикъ осторожно повѣсилъ на гвоздь винтовку и шашку подлѣ висѣвшаго оружія хозяина, между двумя большими тазами, блестящими на гладко вымазанной и чисто выбѣленной стѣнѣ. Хаджи-Муратъ, оправивъ на себѣ пистолетъ за спиною, подошелъ къ разложеннымъ подушкамъ и, запахивая черкеску, сѣлъ на нихъ. Старикъ сѣлъ подлѣ него на свои голыя пятки, закрылъ глаза, поднялъ руки ладонями кверху. Хаджи-Муратъ сдѣлалъ то же. Потомъ они оба, прочтя молитву, огладили себѣ лица руками, соединивъ ихъ въ концѣ бороды.

— Не хабаръ? — спросилъ Хаджи-Муратъ старика (т.-е. что новаго?).

— Хабаръ іокъ (нѣтъ новаго), — отвѣчалъ старикъ, глядя не въ лицо, а на грудь Хаджи-Мурата своими красными, безжизненными глазами. — Я на пчельникѣ живу, нынче только пришелъ сына провѣдать. Онъ знаетъ.

---

[1]) См. примѣчаніе 2-е.

Хаджи-Муратъ понялъ, что старикъ не хочетъ говорить того, что̀ знаетъ и что̀ нужно было знать Хаджи-Мурату, и, слегка кивнувъ головой, не сталъ больше спрашивать.

— Хорошаго новаго ничего нѣтъ, — заговорилъ старикъ. — Только и новаго, что все зайцы совѣщаются, какъ имъ орловъ прогнать. А орлы все рвутъ то одного, то другого. На прошлой недѣлѣ русскія собаки у Мичицкихъ сѣно сожгли, раздерись ихъ лицо, — злобно прохрипѣлъ старикъ.

Вошелъ мюридъ Хаджи-Мурата и, мягко ступая большими шагами своихъ сильныхъ ногъ по земляному полу, такъ же, какъ Хаджи-Муратъ, снялъ бурку, винтовку и шашку и, оставивъ на себѣ только кинжалъ и пистолетъ, самъ повѣсилъ ихъ на тѣ же гвозди, на которыхъ висѣло оружіе Хаджи-Мурата.

— Онъ кто? — спросилъ старикъ у Хаджи-Мурата, указывая на вошедшаго.

— Мюридъ мой. Элдаръ имя ему, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Хорошо, — сказалъ старикъ и указалъ Элдару мѣсто на войлокѣ, подлѣ Хаджи-Мурата.

Элдаръ сѣлъ, скрестивъ ноги, и молча уставился своими красивыми, бараньими глазами на лицо разговорившагося старика. Старикъ разсказывалъ, какъ ихніе молодцы на прошлой недѣлѣ поймали двухъ солдатъ, одного убили, а другого послали въ Ведено къ Шамилю. Хаджи-Муратъ разсѣянно слушалъ, поглядывая на дверь и прислушиваясь къ наружнымъ звукамъ. Подъ навѣсомъ, передъ саклей, послышались шаги, дверь скрипнула, и вошелъ хозяинъ.

Хозяинъ сакли, Садо, былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ маленькой бородкой, длиннымъ носомъ и такими же черными, хотя и не столь блестящими глазами, какъ у пятнадцатилѣтняго мальчика, его сына, который бѣгалъ за нимъ и вмѣстѣ съ отцомъ вошелъ въ саклю и сѣлъ у двери. Снявъ у двери деревянные башмаки, хозяинъ сдвинулъ на затылокъ давно не бритой, зарастающей чернымъ волосомъ головы старую, истертую папаху и тотчасъ же сѣлъ противъ Хаджи-Мурата на корточки.

Такъ же, какъ и старикъ, онъ закрылъ глаза, поднялъ руки ладонями кверху, прочелъ молитву, отеръ руками лицо и только тогда началъ говорить. Онъ разсказалъ, что отъ Шамиля былъ приказъ задержать Хаджи-Мурата, живого или мертваго, что вчера

только уѣхали посланные Шамиля, и что народъ боится ослушаться Шамиля, и что поэтому надо быть осторожнымъ.

— У меня въ домѣ, — сказалъ Садо, — моему кунаку, пока я живъ, никто ничего не сдѣлаетъ. А вотъ въ полѣ какъ? Думать надо.

Хаджи-Муратъ внимательно слушалъ и одобрительно кивалъ головой, и когда Садо кончилъ, онъ сказалъ:

— Хорошо. Теперь надо послать къ русскимъ человѣка съ письмомъ. Мой мюридъ поѣдетъ, только проводника надо.

— Брата Бату пошлю, — сказалъ Садо. — Позови Бату, — обратился онъ къ сыну.

Мальчикъ, какъ на пружинахъ, вскочилъ на рѣзвыя ноги и быстро, махая руками, вышелъ изъ сакли. Минутъ черезъ десять онъ вернулся съ чернозагорѣлымъ, жилистымъ, коротконогимъ чеченцемъ въ разлѣзающейся желтой черкескѣ, съ оборванными—бахромой—рукавами и [въ] спущенныхъ черныхъ ноговицахъ. Хаджи-Муратъ поздоровался съ вновь пришедшимъ и тотчасъ же, также не теряя лишнихъ словъ, сказалъ:

— Можешь свести моего мюрида къ русскимъ?

— Можно, — весело отвѣчалъ Бата. — Все можно. Противъ меня ни одинъ чеченецъ не сумѣетъ пройти. А то другой пойдетъ, все обѣщаетъ, да ничего не сдѣлаетъ. А я могу.

— Ладно, — сказалъ Хаджи-Муратъ. — За труды получишь три, — сказалъ онъ, выставляя три пальца.

Бата кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ понялъ, но прибавилъ, что ему дороги не деньги, а онъ изъ чести готовъ служить Хаджи-Мурату. Всѣ въ горахъ знаютъ Хаджи-Мурата, какъ онъ русскихъ свиней билъ.

— Хорошо, — сказалъ Хаджи-Муратъ. — Веревка хороша длинная, а рѣчь короткая.

— Ну, молчать буду, — сказалъ Бата.

— Гдѣ Аргунъ заворачиваетъ, противъ кручи, поляна въ лѣсу, два стога стоятъ. Знаешь?

— Знаю.

— Тамъ мои три конныхъ [1]) меня ждутъ, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

---

[1]) См. примѣчаніе 3-е.

— Айя, — кивая головой, говорилъ Бата.

— Спросишь Ханъ-Магому. Ханъ-Магома знаетъ, что дѣлать и что говорить. Его свести къ русскому начальнику, къ Воронцову, князю. Можешь?

— Сведу.

— Свести и назадъ привести. Можешь?

— Можно.

— Сведешь, вернешься въ лѣсъ. И я тамъ буду.

— Все сдѣлаю, — сказалъ Бата, поднялся и, приложивъ руки къ груди, вышелъ.

— Еще человѣка въ Чехи послать надо, — сказалъ Хаджи-Муратъ хозяину, когда Бата вышелъ. — Въ Чехахъ надо вотъ что,— началъ было онъ, взявшись за одинъ изъ хозырей черкески, но тотчасъ же опустилъ руку и замолчалъ, увидавъ входившихъ въ саклю двухъ женщинъ.

Одна была жена Садо, та самая немолодая, худая женщина, которая укладывала подушки. Другая была совсѣмъ молодая дѣвочка въ красныхъ шароварахъ и зеленомъ бешметѣ, съ закрывавшей всю грудь занавѣской изъ серебряныхъ монетъ. На концѣ ея не длинной, но толстой, жесткой черной косы, лежавшей между плечъ худой спины, былъ привѣшенъ серебряный рубль; такіе же черные, смородинные глаза такъ же, какъ у отца и брата, весело блестѣли на молодомъ, старавшемся быть строгимъ лицѣ. Она не смотрѣла на гостей, но видно было, что чувствовала ихъ присутствіе.

Жена Садо несла низкій, круглый столикъ, на которомъ были чай, пильгиши, блины въ маслѣ, сыръ, чурéкъ (тонко раскатанный хлѣбъ) и медъ. Дѣвочка несла тазъ, кумганъ и полотенце.

Садо и Хаджи-Муратъ—оба молчали во все время, пока женщины, тихо двигаясь въ своихъ красныхъ мягкихъ, безподошвенныхъ чувякахъ, устанавливали принесенное передъ гостями. Элдаръ, устремивъ свои бараньи глаза на скрещенныя ноги, былъ неподвиженъ, какъ статуя, во все время, пока женщины были въ саклѣ. Только когда женщины вышли и совершенно затихли за дверью ихъ мягкіе шаги, Элдаръ облегченно вздохнулъ, а Хаджи-Муратъ досталъ одинъ изъ хозырей черкески, вынулъ пулю, затыкающую его, и изъ-подъ пули свернутую трубочкой записку.

— Сыну отдать,—сказалъ онъ, показывая записку.

— Куда отвѣтъ? — спросилъ Садо.

— Тебѣ, а ты мнѣ доставишь.

— Будетъ сдѣлано, — сказалъ Садо и переложилъ записку въ хозырь своей черкески. Потомъ, взявъ въ руки кумганъ, онъ придвинулъ къ Хаджи-Мурату тазъ. Хаджи-Муратъ засучилъ рукава бешмета на мускулистыхъ, бѣлыхъ выше кистей рукахъ и подставилъ ихъ подъ струю холодной, прозрачной воды, которую лилъ изъ кумгана Садо. Вытеревъ руки суровымъ чистымъ полотенцемъ, Хаджи-Муратъ подвинулся къ ѣдѣ. То же сдѣлалъ Элдаръ. Пока гости ѣли, Садо сидѣлъ противъ нихъ и нѣсколько разъ благодарилъ за посѣщеніе. Сидѣвшій у двери мальчикъ, не спуская своихъ блестящихъ черныхъ глазъ съ Хаджи-Мурата, улыбался, какъ бы подтверждая своей улыбкой слова отца.

Несмотря на то, что Хаджи-Муратъ болѣе сутокъ ничего не ѣлъ, онъ съѣлъ только немного хлѣба, сыра и, доставъ изъ-подъ кинжала ножичекъ, набралъ меду и намазалъ его на хлѣбъ.

— Нашъ медъ хорошій. Нынѣшній годъ изо всѣхъ годовъ медъ: и много и хорошъ, — сказалъ старикъ, видимо довольный тѣмъ, что Хаджи-Муратъ ѣлъ его медъ.

— Спасибо, — сказалъ Хаджи-Муратъ и отстранился отъ ѣды. Элдару хотѣлось еще ѣсть, но онъ такъ же, какъ и его мюршидъ, отодвинулся отъ стола и подалъ Хаджи-Мурату тазъ и кумганъ.

Садо зналъ, что, принимая Хаджи-Мурата, онъ рисковалъ жизнью, такъ какъ послѣ ссоры Шамиля съ Хаджи-Муратомъ было объявлено всѣмъ жителямъ Чечни, подъ угрозой казни, не принимать Хаджи-Мурата. Онъ зналъ, что жители аула всякую минуту могли узнать про присутствіе Хаджи-Мурата въ его домѣ и могли потребовать его выдачи. Но это не только не смущало, но радовало Садо. Садо считалъ своимъ долгомъ защищать гостя, хотя бы это стоило ему жизни, и онъ радовался на себя, гордился собой за то, что поступаетъ такъ, какъ должно.

— Пока ты въ моемъ домѣ и голова моя на плечахъ, никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ, — повторилъ онъ Хаджи-Мурату.

Хаджи-Муратъ посмотрѣлъ въ его блестящіе глаза и, понявъ, что это была правда, нѣсколько торжественно сказалъ:

— Да получишь ты радость и жизнь.

Садо молча прижалъ руки къ груди въ знакъ благодарности за доброе слово.

Закрывъ ставни сакли и заготовя сучья въ каминѣ, Садо въ особенно веселомъ и возбужденномъ состояніи вышелъ изъ кунацкой и вошелъ въ то отдѣленіе сакли, гдѣ жило все его семейство. Женщины еще не спали и говорили объ опасныхъ гостяхъ, которые ночевали у нихъ въ кунацкой.

II.

Въ эту самую ночь изъ передовой крѣпости Воздвиженской, въ двадцати [1]) верстахъ отъ аула, въ которомъ ночевалъ Хаджи-Муратъ, вышли изъ укрѣпленія за Шахгиринскія ворота три солдата съ унтеръ-офицеромъ. Солдаты были въ полушубкахъ и папахахъ, съ скатанными шинелями черезъ плечо и [въ] большихъ сапогахъ выше колѣна, какъ тогда ходили кавказскіе солдаты. Солдаты съ ружьями на плечахъ шли сначала по дорогѣ, потомъ, пройдя шаговъ пятьсотъ, свернули съ нея и, шурша сапогами по сухимъ листьямъ, прошли шаговъ двадцать вправо и остановились у сломанной чинары, черный стволъ которой виднѣлся и въ темнотѣ. Къ этой чинарѣ высылался обыкновенно секретъ.

Яркія звѣзды, которыя какъ бы бѣжали по макушкамъ деревъ, пока солдаты шли лѣсомъ, теперь остановились, ярко блестя между оголенныхъ вѣтвей деревъ.

— Спасибо—сухо,—сказалъ унтеръ-офицеръ Пановъ, снимая съ плеча длинное, съ штыкомъ ружье и, брякнувъ имъ, прислонилъ его къ стволу дерева. Три солдата сдѣлали то же.

— А вѣдь и есть — потерялъ, — сердито проворчалъ Пановъ, — либо забылъ, либо выскочила дорогой.

— Чего ищешь-то? — спросилъ одинъ изъ солдатъ бодрымъ, веселымъ голосомъ.

— Трубку, — чортъ ее знаетъ куда запропала.

— Чубукъ-то цѣлъ? — спросилъ бодрый голосъ.

— Чубукъ — вотъ онъ.

— А въ землю прямо?

— Ну, гдѣ тамъ.

— Это мы наладимъ живо.

---

[1]) См. примѣчаніе 4-е.

Курить въ секретѣ запрещалось, но секретъ этотъ былъ почти не секретъ, а скорѣе передовой караулъ, который высылался затѣмъ, чтобы горцы не могли незамѣтно подвезти, какъ они дѣлали прежде, орудіе и стрѣлять по укрѣпленію, и Пановъ не считалъ нужнымъ лишать себя куренія и потому согласился на предложеніе веселаго солдата. Веселый солдатъ досталъ изъ кармана ножикъ и сталъ копать землю. Выкопавъ ямку, онъ обгладилъ ее, приладилъ къ ней чубучокъ, потомъ наложилъ табаку въ ямку, прижалъ его, и трубка была готова. Сѣрничокъ загорѣлся, освѣтивъ на мгновеніе скуластое лицо лежавшаго на брюхѣ солдата. Въ чубукѣ засвистѣло, и Пановъ почуялъ пріятный запахъ загорѣвшейся махорки.

— Наладилъ? — сказалъ онъ, поднимаясь на ноги.

— А то какъ же.

— Эка молодчина Авдеевъ, прокуратъ малый. Ну-ка?

Авдеевъ отвалился на бокъ, давая мѣсто Панову и выпуская дымъ изо рта.

Пановъ легъ на брюхо и, обтеревъ чубучокъ рукавомъ, сталъ затягиваться.

Накурившись, между солдатами завязался разговоръ.

— А сказывали, ротный-то опять въ ящикъ залѣзъ, проигрался вишь, — сказалъ одинъ изъ солдатъ лѣнивымъ голосомъ.

— Отдастъ, — сказалъ Пановъ.

— Извѣстно, офицеръ хорошій, — подтвердилъ Авдеевъ.

— Хорошій, хорошій, — мрачно продолжалъ начавшій разговоръ, — по моему совѣту надо ротѣ поговорить съ нимъ: коли взялъ, такъ скажи, сколько и когда отдашь.

— Какъ рота разсудитъ, — сказалъ Пановъ, отрываясь отъ трубки.

— Извѣстное дѣло, міръ — большой человѣкъ, — подтвердилъ Авдеевъ.

— Надо вѣдь овса купить да сапоги къ веснѣ справить, денежки нужны, а какъ онъ ихъ забралъ... — настаивалъ недовольный.

— Говорю, какъ рота хочетъ, — повторилъ Пановъ. — Не въ первый разъ, — возьметъ и отдастъ.

Въ тѣ времена на Кавказѣ каждая рота завѣдывала черезъ своихъ выборныхъ всѣмъ хозяйствомъ. Она получала деньги отъ казны по 6 рублей 50 копеекъ на человѣка и сама себя продоволь-

ствовала: сажала капусту, косила сѣно, держала свои повозки, щеголяла сытыми ротными лошадьми. Деньги же ротныя находились въ ящикѣ, ключи отъ котораго были у ротнаго командира, и случалось часто, что ротный командиръ бралъ взаймы изъ ящика. Такъ было и теперь, и про это-то и говорили солдаты. Мрачный солдатъ Никитинъ хотѣлъ потребовать отчетъ отъ ротнаго, а Пановъ и Авдеевъ считали, что этого не нужно было.

Послѣ Панова покурилъ и Никитинъ и, подстеливъ подъ себя шинель, сѣлъ, прислонясь къ дереву. Солдаты затихли. Только слышно было, какъ вѣтеръ шевелилъ высоко надъ головами макушки деревъ. Вдругъ изъ-за этого не перестающаго тихаго шелеста послышался вой, визгъ, плачъ, хохотъ шакаловъ.

— Вишь, проклятые, какъ заливаются, — сказалъ Авдеевъ.

— Это они съ тебя смѣются, что у тебя рожа на-боку, — сказалъ тонкій хохлацкій голосъ четвертаго солдата.

Опять все затихло, только вѣтеръ шевелилъ сучья деревъ, то открывая, то закрывая звѣзды.

— А что, Антонычъ, — вдругъ спросилъ веселый Авдеевъ Панова, — бываетъ тебѣ когда скучно?

— Какая же скука, — неохотно отвѣчалъ Пановъ.

— А мнѣ другой разъ такъ-то скучно, такъ скучно, что, кажись, и самъ не знаю, что бы надъ собою сдѣлалъ.

— Вишь ты! — сказалъ Пановъ.

— Я тогда деньги-то пропилъ, вѣдь это все отъ скуки. Накатило, накатило на меня. Думаю: дай, пьянъ нарѣжусь.

— А бываетъ съ вина еще хуже.

— И это было, да куда дѣнешься.

— Да съ чего же скучаешь-то?

— Я-то? Да по дому скучаю.

— Что жъ, богато жили?

— Не то, что богачи, а жили справно. Хорошо жили.

И Авдеевъ сталъ разсказывать то, что онъ уже много разъ разсказывалъ тому же Панову.

— Вѣдь я охотой за брата пошелъ, — разсказывалъ Авдеевъ.— У него ребята самъ-пятъ, а меня только женили. Матушка просить стала. Думаю: что мнѣ, авось попомнятъ мое добро. Сходилъ къ барину. Баринъ у насъ хорошій, говоритъ, молодецъ, ступай. Такъ и пошелъ за брата.

— Что жъ, это хорошо, — сказалъ Пановъ.

— А вотъ вѣришь ли, Антонычъ, теперь скучаю. И больше съ того и скучаю, что зачѣмъ, молъ, ты за брата пошелъ. Онъ, молъ, теперь царствуетъ, а ты вотъ мучаешься. И что больше думаю, то хуже. Такой грѣхъ, видно.

Авдеевъ помолчалъ.

— Аль покуримъ опять? — спросилъ Авдеевъ.

— Ну что жъ, налаживай.

Но курить солдатамъ не пришлось. Только что Авдеевъ всталъ и хотѣлъ налаживать опять трубку, какъ изъ-за шелеста вѣтра послышались шаги по дорогѣ. Пановъ взялъ ружье и толкнулъ ногой Никитина. Никитинъ всталъ на ноги и поднялъ шинель. Поднялся и третій—Бондаренко.

— А я, братцы, какой сонъ видѣлъ.

Авдеевъ шикнулъ на Бондаренко, и солдаты замерли, прислушиваясь. Мягкіе шаги людей, обутыхъ не въ сапоги, приближались. Все явственнѣе и явственнѣе слышалось въ темнотѣ хрустѣніе листьевъ и сухихъ вѣтокъ. Потомъ послышался говоръ на томъ особенномъ, гортанномъ языкѣ, которымъ говорятъ чеченцы. Солдаты теперь не только слышали, но и увидали двѣ тѣни, проходившія въ просвѣтѣ между деревьями. Одна тѣнь была пониже, другая—повыше. Когда тѣни поровнялись съ солдатами, Пановъ, съ ружьемъ на руку, вмѣстѣ съ своими двумя товарищами выступилъ на дорогу.

— Кто идетъ? — крикнулъ онъ.

— Чеченъ мирная, — заговорилъ тотъ, который былъ пониже. Это былъ Бата.—Ружье іокъ, шашка іокъ,—говорилъ онъ, показывая на себя. — Кинезъ надо.

Тотъ, который былъ повыше, молча стоялъ подлѣ своего товарища. На немъ тоже не было оружія.

— Лазутчикъ, значитъ,—къ полковому, — сказалъ Пановъ, объясняя своимъ товарищамъ.

— Кинезъ Воронцовъ крѣпко надо, большой дѣло надо,—говорилъ Бата.

— Ладно, ладно, сведемъ, — сказалъ Пановъ. — Что жъ, веди что ли ты съ Бондаренкой, — обратился онъ къ Авдееву, — а сдашь дежурному, приходи опять. Смотри, — сказалъ Пановъ, — осторожнѣе, впереди себя вели итти.

— А это что? — сказалъ Авдеевъ, сдѣлавъ движеніе ружьемъ съ штыкомъ, какъ будто онъ закалываетъ. — Пырну разокъ — и паръ вонъ.

— Куда же онъ годится, коли заколешь,—сказалъ Бондаренко.

— Ну, маршъ!

Когда затихли шаги двухъ солдатъ съ лазутчиками, Пановъ и Никитинъ вернулись на свое мѣсто.

— И чортъ ихъ носитъ по ночамъ, — сказалъ Никитинъ.

— Стало-быть, нужно, —сказалъ Пановъ.—А свѣжо стало,— прибавилъ онъ и, раскатавъ шинель, надѣлъ и сѣлъ къ дереву.

Часа черезъ два вернулся и Авдеевъ съ Бондаренкой.

— Что жъ, сдалъ? — спросилъ Пановъ.

— Сдали. У полкового еще не спятъ. Прямо къ нему свели. А какіе эти, братецъ ты мой, гололобые ребята хорошіе, — продолжалъ Авдеевъ. — Ей-Богу. Я съ ними какъ разговорился.

— Ты, извѣстно, разговоришься, — недовольно сказалъ Никитинъ.

— Право, совсѣмъ какъ россійскіе. Одинъ женатый. Марушка, говорю, баръ? — Баръ, говоритъ. — Баранчукъ, говорю, баръ? — Баръ, много. — Парочка? — Парочка, говоритъ. — Такъ разговорились хорошо. Хорошіе ребята.

— Какъ же, хорошіе, — сказалъ Никитинъ, — попадись ему только одинъ на одинъ, онъ тебѣ требуху выпуститъ.

— Должно, скоро свѣтать будетъ, — сказалъ Пановъ.

— Да, ужъ звѣздочки потухать стали, — сказалъ Авдеевъ, усаживаясь.

И солдаты опять затихли.

III.

Въ окнахъ казармъ и солдатскихъ домиковъ давно уже было темно, но въ одномъ изъ лучшихъ домовъ крѣпости свѣтились еще всѣ окна. Домъ этотъ занималъ полковой командиръ Куринскаго полка, сынъ главнокомандующаго, флигель-адъютантъ князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ. Воронцовъ жилъ съ женой, Марьей Васильевной, знаменитой петербургской красавицей, и жилъ въ маленькой кавказской крѣпости роскошно, какъ никто никогда не жилъ здѣсь. Воронцову и въ особенности его женѣ казалось,

что они живутъ здѣсь не только скромной, но исполненной лишеній жизнью; здѣшнихъ же жителей жизнь эта удивляла своей необыкновенной роскошью.

Теперь, въ двѣнадцать часовъ ночи, въ большой гостиной, съ ковромъ во всю комнату, съ опущенными тяжелыми портьерами, за ломбернымъ столомъ, освѣщеннымъ четырьмя свѣчами, сидѣли хозяева съ гостями и играли въ карты. Одинъ изъ играющихъ былъ самъ хозяинъ, длиннолицый, бѣлокурый полковникъ съ флигель-адъютантскими вензелями и аксельбантами, Воронцовъ; партнеромъ его былъ кандидатъ Петербургскаго университета, недавно выписанный княгиней Воронцовой учитель для ея маленькаго сына отъ перваго мужа, лохматый юноша угрюмаго вида. Противъ нихъ играли два офицера: одинъ—широколицый, румяный, перешедшій изъ гвардіи, ротный командиръ Полторацкій, и очень прямо сидѣвшій, съ холоднымъ выраженіемъ красиваго лица, полковой адъютантъ. Сама княгиня Марья Васильевна, крупная, большеглазая, чернобровая красавица, сидѣла подлѣ Полторацкаго, касаясь его ногъ своимъ кринолиномъ и заглядывая ему въ карты. И въ ея словахъ, и въ ея взглядахъ, и улыбкѣ, и во всѣхъ движеніяхъ ея тѣла, и въ духахъ, которыми отъ нея пахло, было то, что доводило Полторацкаго до забвенія всего, кромѣ сознанія ея близости, и онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой, все болѣе и болѣе раздражая своего партнера.

— Нѣтъ, это невозможно! Опять просолилъ туза, — весь покраснѣвъ, проговорилъ адъютантъ, когда Полторацкій скинулъ туза.

Полторацкій, точно проснувшись, не понимая глядѣлъ своими добрыми, широко разставленными черными глазами на недовольнаго адъютанта.

— Ну, простите его, — улыбаясь сказала Марья Васильевна.— Видите, я вамъ говорила, — обратилась она къ Полторацкому.

— Да вы совсѣмъ не то говорили, — улыбаясь сказалъ Полторацкій.

— Развѣ не то, — сказала она и также улыбнулась. И эта отвѣтная улыбка такъ страшно взволновала и обрадовала Полторацкаго, что онъ багрово покраснѣлъ и, схвативъ карты, сталъ мѣшать ихъ.

— Не тебѣ мѣшать, — строго сказалъ адъютантъ и сталъ своей бѣлой, съ перстнемъ рукой сдавать карты такъ, какъ будто онъ только хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ нихъ.

Въ гостиную вошелъ камердинеръ князя и доложилъ, что князя требуетъ дежурный.

— Извините, господа, — сказалъ князь, съ аглицкимъ акцентомъ говоря по-русски. — Ты за меня, Marie, сядешь.

— Согласны? — спросила княгиня, быстро и легко вставая во весь свой высокій ростъ, шурша шелкомъ и улыбаясь своей сіяющей улыбкой счастливой женщины.

— Я всегда на все согласенъ, — сказалъ адъютантъ, очень довольный тѣмъ, что противъ него играетъ теперь совершенно не умѣющая играть княгиня. Полторацкій же только развелъ руками улыбаясь.

Робберъ кончался, когда князь вернулся въ гостиную. Онъ пришелъ особенно возбужденный и веселый.

— Знаете, что я вамъ предложу?

— Ну?

— Выпьемте шампанскаго.

— На это я всегда готовъ, — сказалъ Полторацкій.

— Что же, это очень пріятно, — сказалъ адъютантъ.

— Василій, подайте, — сказалъ князь.

— Зачѣмъ тебя звали? — спросила Марья Васильевна.

— Былъ дежурный и еще одинъ человѣкъ.

— Кто? Что? — поспѣшно спросила Марья Васильевна.

— Не могу сказать, — пожавъ плечами, сказалъ Воронцовъ.

— Не можешь сказать, — повторила Марья Васильевна. — Это мы увидимъ.

Принесли шампанское. Гости выпили по стакану и, окончивъ игру и разочтясь, стали прощаться.

— Ваша рота завтра назначена въ лѣсъ? — спросилъ князь Полторацкаго.

— Моя. А что?

— Такъ мы увидимся завтра съ вами, — сказалъ князь, слегка улыбаясь.

— Очень радъ, — сказалъ Полторацкій, хорошенько не понимая того, что ему говорилъ Воронцовъ, и озабоченный только тѣмъ, какъ онъ сейчасъ пожметъ руку Марьи Васильевны.

Марья Васильевна, какъ всегда, не только крѣпко пожала, но и сильно тряхнула руку Полторацкаго. И еще разъ напомнивъ ему его ошибку, когда онъ пошелъ съ бубенъ, она улыбнулась ему, какъ показалось Полторацкому, прелестной, ласковой и значительной улыбкой.

Полторацкій шелъ домой въ томъ восторженномъ настроеніи, которое могутъ понимать только люди, какъ онъ, выросшіе и воспитанные въ свѣтѣ, когда они, послѣ мѣсяцевъ уединенной военной жизни, вновь встрѣчаютъ женщину изъ своего прежняго круга, да еще такую женщину, какъ княгиня Воронцова.

Подойдя къ домику, въ которомъ онъ жилъ съ товарищемъ, онъ толкнулъ входную дверь, но дверь была заперта. Онъ стукнулъ,—дверь не отворилась. Ему стало досадно, и онъ сталъ барабанить въ запертую дверь ногой и шашкой. За дверью послышались шаги, и Вавила, крѣпостной, дворовый человѣкъ Полторацкаго, откинулъ крючокъ.

— Съ чего вздумалъ запирать? Болванъ.

— Да развѣ можно, Алексѣй Владимир...

— Опять пьянъ. Вотъ я тебѣ покажу, какъ можно...

Полторацкій хотѣлъ ударить Вавилу, но раздумалъ.

— Ну, чортъ съ тобой. Свѣчу зажги.

— Сію минутую.

Вавила былъ дѣйствительно выпивши, а выпилъ онъ потому, что былъ на именинахъ у каптенармуса. Вернувшись домой, онъ задумался о своей жизни въ сравненіи съ жизнью Ивана Матвѣевича, каптенармуса. Иванъ Матвѣевичъ имѣлъ доходы, былъ женатъ и надѣялся черезъ годъ выйти въ чистую. Вавила же былъ мальчикомъ взятъ вверхъ, т.-е. въ услуженіе господамъ, и вотъ уже ему было сорокъ слишкомъ лѣтъ, а онъ не женился и жилъ походной жизнью при своемъ безалаберномъ баринѣ. Баринъ былъ хорошій, дрался мало,—но какая же это была жизнь! «Обѣщалъ дать вольную, когда вернется съ Кавказа,—да куда же мнѣ итти съ вольной... Собачья жизнь», думалъ Вавила. И ему такъ захотѣлось спать, что онъ, боясь, чтобы кто-нибудь не вошелъ и не унесъ что-нибудь, закинулъ крючокъ и заснулъ.

Полторацкій вошелъ въ комнату, гдѣ онъ спалъ вмѣстѣ съ товарищемъ Тихоновымъ

— Ну, что, проигрался? — сказалъ проснувшійся Тихоновъ.

— Анъ нѣтъ, семнадцать рублей выигралъ, и клико бутылочку роспили.

— И на Марью Васильевну смотрѣлъ?

— И на Марью Васильевну смотрѣлъ, — повторилъ Полторацкій.

— Скоро уже вставать, — сказалъ Тихоновъ, — въ шесть надо уже выступать.

— Вавила! — крикнулъ Полторацкій. — Смотри, хорошенько буди меня завтра въ пять.

— Какъ же васъ будить, когда вы деретесь.

— Я говорю, чтобы разбудить. Слышалъ?

— Слушаю.

Вавила ушелъ, унося сапоги и платье, а Полторацкій легъ въ постель и улыбаясь закурилъ папироску и потушилъ свѣчу. Онъ въ темнотѣ видѣлъ передъ собою улыбающееся лицо Марьи Васильевны.

У Воронцовыхъ не сейчасъ заснули. Когда гости ушли, Марья Васильевна подошла къ мужу и, остановившись передъ нимъ, строго сказала:

— Eh bien, vous allez me dire ce que c'est?

— Mais, ma chère...

— Pas de ma chère! C'est un émissaire, n'est-ce pas?

— Quand même je ne puis pas vous le dire.

— Vous ne pouvez pas? Alors c'est moi qui vais vous le dire.

— Vous? [1])

— Хаджи-Муратъ, да? — сказала княгиня, слышавшая уже нѣсколько дней о переговорахъ съ Хаджи-Муратомъ и предполагавшая, что у ея мужа былъ самъ Хаджи-Муратъ.

---

[1]) — Ну, ты сейчасъ скажешь мнѣ, въ чемъ дѣло?..
— Но, моя милая...
— Вовсе не милая!.. Это—лазутчикъ, не правда ли?
— Ну, если бы это и былъ лазутчикъ, я все-таки не могу сказать.
— Не можешь, такъ я тебѣ скажу.
— Ну?

Воронцовъ не могъ отрицать, но разочаровалъ жену въ томъ, что былъ не самъ Хаджи-Муратъ, а только лазутчикъ, объявившій, что Хаджи-Муратъ завтра выйдетъ къ нему въ то мѣсто, гдѣ назначена рубка лѣса.

Среди однообразія жизни въ крѣпости молодые Воронцовы—и мужъ и жена—были рады этому событію. Поговоривъ о томъ, какъ пріятно будетъ это извѣстіе его отцу, мужъ съ женой въ третьемъ часу легли спать.

IV.

Послѣ тѣхъ трехъ безсонныхъ ночей, которыя онъ провелъ, убѣгая отъ высланныхъ противъ него мюридовъ Шамиля, Хаджи-Муратъ заснулъ тотчасъ же, какъ только Садо вышелъ изъ сакли, пожелавъ ему спокойной ночи. Онъ спалъ не раздѣваясь, облокотившись на руку, утонувшую локтемъ въ подложенныя ему хозяиномъ пуховыя красныя подушки. Недалеко отъ него, у стѣны, спалъ Элдаръ. Элдаръ лежалъ на спинѣ, раскинувъ широко свои сильные, молодые члены, такъ что высокая грудь его, съ черными хозырями на бѣлой черкескѣ, была выше откинувшейся, свѣже бритой, синей головы, свалившейся съ подушки. Оттопыренная, какъ у дѣтей, съ чуть покрывавшимъ ее пушкомъ, верхняя губа его точно прихлебывала, сжимаясь и распускаясь. Онъ спалъ такъ же, какъ и Хаджи-Муратъ: одѣтый, съ пистолетомъ за поясомъ и кинжаломъ. Въ каминѣ сакли догорали сучья, и въ печуркѣ чуть свѣтился ночникъ.

Въ серединѣ ночи скрипнула дверь въ кунацкую, и Хаджи-Муратъ тотчасъ же поднялся и взялся за пистолетъ. Въ комнату, мягко ступая по земляному полу, вошелъ Садо.

— Что надо? — спросилъ Хаджи-Муратъ, какъ будто никогда не спавшій.

— Думать надо, — сказалъ Садо, усаживаясь передъ Хаджи-Муратомъ.—Женщина съ крыши видѣла, какъ ты проѣхалъ,—сказалъ онъ, — и разсказала мужу, а теперь весь аулъ знаетъ. Сейчасъ прибѣгала къ женѣ сосѣдка, сказывала, что старики собрались въ мечети и хотятъ остановить тебя.

— Ѣхать надо, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Кони готовы, — сказалъ Садо и быстро вышелъ изъ сакли.

— Элдаръ, — прошепталъ Хаджи-Муратъ, и Элдаръ, услыхавъ свое имя и, главное, голосъ своего мюршида, вскочилъ на сильныя ноги, оправляя папаху. Хаджи-Муратъ надѣлъ оружіе и бурку. Элдаръ сдѣлалъ то же, и оба молча вышли изъ сакли подъ навѣсъ. Черноглазый мальчикъ подвелъ лошадей. На стукъ копытъ по убитой дорогѣ улицы чья-то голова высунулась изъ двери сосѣдней сакли, и, стуча деревянными башмаками, пробѣжалъ какой-то человѣкъ въ гору къ мечети.

Мѣсяца не было, только звѣзды ярко свѣтили въ черномъ небѣ, и въ темнотѣ видны были очертанія крышъ саклей и больше другихъ зданіе мечети съ минаретомъ въ верхней части аула. Отъ мечети доносился гулъ голосовъ.

Хаджи-Муратъ, быстро прихвативъ ружье, вложилъ ногу въ узкое стремя и, беззвучно, незамѣтно перекинувъ тѣло, сѣлъ на высокую подушку сѣдла.

— Богъ да воздастъ вамъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину, отыскивая привычнымъ движеніемъ правой ноги другое стремя, и чуть-чуть тронулъ мальчика, державшаго лошадь, плетью, въ знакъ того, чтобы онъ посторонился. Мальчикъ посторонился, и лошадь, какъ будто сама зная, что ей надо дѣлать, бодрымъ шагомъ тронулась изъ проулка на главную дорогу. Элдаръ ѣхалъ сзади; Садо, въ шубѣ, быстро размахивая руками, почти бѣжалъ за ними, перебѣгая то на одну, то на другую сторону узкой улицы. У выѣзда, черезъ дорогу, показалась движущаяся тѣнь, потомъ — другая.

— Стой! Кто ѣдетъ? Остановись! — крикнулъ голосъ, и нѣсколько людей загородили дорогу.

Вмѣсто того, чтобы остановиться, Хаджи-Муратъ выхватилъ пистолетъ изъ-за пояса и прибавилъ хода, направляя лошадь прямо на заграждавшихъ дорогу людей. Люди, стоявшіе на дорогѣ, разошлись, и Хаджи-Муратъ, не оглядываясь, большой иноходью пустился внизъ по дорогѣ. Элдаръ большой рысью ѣхалъ за нимъ. Позади ихъ щелкнули два выстрѣла, просвистѣли двѣ пули, не задѣвшія ни его ни Элдара. Хаджи-Муратъ продолжалъ ѣхать тѣмъ же ходомъ. Отъѣхавъ шаговъ триста, онъ остановилъ слегка запыхавшуюся лошадь и сталъ прислушиваться. Впереди, внизу, шумѣла быстрая вода. Сзади слышны были перекликающіеся пѣтухи въ аулѣ. Изъ-за этихъ звуковъ послышался приближающійся лошади-

ный топотъ и говоръ позади Хаджи-Мурата. Хаджи-Муратъ тронулъ лошадь и поѣхалъ тѣмъ же ровнымъ проѣздомъ.

Ѣхавшіе сзади скакали и скоро догнали Хаджи-Мурата. Ихъ было человѣкъ двадцать верховыхъ. Это были жители аула, рѣшившіе задержать Хаджи-Мурата или, по крайней мѣрѣ, для очистки себя передъ Шамилемъ, сдѣлать видъ, что они хотятъ задержать его. Когда они приблизились настолько, что стали видны въ темнотѣ, Хаджи-Муратъ остановился, бросивъ поводья, и, привычнымъ движеніемъ лѣвой руки отстегнувъ чехолъ винтовки, правой рукой вынулъ ее. Элдаръ сдѣлалъ то же.

— Чего надо? — крикнулъ Хаджи-Муратъ. — Взять хотите? Ну, берите.

И онъ поднялъ винтовку.

Жители аула остановились. Хаджи-Муратъ, держа винтовку въ рукѣ, сталъ спускаться въ лощину. Конные, не приближаясь, ѣхали за нимъ. Когда Хаджи-Муратъ переѣхалъ на другую сторону лощины, ѣхавшіе за нимъ верховые закричали ему, чтобы онъ выслушалъ то, что они хотятъ сказать. Въ отвѣтъ на это Хаджи-Муратъ выстрѣлилъ изъ винтовки и пустилъ свою лошадь вскачь. Когда онъ остановилъ ее, погони за нимъ уже не слышно было; не слышно было и пѣтуховъ, а только яснѣе слышалось въ лѣсу журчаніе воды и изрѣдка плачъ филина. Черная стѣна лѣса была совсѣмъ близко. Это былъ тотъ самый лѣсъ, въ которомъ дожидались его его мюриды. Подъѣхавъ къ лѣсу, Хаджи-Муратъ остановился и, забравъ много воздуха въ легкія, засвисталъ и потомъ затихъ, прислушиваясь. Черезъ минуту такой же свистъ послышался изъ лѣсу. Хаджи-Муратъ свернулъ съ дороги и поѣхалъ въ лѣсъ. Проѣхавъ шаговъ сто, Хаджи-Муратъ увидалъ сквозь стволы деревьевъ костеръ, тѣни людей, сидѣвшихъ у костра, и до половины освѣщенную огнемъ стреноженную лошадь въ сѣдлѣ. У костра сидѣло четыре человѣка.

Одинъ изъ сидѣвшихъ у костра людей быстро всталъ и подошелъ къ Хаджи-Мурату, взявшись за поводъ и за стремя. Это былъ названый братъ Хаджи-Мурата, завѣдующій его хозяйствомъ.

— Огонь потушить! — сказалъ Хаджи-Муратъ, слѣзая съ лошади.

Люди стали раскидывать костеръ и топтать горѣвшіе сучья.

— Былъ здѣсь Бата? — спросилъ Хаджи-Муратъ, подходя къ разстеленной буркѣ.

— Былъ, давно ушли съ Ханъ-Магомой.

— По какой дорогѣ пошли?

— По этой, — отвѣчалъ Ханефи, указывая на противоположную сторону той, по которой пріѣхалъ Хаджи-Муратъ.

— Ладно, — сказалъ Хаджи-Муратъ и, снявъ винтовку, сталъ заряжать ее. — Поберечься надо, гнались за мной, — сказалъ Хаджи-Муратъ, обращаясь къ человѣку, тушившему огонь.

Это былъ чеченецъ Гамзало. Гамзало подошелъ къ буркѣ, взялъ лежавшую на ней въ чехлѣ винтовку и молча пошелъ на край поляны, къ тому мѣсту, изъ котораго подъѣхалъ Хаджи-Муратъ. Элдаръ, слѣзши съ лошади, взялъ лошадь Хаджи-Мурата и, высоко подтянувъ обѣимъ головы, привязалъ ихъ къ деревьямъ; потомъ такъ же, какъ Гамзало, съ винтовкой на плечахъ сталъ на другой край поляны. Костеръ былъ потушенъ, и лѣсъ не казался уже такимъ чернымъ, какъ прежде, и на небѣ, хотя и слабо, но свѣтились звѣзды.

Поглядѣвъ на звѣзды, на Стожàры, поднявшіеся уже на половину неба, Хаджи-Муратъ разсчиталъ, что было далеко за полночь, и что давно уже была пора ночной молитвы. Онъ спросилъ у Ханефи кумганъ, всегда возимый съ собой въ сумахъ, и, надѣвъ бурку, пошелъ къ водѣ.

Разувшись и совершивъ омовеніе, Хаджи-Муратъ сталъ босыми ногами на бурку, потомъ сѣлъ на икры и, сначала заткнувъ пальцами уши и закрывъ глаза, произнесъ, обращаясь на востокъ, обычную молитву.

Окончивъ молитву, онъ вернулся на свое мѣсто, гдѣ были переметныя сумы, и, сѣвъ на бурку, облокотилъ руки на колѣни и, опустивъ голову, задумался.

Хаджи-Муратъ всегда вѣрилъ въ свое счастье. Затѣвая что-нибудь, онъ былъ впередъ твердо увѣренъ въ удачѣ, — и все улыбалось ему. Такъ это было за рѣдкими исключеніями во все продолженіе его бурной военной жизни. Такъ, онъ надѣялся, что будетъ и теперь. Онъ представлялъ себѣ, какъ онъ съ войскомъ, которое дастъ ему Воронцовъ, пойдетъ на Шамиля и захватитъ его въ плѣнъ и отомститъ ему, и какъ русскій царь наградитъ его, и онъ опять будетъ

управлять не только Аваріей, но и всей Чечней, которая покорится ему. Съ этими мыслями онъ не замѣтилъ, какъ заснулъ.

Онъ видѣлъ во снѣ, какъ онъ съ своими молодцами, съ пѣснью и крикомъ «Хаджи-Муратъ идетъ!», летитъ на Шамиля и захватываетъ его съ его женами, и слышитъ, какъ плачутъ и рыдаютъ его жены. Онъ проснулся. Пѣсня «Ля илляхъ» и крики «Хаджи-Муратъ идетъ!» и плачъ женъ Шамиля былъ вой, плачъ и хохотъ шакаловъ, который разбудилъ его. Хаджи-Муратъ поднялъ голову, взглянулъ на свѣтившееся уже сквозь стволы деревьевъ небо на востокѣ и спросилъ у сидѣвшаго поодаль отъ него мюрида о Ханъ-Магомѣ. Узнавъ, что Ханъ-Магома еще не возвращался, Хаджи-Муратъ опустилъ голову и тотчасъ же опять задремалъ.

Разбудилъ его веселый голосъ Ханъ-Магомы, возвращавшагося съ Батою изъ своего посольства. Ханъ-Магома тотчасъ же подсѣлъ къ Хаджи-Мурату и сталъ разсказывать, какъ солдаты встрѣтили ихъ и проводили къ самому князю, какъ онъ говорилъ съ самимъ княземъ, какъ князь радовался и обѣщалъ утромъ встрѣтить ихъ тамъ, гдѣ русскіе будутъ рубить лѣсъ — за Мичикомъ, на Шалинской полянѣ. Бата перебивалъ рѣчь своего сотоварища, вставляя свои подробности.

Хаджи-Муратъ разспросилъ подробно о томъ, какими именно словами отвѣчалъ Воронцовъ на предложеніе Хаджи-Мурата выйти къ русскимъ. И Ханъ-Магома и Бата въ одинъ голосъ говорили, что князь обѣщалъ принять Хаджи-Мурата, какъ гостя, и дѣлать такъ, чтобы ему было хорошо. Хаджи-Муратъ разспросилъ еще про дорогу, и когда Ханъ-Магома завѣрилъ его, что онъ хорошо знаетъ дорогу и прямо приведетъ туда, Хаджи-Муратъ досталъ деньги и отдалъ Батѣ обѣщанные три рубля; своимъ же велѣлъ достать изъ переметныхъ сумъ свое съ золотой насѣчкой оружіе и папаху съ чалмой, самимъ же мюридамъ почиститься, чтобы пріѣхать къ русскимъ въ хорошемъ видѣ. Пока чистили оружіе, сѣдла, сбрую и коней, звѣзды померкли, стало совсѣмъ свѣтло, и потянулъ предразсвѣтный вѣтерокъ.

V.

Рано утромъ, еще въ темнотѣ, двѣ роты съ топорами, подъ командой Полторацкаго, вышли за десять верстъ за Шахгиринскія ворота и, разсыпавъ цѣпь стрѣлковъ, какъ только стало свѣтать, принялись

за рубку лѣса. Къ восьми часамъ туманъ, сливавшійся съ душистымъ дымомъ шипящихъ и трещащихъ на кострахъ сырыхъ сучьевъ, началъ подниматься кверху, и рубившіе лѣсъ, прежде за пять шаговъ не видавшіе, а только слышавшіе другъ друга, стали видѣть и костры и заваленную деревьями дорогу, шедшую черезъ лѣсъ. Солнце то показывалось свѣтлымъ пятномъ въ туманѣ, то опять скрывалось. На полянкѣ, поодаль отъ дороги, сидѣли на барабанахъ: Полторацкій съ своимъ субалтернъ-офицеромъ Тихоновымъ, два офицера третьей роты и бывшій кавалергардъ, разжалованный за дуэль, товарищъ Полторацкаго по Пажескому корпусу, баронъ Фрезе. Вокругъ барабановъ валялись бумажки отъ закусокъ, окурки и пустыя бутылки. Офицеры выпили водки, закусили и пили портеръ. Барабанщикъ откупоривалъ третью бутылку. Полторацкій, несмотря на то, что не выспался, былъ въ томъ особенномъ настроеніи подъема душевныхъ силъ и добраго, беззаботнаго веселья, въ которомъ онъ чувствовалъ себя всегда среди своихъ солдатъ и товарищей тамъ, гдѣ могла быть опасность.

Между офицерами шелъ оживленный разговоръ о послѣдней новости — смерти генерала Слѣпцова. Въ этой смерти никто не видѣлъ того важнѣйшаго въ жизни момента окончанія ея и возвращенія къ тому источнику, изъ котораго она вышла, а видѣлось только молодечество лихого офицера, бросившагося съ шашкой на горцевъ и отчаянно рубившаго ихъ.

Хотя всѣ, въ особенности побывавшіе въ дѣлахъ офицеры знали и могли знать, что на войнѣ тогда на Кавказѣ, да и никогда и нигдѣ не бываетъ той рубки врукопашную шашками, которая всегда предполагается и описывается, а если и бываетъ такая рукопашная шашками и штыками, то рубятъ и колютъ всегда только бѣгущихъ,—эта фикція рукопашной признавалась офицерами и придавала имъ ту спокойную гордость и веселость, съ которой они, одни въ молодецкихъ, другіе, напротивъ, въ самыхъ скромныхъ позахъ, сидѣли на барабанахъ, курили, пили и шутили, не заботясь о смерти, которая такъ же, какъ Слѣпцова, могла всякую минуту постигнуть каждаго изъ нихъ. И дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе ихъ ожиданія, въ серединѣ ихъ разговора влѣво отъ дороги послышался бодрящій, красивый звукъ винтовочнаго, рѣзко щелкнувшаго выстрѣла, и пулька, весело посвистывая, пролетѣла гдѣ-то въ туманномъ воздухѣ и щелкнулась въ дерево. Нѣсколько

грузно-громкихъ выстрѣловъ солдатскихъ ружей отвѣтили на непріятельскій выстрѣлъ.

— Эге! — крикнулъ веселымъ голосомъ Полторацкій, — вѣдь это въ цѣпи. Ну, братъ Костя, — обратился онъ къ Фрезе, — твое счастье. Иди къ ротѣ. Мы сейчасъ такое устроимъ сраженье, что прелесть. И представленіе сдѣлаемъ.

Разжалованный баронъ вскочилъ на ноги и быстрымъ шагомъ пошелъ въ область дыма, гдѣ была его рота. Полторацкому подали его маленькаго караковаго кабардинца, онъ сѣлъ на него и, выстроивъ роту, повелъ ее къ цѣпи по направленію выстрѣловъ. Цѣпь стояла на опушкѣ лѣса передъ спускающейся голой балкой. Вѣтеръ тянулъ на лѣсъ, и не только спускъ балки, но и та сторона ея были ясно видны.

Когда Полторацкій подъѣхалъ къ цѣпи, солнце выглянуло изъ-за тумана, и на противоположной сторонѣ балки, у другого начинавшагося тамъ мелкаго лѣса, саженъ за сто, виднѣлось нѣсколько всадниковъ. Чеченцы эти были тѣ, которые преслѣдовали Хаджи-Мурата и хотѣли видѣть его пріѣздъ къ русскимъ. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ по цѣпи. Нѣсколько солдатъ отвѣтили имъ изъ цѣпи. Чеченцы отъѣхали назадъ, и стрѣльба прекратилась; но когда Полторацкій подошелъ съ ротой, онъ велѣлъ стрѣлять, и только что была передана команда, по всей линіи цѣпи послышался непрерывный, веселый, бодрящій трескъ ружей, сопровождаемый красиво расходившимися дымками. Солдаты, радуясь развлеченію, торопились заряжать и выпускали зарядъ за зарядомъ. Чеченцы, очевидно, почувствовали задоръ и, выскакивая впередъ, одинъ за другимъ выпустили нѣсколько выстрѣловъ по солдатамъ. Одинъ изъ ихъ выстрѣловъ ранилъ солдата. Солдатъ этотъ былъ тотъ самый Авдеевъ, который былъ въ секретѣ. Когда товарищи подошли къ нему, онъ лежалъ вверхъ спиной, держа обѣими руками рану въ животѣ, и, равномѣрно покачиваясь, тихо стоналъ.

— Только сталъ ружье заряжать, слышу, чикнуло, — говорилъ солдатъ, бывшій съ нимъ въ парѣ.—Смотрю, а онъ ружье выпустилъ.

Авдеевъ былъ изъ роты Полторацкаго. Увидавъ собравшуюся кучку солдатъ, Полторацкій подъѣхалъ къ нимъ.

— Что, братъ, попало? — сказалъ онъ. — Куда?

Авдеевъ не отвѣчалъ.

— Только сталъ заряжать, ваше благородіе, — заговорилъ солдатъ, бывшій въ парѣ съ Авдеевымъ, — слышу, чикнуло, смотрю, — онъ ружье выпустилъ.

— Те-те, — пощелкалъ языкомъ Полторацкій. — Что жъ, больно, Авдеевъ?

— Не больно, а итти не даетъ. Винца бы, ваше благородіе.

Водка, т.-е. спиртъ, который пили солдаты на Кавказѣ, нашелся, и Пановъ, строго нахмурившись, поднесъ Авдееву крышку спирта. Авдеевъ началъ пить, но тотчасъ же отстранилъ крышку рукою.

— Не принимаетъ душа, — сказалъ онъ, — пей самъ.

Пановъ допилъ спиртъ. Авдеевъ опять попытался подняться и опять опустился. Разстелили шинель и положили на нее Авдеева.

— Ваше благородіе, полковникъ ѣдетъ, — сказалъ фельдфебель Полторацкому.

— Ну, ладно, распорядись ты,—сказалъ Полторацкій и, взмахнувъ плетью, поѣхалъ большой рысью навстрѣчу Воронцову.

Воронцовъ ѣхалъ на своемъ аглицкомъ, кровномъ рыжемъ жеребцѣ, сопутствуемый адъютантомъ полка, казакомъ и чеченцемъ-переводчикомъ.

— Что это у васъ? — спросилъ онъ Полторацкаго.

— Да вотъ выѣхала партія, напала на цѣпь, — отвѣчалъ ему Полторацкій.

— Ну, ну, и все вы затѣяли.

— Да не я, князь, — улыбаясь сказалъ Полторацкій, — сами лѣзли.

— Я слышалъ, солдата ранили?

— Да, очень жаль. Солдатъ хорошій.

— Тяжело?

— Кажется, тяжело, — въ животъ.

— А я, вы знаете, куда ѣду? — спросилъ Воронцовъ.

— Не знаю.

— Неужели не догадываетесь?..

— Нѣтъ.

— Хаджи-Муратъ вышелъ и сейчасъ встрѣтитъ насъ.

— Не можетъ быть!

— Вчера лазутчикъ отъ него былъ, — сказалъ Воронцовъ, съ трудомъ сдерживая улыбку радости. — Сейчасъ долженъ ждать

меня на Шалинской полянѣ, такъ вы разсыпьте стрѣлковъ до поляны и потомъ пріѣзжайте ко мнѣ.

— Слушаю, — сказалъ Полторацкій, приложивъ руку къ папахѣ, и поѣхалъ къ своей ротѣ. Самъ онъ свелъ цѣпь на правую сторону, съ лѣвой же стороны велѣлъ это сдѣлать фельдфебелю. Раненаго Авдеева между тѣмъ солдаты понесли въ крѣпость.

Полторацкій уже возвращался къ Воронцову, когда увидалъ сзади себя догоняющихъ его верховыхъ. Онъ остановился и подождалъ ихъ.

Впереди всѣхъ ѣхалъ на бѣлогривомъ конѣ, въ бѣлой черкескѣ, въ чалмѣ на папахѣ и въ отдѣланномъ золотомъ оружіи человѣкъ внушительнаго вида. Человѣкъ этотъ былъ Хаджи-Муратъ. Онъ подъѣхалъ къ Полторацкому и сказалъ ему что-то по-татарски. Полторацкій, поднявъ брови, развелъ руками въ знакъ того, что не понимаетъ, и улыбнулся. Хаджи-Муратъ отвѣтилъ улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Полторацкаго своимъ дѣтскимъ добродушіемъ. Полторацкій никакъ не ожидалъ видѣть такимъ этого страшнаго горца. Онъ ожидалъ мрачнаго, сухого, чуждаго человѣка, а передъ нимъ былъ самый простой человѣкъ, улыбающійся такой доброй улыбкой, что онъ казался давно знакомымъ пріятелемъ. Только одно было въ немъ особенное: это были его широко разставленные глаза, которые внимательно, проницательно и спокойно смотрѣли въ глаза другимъ людямъ.

Свита Хаджи-Мурата состояла изъ четырехъ человѣкъ. Былъ въ этой свитѣ тотъ Ханъ-Магома, который нынче ночью ходилъ къ Воронцову. Это былъ румяный, съ черными, безъ вѣкъ, яркими глазами, круглолицый человѣкъ, сіяющій жизнерадостнымъ выраженіемъ. Былъ еще коренастый, волосатый человѣкъ съ сросшимися бровями. Этотъ былъ тавлинецъ Ханефи, завѣдующій всѣмъ имуществомъ Хаджи-Мурата. Онъ велъ съ собой заводную лошадь съ туго наполненными переметными сумками. Особенно же выдѣлялись изъ свиты два человѣка: одинъ—молодой, тонкій, какъ женщина, въ поясѣ и широкій въ плечахъ, съ чуть пробивающейся русой бородкой, красавецъ, съ бараньими глазами, — это былъ Элдаръ, — и другой — кривой на одинъ глазъ, безъ бровей и безъ рѣсницъ, съ рыжей подстриженной бородой и шрамомъ черезъ носъ и лицо, — чеченецъ Гамзало.

Полторацкій указалъ Хаджи-Мурату на показавшагося по дорогѣ Воронцова. Хаджи-Муратъ направился къ нему и, подъѣхавъ, приложилъ правую руку къ груди и сказалъ что-то по-татарски и остановился. Чеченецъ-переводчикъ перевелъ:

— Отдаюсь, говоритъ, на волю русскаго царя, хочу, говоритъ, послужить ему. Давно хотѣлъ, Шамиль не пускалъ.

Выслушавъ переводчика, Воронцовъ протянулъ руку въ замшевой перчаткѣ Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ взглянулъ на эту руку, секунду помедлилъ, но потомъ крѣпко сжалъ ее и еще сказалъ что-то, глядя то на переводчика, то на Воронцова.

— Онъ говоритъ, ни къ кому не хотѣлъ выходить и только къ тебѣ, потому ты сынъ сардаря. Тебя уважаетъ крѣпко.

Воронцовъ кивнулъ головой въ знакъ того, что благодаритъ. Хаджи-Муратъ еще сказалъ что-то, указывая на свою свиту.

— Онъ говоритъ, что люди эти, его мюриды, будутъ такъ же, какъ и онъ, служить русскимъ.

Воронцовъ оглянулся на нихъ, кивнулъ и имъ головой.

Веселый, черноглазый, безъ вѣкъ, чеченецъ Ханъ-Магома, также кивая головой, что-то, должно-быть, смѣшное проговорилъ Воронцову, потому что волосатый аварецъ оскалилъ улыбкой свои ярко-бѣлые зубы. Рыжій же Гамзало только блеснулъ на мгновеніе однимъ своимъ краснымъ глазомъ на Воронцова и опять уставился на уши своей лошади.

Когда Воронцовъ и Хаджи-Муратъ, сопутствуемые свитой, проѣзжали назадъ къ крѣпости, солдаты, снятые съ цѣпи, собравшись кучкой, дѣлали свои замѣчанія:

— Сколько душъ загубилъ, проклятый! Теперь, поди, какъ его ублаготворять будутъ, — сказалъ одинъ.

— А то какъ же. Первый камандеръ у Шмеля былъ. Теперь небось.

— А молодчина, что говорить, джигитъ.

— А рыжій-то, рыжій,—какъ звѣрь, косится.

— Ухъ, собака, должно-быть.

Всѣ особенно замѣтили рыжаго.

Тамъ, гдѣ шла рубка, солдаты, бывшіе ближе къ дорогѣ, выбѣгали смотрѣть. Офицеръ крикнулъ на нихъ, но Воронцовъ остановилъ его.

— Пускай посмотрятъ своего стараго знакомаго. Ты знаешь, кто это? — спросилъ Воронцовъ у ближе стоявшаго солдата, медленно выговаривая слова своимъ аглицкимъ акцентомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство.

— Хаджи-Муратъ, — слыхалъ?

— Какъ не слыхать, ваше сіятельство, били его много разъ.

— Ну, и отъ него доставалось.

— Такъ точно, ваше сіятельство, — отвѣтилъ солдатъ, довольный тѣмъ, что удалось поговорить съ начальникомъ.

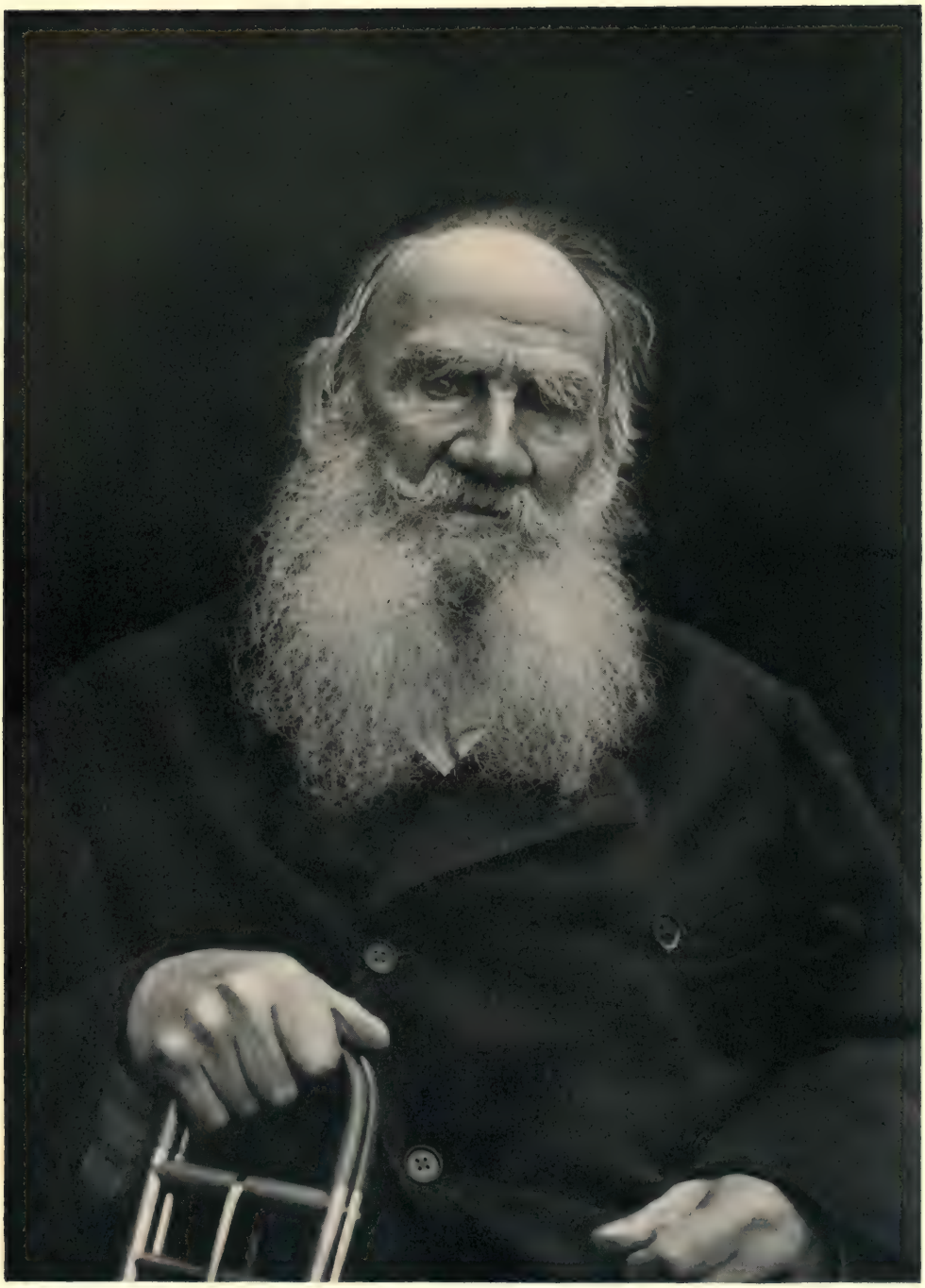
Хаджи-Муратъ понималъ, что говорятъ про него, и веселая улыбка свѣтилась въ его глазахъ. Воронцовъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа вернулся въ крѣпость.

VI.

Воронцовъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что ему, именно ему, удалось выманить и принять главнаго, могущественнѣйшаго, второго послѣ Шамиля врага Россіи. Одно было непріятно: командующимъ войсками въ Воздвиженской былъ генералъ Меллеръ-Закомельскій, и по настоящему надо было черезъ него вести все дѣло. Воронцовъ же все сдѣлалъ самъ, не донося ему, такъ что могла выйти непріятность. И эта мысль отравляла немного удовольствіе Воронцова.

Подъѣхавъ къ своему дому, Воронцовъ поручилъ полковому адъютанту мюридовъ Хаджи-Мурата, а самъ ввелъ его къ себѣ въ домъ.

Княгиня Марья Васильевна, нарядная, улыбающаяся, вмѣстѣ съ сыномъ, шестилѣтнимъ красавцемъ, кудрявымъ мальчикомъ, встрѣтила Хаджи-Мурата въ гостиной, и Хаджи-Муратъ, приложивъ свои руки къ груди, нѣсколько торжественно сказалъ черезъ переводчика, который вошелъ съ нимъ, что онъ считаетъ себя кунакомъ князя, такъ какъ онъ принялъ его къ себѣ, а что вся семья кунака такъ же священна для кунака, какъ и онъ самъ. И наружность и манеры Хаджи-Мурата понравились Марьѣ Васильевнѣ. То же, что онъ вспыхнулъ, покраснѣлъ, когда она подала ему свою большую бѣлую руку, еще болѣе расположило ее въ его пользу. Она предложила ему сѣсть и, спросивъ его,



ФОТОГР. В. ЧЕРТКОВА. КРЕКШИНО 1909 г.

Любите всех грешных нас

пьетъ ли онъ кофей, велѣла подать. Хаджи-Муратъ, однако, отказался отъ кофея, когда ему подали его. Онъ немного понималъ по-русски, но не могъ говорить, и когда не понималъ, улыбался, и улыбка его понравилась Марьѣ Васильевнѣ такъ же, какъ и Полторацкому. Кудрявый же, востроглазый сынокъ Марьи Васильевны, котораго мать называла Булькой, стоя подлѣ матери, не спускалъ глазъ съ Хаджи-Мурата, про котораго онъ слышалъ, какъ про необыкновеннаго воина.

Оставивъ Хаджи-Мурата у жены, Воронцовъ пошелъ въ канцелярію, чтобы сдѣлать распоряженіе объ извѣщеніи начальства о выходѣ Хаджи-Мурата. Написавъ донесеніе начальнику лѣваго фланга, генералу Козловскому, въ Грозную, и письмо отцу, Воронцовъ поспѣшилъ домой, боясь недовольства жены за то, что навязалъ ей чужого, страшнаго человѣка, съ которымъ надо было обходиться такъ, чтобъ и не обидѣть и не слишкомъ приласкать. Но страхъ его былъ напрасенъ. Хаджи-Муратъ сидѣлъ на креслѣ, держа на колѣнѣ Бульку, пасынка Воронцова, и, склонивъ голову, внимательно слушалъ то, что ему говорилъ переводчикъ, передавая слова смѣющейся Марьи Васильевны. Марья Васильевна говорила ему, что если онъ будетъ отдавать всякому кунаку ту свою вещь, которую кунакъ этотъ похвалитъ, то ему скоро придется ходить, какъ Адаму...

Хаджи-Муратъ при входѣ князя снялъ съ колѣна удивленнаго и обиженнаго этимъ Бульку и всталъ, тотчасъ же перемѣнивъ игривое выраженіе лица на строгое и серьезное. Онъ сѣлъ только тогда, когда сѣлъ Воронцовъ. Продолжая разговоръ, онъ отвѣтилъ на слова Марьи Васильевны тѣмъ, что таковъ ихъ законъ, что все, что̀ понравится кунаку, то надо отдать кунаку.

— Твоя сынъ кунакъ, — сказалъ онъ по-русски, гладя по курчавымъ волосамъ Бульку, влѣзшаго ему опять на колѣни.

— Онъ прелестенъ, твой разбойникъ, — по-французски сказала Марья Васильевна мужу. — Булька сталъ любоваться его кинжаломъ, онъ подарилъ его ему.

Булька показалъ кинжалъ отчиму.

— C'est un objet de prix [1]), — сказала Марья Васильевна.

---

[1]) Это цѣнная вещь.

— Il faudra trouver l'occasion de lui faire cadeau [1], — сказалъ Воронцовъ.

Хаджи-Муратъ сидѣлъ, опустивъ глаза, и, гладя мальчика по курчавой головѣ, приговаривалъ:

— Джигитъ, джигитъ.

— Прекрасный, прекрасный кинжалъ, — сказалъ Воронцовъ, вынувъ до половины отточенный булатный клинокъ съ дорожкой по серединѣ. — Благодарствуй.

— Спроси его, чѣмъ я могу услужить ему, — сказалъ Воронцовъ переводчику.

Переводчикъ передалъ, и Хаджи-Муратъ тотчасъ же отвѣтилъ, что ему ничего не нужно, но что онъ проситъ, чтобы его теперь отвели въ мѣсто, гдѣ бы онъ могъ помолиться. Воронцовъ позвалъ камердинера и велѣлъ ему исполнить желаніе Хаджи-Мурата.

Какъ только Хаджи-Муратъ остался одинъ въ отведенной ему комнатѣ, лицо его измѣнилось: исчезло выраженіе удовольствія — то ласковости, то торжественности, и выступило выраженіе озабоченности.

Пріемъ, сдѣланный ему Воронцовымъ, былъ гораздо лучше того, что онъ ожидалъ. Но чѣмъ лучше былъ этотъ пріемъ, тѣмъ меньше довѣрялъ Хаджи-Муратъ Воронцову и его офицерамъ. Онъ боялся всего: и того, что его схватятъ, закуютъ и сошлютъ въ Сибирь или просто убьютъ, и потому былъ насторожѣ.

Онъ спросилъ у пришедшаго Элдара, гдѣ помѣстили мюридовъ, гдѣ лошади, и не отобрали ли у нихъ оружіе.

Элдаръ донесъ, что лошади въ княжеской конюшнѣ, людей помѣстили въ сараѣ, оружіе оставили при нихъ, и переводчикъ угощаетъ ихъ ѣдой и чаемъ.

Хаджи-Муратъ, недоумѣвая, покачалъ головой и, раздѣвшись, сталъ на молитву. Окончивъ ее, онъ велѣлъ принести себѣ серебряный кинжалъ и, одѣвшись и подпоясавшись, сѣлъ съ ногами на тахту, дожидаясь того, что̀ будетъ.

Въ пятомъ часу его позвали обѣдать къ князю.

За обѣдомъ Хаджи-Муратъ ничего не ѣлъ, кромѣ плова, котораго онъ взялъ себѣ на тарелку изъ того самаго мѣста, изъ котораго взяла себѣ Марья Васильевна.

---

[1] Надо будетъ найти случай отдарить его.

— Онъ боится, чтобы мы не отравили его, — сказала Марья Васильевна мужу. — Онъ взялъ, гдѣ я взяла. — И тотчасъ же обратилась къ Хаджи-Мурату черезъ переводчика, спрашивая, когда онъ теперь опять будетъ молиться. Хаджи-Муратъ поднялъ пять пальцевъ и показалъ на солнце.

— Стало-быть, скоро.

Воронцовъ вынулъ брегетъ и прижалъ пружинку,—часы пробили четыре и одну четверть. Хаджи-Мурата, очевидно, удивилъ этотъ звонъ, и онъ попросилъ позвонить еще и посмотрѣть часы.

— Voila l'occasion! Donnez-lui la montre [1]), — сказала Марья Васильевна мужу.

Воронцовъ тотчасъ предложилъ часы Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ приложилъ руку къ груди и взялъ часы. Нѣсколько разъ онъ нажималъ пружинку, слушалъ и одобрительно покачивалъ головой.

Послѣ обѣда князю доложили объ адъютантѣ Меллера-Закомельскаго.

Адъютантъ передалъ князю, что генералъ, узнавъ объ выходѣ Хаджи-Мурата, очень недоволенъ тѣмъ, что ему не было доложено объ этомъ, и что онъ требуетъ, чтобы Хаджи-Муратъ сейчасъ же былъ доставленъ къ нему. Воронцовъ сказалъ, что приказаніе генерала будетъ исполнено, и, черезъ переводчика передавъ Хаджи-Мурату требованіе генерала, попросилъ его итти вмѣстѣ съ нимъ къ Меллеру.

Марья Васильевна, узнавъ о томъ, зачѣмъ приходилъ адъютантъ, тотчасъ же поняла, что между ея мужемъ и генераломъ можетъ произойти непріятность, и, несмотря на всѣ отговоры мужа, собралась вмѣстѣ съ нимъ и Хаджи-Муратомъ къ генералу.

— Vous feriez bien mieux de rester; c'est mon affaire, non pas la vôtre [2]).

— Vous ne pouvez pas m'empêcher d'aller voir madame la générale [3]).

— Можно бы въ другое время.

— А я хочу теперь.

---

[1]) Вотъ случай! Подари ему часы.

[2]) Ты бы гораздо лучше сдѣлала, если бы осталась; это мое дѣло, а не твое.

[3]) Ты не можешь мнѣ препятствовать навѣстить генеральшу.

Дѣлать было нечего. Воронцовъ согласился, и они пошли всѣ трое.

Когда они вошли, Меллеръ съ мрачной учтивостью проводилъ Марью Васильевну къ женѣ, адъютанту же приказалъ проводить Хаджи-Мурата въ пріемную и не выпускать никуда до его приказанія.

— Прошу, — сказалъ онъ Воронцову, отворяя дверь въ кабинетъ и пропуская въ нее князя впередъ себя.

Войдя въ кабинетъ, онъ остановился передъ княземъ и, не прося его сѣсть, сказалъ:

— Я здѣсь воинскій начальникъ, и потому всѣ переговоры съ непріятелемъ должны быть ведены черезъ меня. Почему вы не донесли мнѣ о выходѣ Хаджи-Мурата?

— Ко мнѣ пришелъ лазутчикъ и объявилъ желаніе Хаджи-Мурата отдаться мнѣ, — отвѣчалъ Воронцовъ, блѣднѣя отъ волненія ожиданія грубой выходки разгнѣваннаго генерала и вмѣстѣ съ тѣмъ заражаясь его гнѣвомъ.

— Я спрашиваю, почему не донесли мнѣ?

— Я намѣревался сдѣлать это, баронъ, но...

— Я вамъ не баронъ, а ваше превосходительство.

И тутъ вдругъ прорвалось долго сдерживаемое раздраженіе барона. Онъ высказалъ все, что давно накипѣло у него въ душѣ.

— Я не затѣмъ двадцать семь лѣтъ служу своему государю, чтобы люди, со вчерашняго дня начавшіе служить, пользуясь своими родственными связями, у меня подъ носомъ распоряжались тѣмъ, что ихъ не касается.

— Ваше превосходительство, я прошу васъ не говорить того, что несправедливо, — перебилъ его Воронцовъ.

— Я говорю правду и не позволю....—еще раздражительнѣе заговорилъ генералъ.

Въ это время, шурша юбками, вошла Марья Васильевна и за ней невысокая, скромная дама, жена Меллера-Закомельскаго.

— Ну, полноте, баронъ, Simon не хотѣлъ вамъ сдѣлать непріятности, — заговорила Марья Васильевна.

— Я, княгиня, не про то говорю...

— Ну, знаете, лучше оставимъ это. Знаете: худой споръ лучше доброй ссоры. Что я говорю...—Она засмѣялась.

И сердитый генералъ покорился обворожительной улыбкѣ красавицы. Подъ усами его мелькнула улыбка.

— Я признаю, что я былъ неправъ,—сказалъ Воронцовъ,—но...

— Ну, и я погорячился, — сказалъ Меллеръ и подалъ руку князю.

Миръ былъ установленъ, и рѣшено было на время оставить Хаджи-Мурата у Меллера, а потомъ отослать къ начальнику лѣваго фланга.

Хаджи-Муратъ сидѣлъ рядомъ въ комнатѣ и, хотя не понималъ того, что говорили, понялъ то, что ему нужно было понять: что они спорили о немъ, и что его выходъ отъ Шамиля есть дѣло огромной важности для русскихъ, и что поэтому, если только его не сошлютъ и не убьютъ, ему много можно будетъ требовать отъ нихъ. Кромѣ того, понялъ онъ и то, что Меллеръ-Закомельскій, хоть и начальникъ, не имѣетъ того значенія, которое имѣетъ Воронцовъ, его подчиненный, и что важенъ Воронцовъ, а не важенъ Меллеръ-Закомельскій. И поэтому, когда Меллеръ-Закомельскій позвалъ къ себѣ Хаджи-Мурата и сталъ разспрашивать его, Хаджи-Муратъ держалъ себя гордо и торжественно, говоря, что вышелъ изъ горъ, чтобы служить Бѣлому царю и обо всемъ дастъ отчетъ только его сардарю, т.-е. главнокомандующему, князю Воронцову, въ Тифлисѣ.

VII.

Раненаго Авдеева снесли въ госпиталь, помѣщавшійся въ небольшомъ, крытомъ тесомъ домѣ, на выѣздѣ изъ крѣпости, и положили въ общую палату на одну изъ пустыхъ коекъ. Въ палатѣ было четверо больныхъ: одинъ — метавшійся въ жару тифозный, другой — блѣдный, съ синевой подъ глазами, лихорадочный, дожидавшійся пароксизма и непрестанно зѣвавшій, и еще два, въ набѣгѣ три недѣли тому назадъ раненыхъ, — одинъ въ кисть руки (этотъ былъ на ногахъ), другой въ плечо (этотъ сидѣлъ на койкѣ). Всѣ, кромѣ тифознаго, окружили принесеннаго и разспрашивали принесшихъ.

— Другой разъ палятъ, какъ горохомъ осыпаютъ,—и ничего, а тутъ всего разъ пятокъ выстрѣлили, — разсказывалъ одинъ изъ принесшихъ.

— Кому что назначено.

— Охъ! — громко крякнулъ, сдерживая боль, Авдеевъ, когда его стали класть на койку. Когда же его положили, онъ нахмурился и не стоналъ больше, но только не переставая шевелилъ ступнями. Онъ держалъ рану руками и неподвижно смотрѣлъ передъ собою. Пришелъ докторъ и велѣлъ перевернуть раненаго, чтобы посмотрѣть, не вышла ли пуля сзади.

— Это что же? — спросилъ докторъ, указывая на большіе, перекрещивающіеся бѣлые рубцы на спинѣ и заду.

— Это старое, ваше высокоблагородіе, — кряхтя проговорилъ Авдеевъ.

Это были слѣды его наказанія за пропитыя деньги.

Авдеева опять повернули, и докторъ долго ковырялъ зондомъ въ животѣ и нащупалъ пулю, но не могъ достать ее. Перевязавъ рану и заклеивъ ее липкимъ пластыремъ, докторъ ушелъ. Во все время ковырянія раны и перевязыванія ея Авдеевъ лежалъ съ стиснутыми зубами и закрытыми глазами. Когда же докторъ ушелъ, онъ открылъ глаза и удивленно оглянулся вокругъ себя. Глаза его были направлены на больныхъ и фельдшера, но онъ какъ будто не видѣлъ ихъ, а видѣлъ что-то другое, удивлявшее его.

Пришли товарищи Авдеева—Пановъ и Серегинъ. Авдеевъ все такъ же лежалъ, удивленно глядя передъ собой. Онъ долго не могъ узнать товарищей, несмотря на то, что глаза его смотрѣли прямо на нихъ.

— Ты, Пётра, чего домой приказать не хочешь ли? — сказалъ Пановъ.

Авдеевъ не отвѣчалъ, хотя и смотрѣлъ въ лицо Панова.

— Я говорю, домой приказать не хочешь ли чего, — опять спросилъ Пановъ, трогая его за холодную ширококостную руку.

Авдеевъ какъ будто очнулся.

— А, Антонычъ!

— Да, вотъ пришелъ. Не прикажешь ли чего домой? Серегинъ напишетъ.

— Серегинъ, — сказалъ Авдеевъ, съ трудомъ переводя глаза на Серегина, — напишешь?.. Такъ вотъ и пиши: сынъ, молъ, вашъ Петруха долго жить приказалъ... Завиствовалъ брату. Я тебѣ нонче сказывалъ. А теперь, значитъ, самъ радъ. Не замай живетъ. Дай Богъ ему, я радъ. Такъ и пропиши.

Сказавъ это, онъ долго молчалъ, уставившись глазами на Панова.

— Ну, а трубку нашелъ? — вдругъ спросилъ онъ

Пановъ не отвѣчалъ.

— Трубку, трубку, говорю, нашелъ? — повторилъ Авдеевъ.

— Въ сумкѣ была.

— То-то. Ну, а теперь свѣчку мнѣ дайте, я сейчасъ помирать буду, — сказалъ Авдеевъ.

Въ это время пришелъ Полторацкій провѣдать своего солдата.

— Что, братъ, плохо? — сказалъ онъ.

Авдеевъ закрылъ глаза и отрицательно покачалъ головой. Скуластое лицо его было блѣдно и строго. Онъ ничего не отвѣтилъ и только опять повторилъ, обращаясь къ Панову:

— Свѣчку дай, помирать буду.

Ему дали свѣчу въ руки, но пальцы не сгибались, и ее вложили между пальцевъ и придерживали. Полторацкій ушелъ, и пять минутъ послѣ его ухода фельдшеръ приложилъ ухо къ сердцу Авдеева и сказалъ, что онъ кончился.

Смерть Авдеева въ реляціи, которая была послана въ Тифлисъ, описывалась слѣдующимъ образомъ: «23 ноября двѣ роты Куринскаго полка выступили изъ крѣпости для рубки лѣса. Въ серединѣ дня значительное скопище горцевъ внезапно атаковало рубщиковъ. Цѣпь начала отступать, и въ это время вторая рота ударила въ штыки и опрокинула горцевъ. Въ дѣлѣ легко ранены два рядовыхъ и убитъ одинъ. Горцы же потеряли около ста человѣкъ убитыми и ранеными».

VIII.

Въ тотъ самый день, когда Петруха Авдеевъ кончался въ воздвиженскомъ госпиталѣ, его старикъ-отецъ, жена брата, за котораго онъ пошелъ въ солдаты, и дочь старшаго брата, дѣвка-невѣста, молотили овесъ на морозномъ току. Наканунѣ выпалъ глубокій снѣгъ, и къ утру сильно заморозило. Старикъ проснулся еще съ третьими пѣтухами и, увидавъ въ замерзшемъ окнѣ яркій свѣтъ мѣсяца, слѣзъ съ печи, обулся, надѣлъ шубу, шапку и пошелъ на гумно. Проработавъ тамъ часа два, старикъ вернулся въ избу и разбудилъ сына и бабъ. Когда бабы и дѣвка пришли на

гумно, токъ былъ расчищенъ, деревянная лопата стояла воткнутой въ бѣлый сыпучій снѣгъ и рядомъ съ нею метла прутьями вверхъ, и овсяные снопы были разостланы въ два ряда, волоть съ волотью, длинной веревкой по чистому току. Разобрали цѣпы и стали молотить, равномѣрно ладя тремя ударами. Старикъ крѣпко билъ тяжелымъ цѣпомъ, разбивая солому, дѣвка ровнымъ ударомъ била сверху, сноха отворачивала

Мѣсяцъ зашелъ, и начинало свѣтать; и уже кончали веревку, когда старшій сынъ, Акимъ, въ полушубкѣ и шапкѣ вышелъ къ работающимъ.

— Ты чего тамъ лодырничалъ? — крикнулъ на него отецъ, останавливаясь молотить и опираясь на цѣпъ.

— Лошадей убрать надо же.

— Лошадей убрать, — передразнилъ отецъ. — Старуха уберетъ. Бери цѣпъ. Больно жиренъ сталъ, пьяница.

— Ты что ли меня поилъ? — пробурчалъ сынъ.

— Чаго? — нахмурившись и пропуская ударъ, грозно спросилъ старикъ.

Сынъ молча взялъ цѣпъ, и работа пошла въ четыре цѣпа: трапъ-та-па-тапъ, трапъ-та-па-тапъ... Трапъ,—ударялъ послѣ трехъ разъ тяжелый цѣпъ старика.

— Загривокъ-то, глянь, какъ у барана добраго. Вотъ у меня такъ портки не держатся, — проговорилъ старикъ, пропуская свой ударъ и только, чтобы не потерять тактъ, переворачивая въ воздухѣ цѣпинкой.

Веревку кончили, и бабы граблями стали снимать солому.

— Дуракъ Петруха, что за тебя пошелъ. Изъ тебя бы въ солдатахъ дурь-то повыбили бы, а онъ-то дома пятерыхъ такихъ, какъ ты, стоилъ.

— Ну, будетъ, батюшка, — сказала сноха, откидывая разбитыя свясла.

— Да, корми васъ самъ-шостъ, а работы и отъ одного нѣту. Петруха, бывало, за двоихъ одинъ работаетъ, а не то что...

По протоптанной изъ двора тропинкѣ, скрипя по снѣгу новыми лаптями на туго обвязанныхъ шерстяныхъ онучахъ, подошла старуха. Мужики сгребали не вѣянное зерно въ ворохъ, бабы и дѣвка заметали.

— Выборный заходилъ. На барщину, всѣми кирпичъ возить,— сказала старуха. — Я завтракать собрала. Идите, что ль.

— Ладно. Чалаго запряги и ступай, — сказалъ старикъ Акиму. — Да смотри, чтобъ не такъ, какъ намедни, отвѣчать за тебя. Попомнишь Петруху.

— Какъ онъ былъ дома, его ругалъ, — огрызнулся теперь Акимъ на отца, — а нѣтъ его, меня глодаешь.

— Значитъ, стоишь,—такъ же сердито сказала мать. — Не съ Петрухой тебя смѣнять.

— Ну, ладно, — сказалъ сынъ.

— То-то и ладно. Муку пропилъ, а теперь говоришь: ладно.

— Про старыя дрожди [не] поминать двожды,—сказала сноха.

И всѣ, положивъ цѣпы, пошли къ дому.

Нелады между отцомъ и сыномъ начались уже давно, почти со времени отдачи Петра въ солдаты. Уже тогда старикъ почувствовалъ, что онъ промѣнялъ кукушку на ястреба. Правда, что по закону, какъ разумѣлъ его старикъ, надо было бездѣтному итти за семейнаго. У Акима было четверо дѣтей, у Петра -никого, но работникъ Петръ былъ такой же, какъ и отецъ: ловкій, смѣтливый, сильный, выносливый и, главное, трудолюбивый. Онъ всегда работалъ. Если онъ проходилъ мимо работающихъ, такъ же, какъ и дѣлывалъ старикъ, онъ тотчасъ же брался помогать: или пройдетъ ряда два съ косой, или навьетъ возъ, или срубитъ дерево, или порубитъ дровъ. Старикъ жалѣлъ его, но дѣлать было нечего. Солдатство было какъ смерть. Солдатъ былъ отрѣзанный ломоть, и поминать о немъ, душу бередить, не зачѣмъ было. Только изрѣдка, чтобы уколоть старшаго сына, старикъ, какъ нынче, вспоминалъ его. Мать же часто поминала меньшого сына и уже давно, второй годъ, просила старика, чтобы онъ послалъ Петрухѣ деньжонокъ. Но старикъ отмалчивался.

Дворъ Авдеевыхъ былъ богатый, и у старика были припрятаны деньжонки, но онъ ни за что не рѣшился бы тронуть отложенное. Теперь, когда старуха услыхала, что онъ поминаетъ меньшого сына, она рѣшила опять просить его, чтобы при продажѣ овса послать сыну хоть рубликъ. Такъ она и сдѣлала. Оставшись вдвоемъ съ старикомъ послѣ того, какъ молодые ушли на барщину, она уговорила мужа изъ овсяныхъ денегъ послать рубль Петрухѣ. Такъ что, когда изъ провѣянныхъ вороховъ двѣнадцать четвертей овса

были насыпаны на веретья въ трое саней, и веретья аккуратно зашпилены деревянными шпильками, она дала старику написанное подъ ея слова дьячкомъ письмо, и старикъ обѣщалъ въ городѣ приложить къ письму рубль и послать по адресу.

Старикъ, одѣтый въ новую шубу и кафтанъ и въ чистыхъ бѣлыхъ шерстяныхъ онучахъ, взялъ письмо, уложилъ его въ кошель и, помолившись Богу, сѣлъ на переднія сани и поѣхалъ въ городъ. На заднихъ саняхъ ѣхалъ внукъ. Въ городѣ старикъ велѣлъ дворнику прочесть себѣ письмо и внимательно и одобрительно слушалъ его.

Въ письмѣ Петрухиной матери было писано, во-первыхъ, благословеніе, во-вторыхъ, поклоны всѣхъ, извѣстіе о смерти крестнаго и подъ конецъ извѣстіе о томъ, что Аксинья (жена Петра) не захотѣла съ нами жить и пошла въ люди. Слышно, что живетъ хорошо и честно. Упоминалось о гостинцѣ, рублѣ, и прибавлялось то, что уже прямо отъ себя и слово въ слово пригорюнившаяся старуха, со слезами на глазахъ, велѣла написать дьячку:

«А еще, милое мое дитятко, голубокъ ты мой Петрушенька, выплакала я свои глазушки, о тебѣ сокрушаючись. Солнышко мое ненаглядное, на кого ты меня оставилъ...» На этомъ мѣстѣ старуха завыла, заплакала и сказала:

— Такъ и будетъ.

Такъ это и осталось въ письмѣ, но Петрухѣ не суждено было получить ни извѣстія о томъ, что жена его ушла изъ дому, ни рубля, ни послѣднихъ словъ матери. Письмо это и деньги вернулись назадъ съ извѣстіемъ, что Петруха убитъ на войнѣ, защищая царя, отечество и вѣру православную. Такъ написалъ военный писарь.

Старуха, получивъ это извѣстіе, повыла, покуда было время, а потомъ взялась за работу. Въ первое же воскресенье она пошла въ церковь, отслужила панихидку, вписала Петра въ поминовеніе покойниковъ и раздала кусочки просвирокъ добрымъ людямъ для поминанія раба Божья Петра.

Солдатка Аксинья тоже повыла, узнавъ о смерти любимаго мужа, съ которымъ она пожила только одинъ годочекъ. Она жалѣла и мужа и всю свою погубленную жизнь, и въ своемъ вытьѣ поминала и русые кудри Петра Михайловича, и его любовь, и свое горькое житье съ сиротой Ванькою, и горько упрекала Петрушу за то, что

онъ пожалѣлъ брата, а не пожалѣлъ ее, горькую, по чужимъ людямъ скитающуюся.

Въ глубинѣ же души Аксинья была рада смерти Петра. Она была вновь брюхата отъ приказчика, у котораго она жила, и теперь никто уже не могъ ругать ее, и приказчикъ могъ взять ее замужъ, какъ онъ и говорилъ ей, когда склонялъ ее къ любви.

IX.

Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ, воспитанный въ Англіи, сынъ русскаго посла, былъ среди русскихъ высшихъ чиновниковъ человѣкъ рѣдкаго въ то время европейскаго образованія, честолюбивый, мягкій, ласковый въ обращеніи съ низшими и тонкій придворный въ отношеніяхъ съ высшими. Онъ не понималъ жизни безъ власти и безъ покорности. Онъ имѣлъ всѣ высшіе чины и ордена и считался искуснымъ военнымъ, даже побѣдителемъ Наполеона подъ Краснымъ. Ему въ 52-мъ году было за семьдесятъ лѣтъ, но онъ еще былъ совсѣмъ свѣжъ, бодро двигался и, главное, вполнѣ обладалъ всей ловкостью тонкаго и пріятнаго ума, направленнаго на поддержаніе своей власти и утвержденіе и распространеніе своей популярности. Онъ владѣлъ большимъ богатствомъ—и своимъ и своей жены, графини Браницкой,—и огромнымъ получаемымъ содержаніемъ въ качествѣ намѣстника и тратилъ большую часть своихъ средствъ на устройство дворца и сада на южномъ берегу Крыма.

Вечеромъ 4-го декабря 1852 года къ дворцу его въ Тифлисѣ подъѣхала курьерская тройка. Усталый, весь черный отъ пыли офицеръ, привезшій отъ генерала Козловскаго извѣстіе о выходѣ къ русскимъ Хаджи-Мурата, разминая ноги, вошелъ мимо часовыхъ въ широкое крыльцо намѣстническаго дворца. Было шесть часовъ вечера, и Воронцовъ шелъ къ обѣду, когда ему доложили о пріѣздѣ курьера. Воронцовъ принялъ курьера не откладывая и потому на нѣсколько минутъ опоздалъ къ обѣду. Когда онъ вошелъ въ гостиную, приглашенные къ столу, человѣкъ тридцать, сидѣвшіе около княгини Елизаветы Ксаверьевны и стоявшіе группами у оконъ, встали, повернулись лицомъ къ вошедшему. Воронцовъ былъ въ своемъ обычномъ черномъ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ полупогон-

чиками и бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Лисье бритое лицо его пріятно улыбалось, и глаза щурились, оглядывая всѣхъ собравшихся.

Войдя мягкими, поспѣшными шагами, онъ извинился передъ дамами за то, что опоздалъ, поздоровался съ мужчинами и, подойдя къ грузинской княгинѣ Мананѣ Орбеліани, 45-лѣтней, восточнаго склада, полной, высокой красавицѣ, подалъ ей руку, чтобы вести ее къ столу. Княгиня Елизавета Ксаверьевна сама подала руку пріѣзжему рыжеватому генералу съ щетинистыми усами. Грузинскій князь подалъ руку графинѣ Шуазель, пріятельницѣ княгини. Докторъ Андреевскій, адъютанты и другіе, кто съ дамами, кто безъ дамъ, пошли вслѣдъ за двумя парами. Лакеи въ кафтанахъ, чулкахъ и башмакахъ отодвигали и придвигали стулья садящимся; метръ-д'отель торжественно разливалъ дымящійся супъ изъ серебряной миски.

Воронцовъ сѣлъ въ серединѣ длиннаго стола. Напротивъ его сѣла княгиня, его жена, съ генераломъ. Направо отъ него была его дама, красавица Орбеліани, налѣво — стройная, черная, румяная, въ блестящихъ украшеніяхъ княжна-грузинка, не переставая улыбавшаяся.

— Excellentes, chère amie [1]), — отвѣчалъ онъ на вопросъ княгини о томъ, какія онъ получилъ извѣстія съ курьеромъ.—Simon a eu de la chance [2]).

И онъ сталъ разсказывать такъ, чтобы могли слышать всѣ сидящіе за столомъ, поразительную новость — для него одного это не было вполнѣ новостью, потому что переговоры велись уже давно — о томъ, что знаменитый, храбрѣйшій помощникъ Шамиля Хаджи-Муратъ передался русскимъ и нынче-завтра будетъ привезенъ въ Тифлисъ.

Всѣ обѣдавшіе, даже молодежь, адъютанты и чиновники, сидѣвшіе на дальнихъ концахъ стола и передъ этимъ о чемъ-то тихо смѣявшіеся, всѣ затихли и слушали.

— А вы, генералъ, встрѣчали этого Хаджи-Мурата? — спросила княгиня у своего сосѣда, рыжаго генерала съ щетинистыми усами, когда князь пересталъ говорить.

— И не разъ, княгиня.

---

[1]) Прекрасныя, милый другъ.

[2]) Семену повезло.

И генералъ разсказалъ про то, какъ Хаджи-Муратъ въ 43-мъ году, послѣ взятія горцами Гергебиля, наткнулся на отрядъ генерала Пассека, и какъ онъ на ихъ глазахъ почти убилъ полковника Золотухина.

Воронцовъ слушалъ генерала съ пріятной улыбкой, очевидно, довольный тѣмъ, что генералъ разговорился. Но вдругъ лицо Воронцова приняло разсѣянное и унылое выраженіе.

Разговорившійся генералъ сталъ разсказывать про то, гдѣ онъ въ другой разъ столкнулся съ Хаджи-Муратомъ.

— Вѣдь это онъ, — говорилъ генералъ, — вы изволите помнить, ваше сіятельство?—устроилъ въ сухарную экспедицію засаду на выручкѣ.

— Гдѣ? — переспросилъ Воронцовъ, щуря глаза.

Дѣло было въ томъ, что храбрый генералъ называлъ «выручкой» то дѣло въ несчастномъ Даргинскомъ походѣ, въ которомъ дѣйствительно погибъ бы весь отрядъ съ княземъ Воронцовымъ, командовавшимъ имъ, если бы его не выручили вновь подошедшія войска. Всѣмъ было извѣстно, что весь Даргинскій походъ, подъ начальствомъ Воронцова, въ которомъ русскіе потеряли много убитыхъ и раненыхъ и нѣсколько пушекъ, былъ постыднымъ событіемъ, и потому, если кто и говорилъ про этотъ походъ при Воронцовѣ, то говорилъ только въ томъ смыслѣ, въ которомъ Воронцовъ написалъ донесеніе царю, т.-е. что это былъ блестящій подвигъ русскихъ войскъ. Словомъ же *выручка* прямо указывалось на то, что это былъ не блестящій подвигъ, а ошибка, погубившая много людей. Всѣ поняли это, и одни дѣлали видъ, что не замѣчаютъ значенія словъ генерала, другіе испуганно ожидали, что̀ будетъ дальше; нѣкоторые, улыбаясь, переглянулись. Одинъ только рыжій генералъ съ щетинистыми усами ничего не замѣчалъ и, увлеченный своимъ разсказомъ, спокойно отвѣтилъ:

— На выручкѣ, ваше сіятельство.

И разъ заведенный на любимую тему, генералъ подробно разсказалъ, какъ «этотъ Хаджи-Муратъ такъ ловко разрѣзалъ отрядъ пополамъ, что не приди намъ на выручку, — онъ какъ будто съ особенной любовью повторялъ слово «выручка», — тутъ бы всѣ и остались, потому»...

Генералъ не успѣлъ досказать все, потому что Манана Орбеліани, понявъ, въ чемъ дѣло, перебила рѣчь генерала, разспрашивая

его объ удобствахъ его помѣщенія въ Тифлисѣ. Генералъ удивился, оглянулся на всѣхъ и на своего адъютанта въ концѣ стола, упорнымъ и значительнымъ взглядомъ смотрѣвшаго на него, — и вдругъ понялъ. Не отвѣчая княгинѣ, онъ нахмурился, замолчалъ и сталъ поспѣшно ѣсть, не жуя, лежавшее у него на тарелкѣ утонченное кушанье непонятнаго для него вида и даже вкуса.

Всѣмъ стало неловко, но неловкость положенія исправилъ грузинскій князь, очень глупый, но необыкновенно тонкій и искусный льстецъ и придворный, сидѣвшій по другую сторону княгини Воронцовой. Онъ, какъ будто ничего не замѣчая, громкимъ голосомъ сталъ разсказывать про похищеніе Хаджи-Муратомъ вдовы Ахметъ-хана мехтулинскаго:

— Ночью вошелъ въ селенье, схватилъ, что ему нужно было, и ускакалъ со всей партіей.

— Зачѣмъ же ему нужна была именно эта женщина? — спросила княгиня.

— А онъ былъ врагъ съ мужемъ, преслѣдовалъ его, но нигдѣ до самой смерти хана не могъ встрѣтить, такъ вотъ онъ отмстилъ на вдовѣ.

Княгиня перевела это по-французски своей старой пріятельницѣ, графинѣ Шуазель, сидѣвшей подлѣ грузинскаго князя.

— Quelle horreur! [1]) — сказала графиня, закрывая глаза и покачивая головой.

— О, нѣтъ, — сказалъ Воронцовъ улыбаясь, — мнѣ говорили, что онъ съ рыцарскимъ уваженіемъ обращался съ плѣнницей и потомъ отпустилъ ее.

— Да, за выкупъ.

— Ну, разумѣется, но все-таки онъ благородно поступилъ.

Эти слова князя дали тонъ дальнѣйшимъ разсказамъ про Хаджи-Мурата. Придворные поняли, что чѣмъ больше приписывать значенія Хаджи-Мурату, тѣмъ пріятнѣе будетъ князю Воронцову.

— Удивительная смѣлость у этого человѣка! Замѣчательный человѣкъ!

— Какъ же, въ 49-мъ году онъ среди бѣла дня ворвался въ Темиръ-Ханъ-Шуру и разграбилъ лавки.

---

[1]) Какой ужасъ!

Сидѣвшій на концѣ стола армянинъ, бывшій въ то время въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, разсказалъ про подробности этого подвига Хаджи-Мурата. Вообще весь обѣдъ прошелъ въ разсказахъ о Хаджи-Муратѣ. Всѣ наперерывъ хвалили его храбрость, умъ, великодушіе. Кто-то разсказалъ про то, какъ онъ велѣлъ убить двадцать шесть плѣнныхъ; но и на это было обычное возраженіе:

— Что дѣлать, à la guerre comme à la guerre [1]).

— Это большой человѣкъ.

— Если бы онъ родился въ Европѣ, это, можетъ-быть, былъ бы новый Наполеонъ, — сказалъ глупый грузинскій князь, имѣвшій даръ лести.

Онъ зналъ, что всякое упоминаніе о Наполеонѣ, за побѣду надъ которымъ Воронцовъ носилъ бѣлый крестъ на шеѣ, было пріятно ему.

— Ну, хоть не Наполеонъ, но лихой кавалерійскій генералъ— да, — сказалъ Воронцовъ.

— Если не Наполеонъ, то Мюратъ.

— И имя ему Хаджи-*Муратъ*.

— Хаджи-Муратъ вышелъ, теперь конецъ и Шамилю, — сказалъ кто-то.

— Они чувствуютъ, что имъ теперь (это *теперь* значило при Воронцовѣ) не выдержать, — сказалъ другой.

— Tout cela est grâce à vous [2]),—сказала Манана Орбеліани.

Князь Воронцовъ старался умѣрить волны лести, которыя начинали уже заливать его. Но ему было пріятно, и онъ повелъ отъ стола свою даму въ гостиную въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Послѣ обѣда, когда въ гостиной обнесли кофе, князь особенно ласковъ былъ со всѣми и, подойдя къ генералу съ рыжими щетинистыми усами, старался показать ему, что онъ не замѣтилъ его неловкости.

Обойдя всѣхъ гостей, князь сѣлъ за карты. Онъ игралъ только въ старинную игру *ломберъ*. Партнерами князя были: грузинскій князь, потомъ армянскій генералъ, выучившійся у камердинера князя играть въ ломберъ, и четвертый, — знаменитый по своей власти докторъ Андреевскій.

---

[1]) На войнѣ, какъ на войнѣ.

[2]) Все это благодаря вамъ.

Поставивъ подлѣ себя золотую табакерку съ портретомъ Александра I, Воронцовъ разодралъ атласныя карты и хотѣлъ разостлать ихъ, когда вошелъ камердинеръ, итальянецъ Джовани, съ письмомъ на серебряномъ подносѣ.

— Еще курьеръ, ваше сіятельство.

Воронцовъ положилъ карты и, извинившись, распечаталъ [конвертъ] и сталъ читать.

Письмо было отъ сына. Онъ описывалъ выходъ Хаджи-Мурата и столкновеніе съ Меллеръ-Закомельскимъ.

Княгиня подошла и спросила, что пишетъ сынъ.

— Все о томъ же. Il a eu quelques désagréments avec le commandant de la place. Simon a eu tort. But all is well that ends well [1]), — сказалъ онъ, передавая женѣ письмо, и, обращаясь къ почтительно дожидавшимся партнерамъ, попросилъ брать карты.

Когда сдали первую сдачу, Воронцовъ открылъ табакерку и сдѣлалъ то, что онъ дѣлывалъ, когда былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа: досталъ старчески сморщенными бѣлыми руками щепотку французскаго табаку, поднесъ ее къ носу и высыпалъ.

X.

Когда на другой день Хаджи-Муратъ явился къ Воронцову, пріемная князя была полна народа. Тутъ былъ и вчерашній генералъ съ щетинистыми усами, въ полной формѣ и орденахъ, пріѣхавшій откланяться; тутъ былъ и полковой командиръ, которому угрожали судомъ за злоупотребленія по продовольствованію полка. Тутъ былъ армянинъ-богачъ, покровительствуемый докторомъ Андреевскимъ, который держалъ на откупѣ водку и теперь хлопоталъ о возобновленіи контракта. Тутъ была—вся въ черномъ—вдова убитаго офицера, пріѣхавшая просить о пенсіи или о помѣщеніи дѣтей на казенный счетъ. Тутъ былъ разорившійся грузинскій князь въ великолѣпномъ грузинскомъ костюмѣ, выхлопатывавшій себѣ упраздненное церковное помѣстье. Тутъ былъ приставъ съ большимъ сверткомъ, въ которомъ былъ проектъ о новомъ способѣ покоренія Кавказа. Тутъ былъ одинъ ханъ, явившійся только затѣмъ, чтобы разсказать дома, что онъ былъ у князя.

---

[1]) У него были нѣкоторыя непріятности съ комендантомъ крѣпости. Семенъ былъ неправъ. Но все хорошо, что̀ хорошо кончается.

Всѣ дожидались очереди и одинъ за другимъ были вводимы красивымъ бѣлокурымъ юношей-адъютантомъ въ кабинетъ князя.

Когда въ пріемную вошелъ бодрымъ шагомъ, прихрамывая, Хаджи-Муратъ, всѣ глаза обратились на него, и онъ слышалъ въ разныхъ концахъ шопотомъ произносимое его имя.

Хаджи-Муратъ былъ одѣтъ въ длинную бѣлую черкеску, на коричневомъ, съ тонкимъ серебрянымъ галуномъ на воротникѣ бешметѣ. На ногахъ его были черныя ноговицы и такіе же чувяки, какъ перчатки обтягивающіе ступни; на головѣ—папаха съ чалмой, той самой чалмой, за которую онъ, по доносу Ахметъ-Хана, былъ арестованъ генераломъ Клюгенау и которая была причиной его перехода къ Шамилю. Хаджи-Муратъ шелъ, быстро ступая по паркету пріемной, покачиваясь всѣмъ тонкимъ станомъ отъ легкой хромоты на одну, болѣе короткую, чѣмъ другая, ногу. Широко разставленные глаза его спокойно глядѣли впередъ и, казалось, никого не видѣли.

Красивый адъютантъ, поздоровавшись, попросилъ Хаджи-Мурата сѣсть, пока онъ доложитъ князю. Но Хаджи-Муратъ отказался сѣсть и, заложивъ руку за кинжалъ и отставивъ ногу, продолжалъ стоять, презрительно оглядывая всѣхъ присутствующихъ.

Переводчикъ, князь Тархановъ, подошелъ къ Хаджи-Мурату и заговорилъ съ нимъ. Хаджи-Муратъ неохотно и отрывисто отвѣчалъ. Изъ кабинета вышелъ кумыцкій князь, жаловавшійся на пристава, и вслѣдъ за нимъ адъютантъ позвалъ Хаджи-Мурата, подвелъ его къ двери кабинета и пропустилъ въ нее.

Воронцовъ принялъ Хаджи-Мурата, стоя у края стола. Старое бѣлое лицо главнокомандующаго было не такое улыбающееся, какъ вчера, а, скорѣе, строгое и торжественное.

Войдя въ большую комнату съ огромнымъ столомъ и большими окнами съ зелеными жалузи, Хаджи-Муратъ приложилъ свои небольшія, загорѣлыя руки къ тому мѣсту груди, гдѣ перекрещивалась бѣлая черкеска, и неторопливо, внятно и почтительно, на кумыцкомъ нарѣчіи, на которомъ онъ хорошо говорилъ, опустивъ глаза, сказалъ:

— Отдаюсь подъ высокое покровительство великаго царя и ваше. Обѣщаюсь вѣрно, до послѣдней капли крови служить Бѣлому царю и надѣюсь быть полезнымъ въ войнѣ съ Шамилемъ, врагомъ моимъ и вашимъ.

Выслушавъ переводчика, Воронцовъ взглянулъ на Хаджи-Мурата, и Хаджи-Муратъ взглянулъ въ лицо Воронцова.

Глаза этихъ двухъ людей встрѣтились и говорили другъ другу многое, невыразимое словами, и уже совсѣмъ не то, что говорилъ переводчикъ. Они прямо, безъ словъ, высказывали другъ другу всю истину. Глаза Воронцова говорили, что онъ не вѣритъ ни одному слову изъ всего того, что говорилъ Хаджи-Муратъ, что онъ знаетъ, что онъ, врагъ всему русскому, всегда останется такимъ и что теперь покоряется только потому, что принужденъ къ этому. И Хаджи-Муратъ понималъ это и все-таки увѣрялъ въ своей преданности. Глаза же Хаджи-Мурата говорили, что старику этому надо бы думать о смерти, а не о войнѣ, но что онъ, хоть и старъ, но хитеръ, и надо быть осторожнымъ. И Воронцовъ понималъ это и все-таки говорилъ Хаджи-Мурату то, что считалъ нужнымъ для успѣха войны.

— Скажи ему, — сказалъ Воронцовъ переводчику (онъ говорилъ *ты* молодымъ офицерамъ), — что нашъ государь такъ же милостивъ, какъ и могущественен, и, вѣроятно, по моей просьбѣ проститъ его и приметъ на свою службу. Передалъ? — спросилъ онъ, глядя на Хаджи-Мурата. — До тѣхъ же поръ, пока получу милостивое рѣшеніе моего повелителя, скажи ему, что я беру на себя принять его и сдѣлать ему пребываніе у насъ пріятнымъ.

Хаджи-Муратъ еще разъ прижалъ руку къ серединѣ груди и что-то оживленно заговорилъ.

Онъ говорилъ, какъ передалъ переводчикъ, что и прежде, когда онъ управлялъ Аваріей, въ 39-мъ году, онъ вѣрно служилъ русскимъ и никогда не измѣнилъ бы имъ, если бы не врагъ его, Ахметъ-Ханъ, который хотѣлъ погубить его и оклеветалъ передъ генераломъ Клюгенау.

— Знаю, знаю, — сказалъ Воронцовъ (хотя онъ если и зналъ, то давно забылъ все это). — Знаю, — сказалъ онъ, садясь и указывая Хаджи-Мурату на тахту, стоявшую у стѣны. Но Хаджи-Муратъ не сѣлъ, пожавъ сильными плечами въ знакъ того, что онъ не рѣшается сѣсть въ присутствіи такого важнаго человѣка.

— И Ахметъ-Ханъ и Шамиль, оба — враги мои, — продолжалъ онъ, обращаясь къ переводчику. — Скажи князю, Ахметъ-Ханъ умеръ, я не могъ отомстить ему, но Шамиль еще живъ, и я не умру, не отплативъ ему,—сказалъ онъ, нахмуривъ брови и крѣпко сжавъ челюсти.

— Да, да, — спокойно проговорилъ Воронцовъ. — Какъ же онъ хочетъ отплатить Шамилю? — сказалъ онъ переводчику. — Да скажи ему, что онъ можетъ сѣсть.

Хаджи-Муратъ опять отказался сѣсть и на переданный ему вопросъ отвѣчалъ, что онъ затѣмъ и вышелъ къ русскимъ, чтобы помочь имъ уничтожить Шамиля.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ Воронцовъ. — Что же именно онъ хочетъ дѣлать? Садись, садись.

Хаджи-Муратъ сѣлъ и сказалъ, что если только его пошлютъ на лезгинскую линію и дадутъ ему войско, то онъ ручается, что подниметъ весь Дагестанъ, и Шамилю нельзя будетъ держаться.

— Это хорошо. Это можно, — сказалъ Воронцовъ. — Я подумаю.

Переводчикъ передалъ Хаджи-Мурату слова Воронцова. Хаджи-Муратъ задумался.

— Скажи сардарю, — сказалъ онъ еще, — что моя семья въ рукахъ моего врага, и до тѣхъ поръ, пока семья моя въ горахъ, я связанъ и не могу служить. Онъ убьетъ мою жену, убьетъ мать, убьетъ дѣтей, если я прямо пойду противъ него. Пусть только князь выручитъ мою семью, вымѣняетъ ее на плѣнныхъ, и тогда я или умру или уничтожу Шамиля.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ Воронцовъ. — Подумаемъ объ этомъ. Теперь же пусть онъ идетъ къ начальнику штаба и подробно изложитъ ему свое положеніе, свои намѣренія и желанія.

Тѣмъ кончилось первое свиданіе Хаджи-Мурата съ Воронцовымъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ новомъ, въ восточномъ вкусѣ отдѣланномъ театрѣ шла итальянская опера. Воронцовъ былъ въ своей ложѣ, и въ партерѣ появилась замѣтная фигура хромого Хаджи-Мурата въ чалмѣ. Онъ вошелъ съ приставленнымъ къ нему адъютантомъ Воронцова Лорисъ-Меликовымъ и помѣстился въ первомъ ряду. Съ восточнымъ, мусульманскимъ достоинствомъ, не только безъ выраженія удивленія, но съ видомъ равнодушія просидѣвъ первый актъ, Хаджи-Муратъ всталъ и, спокойно оглядывая зрителей, вышелъ, обращая на себя вниманіе всѣхъ зрителей.

На другой день былъ понедѣльникъ, обычный вечеръ у Воронцовыхъ. Въ большой, ярко освѣщенной залѣ играла скрытая въ зимнемъ саду музыка. Молодыя и не совсѣмъ молодыя женщины

въ одеждахъ, обнажавшихъ и шеи, и руки, и груди, кружились въ объятьяхъ мужчинъ въ яркихъ мундирахъ. У горы буфета лакеи въ красныхъ фракахъ, чулкахъ и башмакахъ разливали шампанское и обносили конфеты дамамъ. Жена «сардаря», тоже, несмотря на свои не молодые года, такъ же полуобнаженная, ходила между гостями, привѣтливо улыбаясь, и сказала черезъ переводчика нѣсколько ласковыхъ словъ Хаджи-Мурату, съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ и вчера въ театрѣ, оглядывавшему гостей. За хозяйкой подходили къ Хаджи-Мурату и другія обнаженныя женщины, и всѣ не стыдясь стояли передъ нимъ и улыбаясь спрашивали всѣ одно и то же: какъ ему нравится то, что онъ видитъ. Самъ Воронцовъ, въ золотыхъ эполетахъ и аксельбантахъ, съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ и лентой, подошелъ къ нему и спросилъ то же самое, очевидно, увѣренный, какъ и всѣ спрашивающіе, что Хаджи-Мурату не могло не нравиться все то, что онъ видитъ. И Хаджи-Муратъ отвѣчалъ и Воронцову то, что онъ отвѣчалъ всѣмъ: что у нихъ этого нѣтъ, — не высказывая того, что хорошо или дурно то, что этого нѣтъ у нихъ.

Хаджи-Муратъ попытался было заговорить здѣсь, на балѣ, съ Воронцовымъ о своемъ дѣлѣ выкупа семьи, но Воронцовъ, сдѣлавъ видъ, что не слыхалъ его словъ, отошелъ отъ него. Лорисъ-Меликовъ же сказалъ потомъ Хаджи-Мурату, что здѣсь не мѣсто говорить о дѣлахъ.

Когда пробило одиннадцать часовъ, Хаджи-Муратъ, повѣривъ время на своихъ, подаренныхъ ему Марьей Васильевной, часахъ, спросилъ Лорисъ-Меликова, можно ли уѣхать. Лорисъ-Меликовъ сказалъ, что можно, но что было бы лучше остаться. Несмотря на это, Хаджи-Муратъ не остался и уѣхалъ на данномъ въ его распоряженіе фаэтонѣ въ отведенную ему квартиру.

XI.

На пятый день пребыванія Хаджи-Мурата въ Тифлисѣ Лорисъ-Меликовъ, адъютантъ намѣстника, пріѣхалъ къ нему по порученію главнокомандующаго.

— И голова и руки рады служить сардарю, — сказалъ Хаджи-Муратъ, съ обычнымъ своимъ дипломатическимъ выраженіемъ

наклонивъ голову и прикладывая руку къ груди. — Прикажи,— сказалъ онъ, ласково глядя въ глаза Лорисъ-Меликову.

Лорисъ-Меликовъ сѣлъ на кресло, стоявшее у стола. Хаджи-Муратъ опустился противъ него на низкой тахтѣ и, опершись руками на колѣни, наклонилъ голову и внимательно сталъ слушать то, что Лорисъ-Меликовъ говорилъ ему. Лорисъ-Меликовъ, свободно говорившій по-татарски, сказалъ, что князь, хотя и знаетъ прошедшее Хаджи-Мурата, желаетъ отъ него самого узнать всю его исторію.

— Ты разскажи мнѣ, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ, — а я запишу, переведу потомъ по-русски, и князь пошлетъ государю.

Хаджи-Муратъ помолчалъ (онъ не только никогда не перебивалъ рѣчь, но всегда выжидалъ, не скажетъ ли собесѣдникъ еще чего), потомъ поднялъ голову, стряхнувъ папаху назадъ, улыбнулся той особенной, дѣтской улыбкой, которой онъ плѣнилъ еще Марью Васильевну.

— Это можно, — сказалъ онъ, очевидно, польщенный мыслью о томъ, что его исторія будетъ прочтена государю.

— Разскажи мнѣ (по-татарски нѣтъ обращенія на *вы*) все съ начала, не торопясь, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ, доставая изъ кармана записную книжку.

— Это можно, только много, очень много есть чего разсказывать. Много дѣла было, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Не успѣешь въ одинъ день, въ другой день доскажешь, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ.

— Съ начала начинать?

— Да, съ самаго начала: гдѣ родился, гдѣ жилъ.

Хаджи-Муратъ опустилъ голову и долго просидѣлъ такъ; потомъ взялъ палочку, лежавшую у тахты, досталъ изъ-подъ кинжала съ слоновой ручкой, оправленной золотомъ, острый, какъ бритва, булатный ножикъ и началъ имъ рѣзать палочку и въ одно и то же время разсказывать.

— Пиши: родился въ Цельмесѣ, аулъ небольшой, съ ослиную голову, какъ у насъ говорятъ въ горахъ, — началъ онъ. — Недалеко отъ насъ, выстрѣла за два, Хунзахъ, гдѣ ханы жили. И наше семейство съ ними близко было. Мать моя, когда родила старшаго брата, Османа, кормила старшаго хана, Абунунцалъ-Хана, потомъ кормила другого сына хана, Умма-Хана, и выкормила,

но Ахметъ, мой второй братъ, умеръ. И тогда, когда я родился, и ханша родила тоже Булачъ-Хана. Мать не захотѣла опять итти въ кормилицы. Отецъ мой велѣлъ, а мать не хотѣла; она сказала: «Опять заморю своего, — не пойду». Тогда отецъ, — онъ горячъ былъ, — ударилъ ее кинжаломъ и убилъ бы, если бы ее не отняли. Такъ она и не отдала меня и потомъ сложила сама пѣсню... Да это не нужно разсказывать?

— Нѣтъ, нужно, разсказывай все, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ.

Хаджи-Муратъ задумался. Онъ вспоминалъ свою мать, когда она укладывала его спать съ собою рядомъ, подъ шубой, на крышѣ сакли, и онъ просилъ ее показать ему то мѣсто на боку, гдѣ остался слѣдъ отъ раны [1]).

— Да. Такъ мать не пошла въ кормилицы, — сказалъ онъ, встряхнувъ головой, — ханша взяла другую кормилицу, но все-таки любила мою мать. И мать водила насъ, дѣтей, въ ханскій дворецъ, и мы играли съ дѣтьми ханскими, и ханша любила насъ. Хановъ было трое: Абунунцалъ-Ханъ, молочный братъ моего брата Османа, Умма-Ханъ, мой братъ названый, и Булачъ-Ханъ, меньшой, тотъ, котораго Шамиль бросилъ съ кручи. Да это послѣ. Мнѣ было лѣтъ пятнадцать, когда по ауламъ стали ходить мюриды. Они били по камнямъ деревянными шашками и кричали: «Мусульмане, хазаватъ!» [2]) Чеченцы всѣ перешли къ мюридамъ, и аварцы стали переходить къ нимъ. Я жилъ тогда въ дворцѣ. Я былъ какъ братъ хана: что хотѣлъ, то дѣлалъ и сталъ богатъ. Были у меня и лошади, и оружіе, и деньги были. Жилъ въ свое удовольствіе и ни о чемъ не думалъ. И жилъ такъ до того времени, когда Кази-Муллу убили, и Гамзатъ сталъ на его мѣсто. Гамзатъ прислалъ ханамъ пословъ сказать, что если они не примутъ хазаватъ, онъ разоритъ Хунзахъ. Тутъ надо было подумать. Ханы боялись русскихъ, боялись принять хазаватъ, и ханша послала меня съ сыномъ со вторымъ, съ Умма-Ханомъ, въ Тифлисъ просить у главнаго русскаго начальника помощи отъ Гамзата. Главный начальникъ былъ Розенъ, баронъ. Онъ не принялъ ни меня ни Умма-Хана. Велѣлъ сказать, что поможетъ, и ничего не сдѣлалъ. Только его

---

[1]) См. примѣчаніе 5-е.
[2]) См. примѣчаніе 6-е.

офицеры стали ѣздить къ намъ и играть въ карты съ Умма-Ханомъ. Они поили его виномъ и въ дурныя мѣста возили, и онъ проигралъ имъ въ карты все, что у него было. Онъ былъ тѣломъ сильный, какъ быкъ, и храбрый, какъ левъ, а душой слабый, какъ вода. Онъ бы проигралъ послѣднихъ коней и оружіе, если бы я не увезъ его. Послѣ Тифлиса мысли мои перемѣнились, и я сталъ уговаривать ханшу и молодыхъ хановъ принять хазаватъ.

— Отчего же перемѣнились мысли? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ, — не понравились русскіе?

Хаджи-Муратъ помолчалъ.

— Нѣтъ, не понравились, — рѣшительно сказалъ онъ и закрылъ глаза. — И еще было дѣло такое, что я захотѣлъ принять хазаватъ.

— Какое же дѣло?

— А подъ Цельмесомъ мы съ ханомъ столкнулись съ тремя мюридами, два ушли, а третьяго я убилъ изъ пистолета. Когда я подошелъ къ нему, чтобы снять оружіе, онъ былъ живъ еще. Онъ поглядѣлъ на меня. «Ты, — говоритъ, — убилъ меня. Мнѣ хорошо. А ты — мусульманинъ и молодъ и силенъ, прими хазаватъ. Богъ велитъ».

— Что же, и ты принялъ?

— Не принялъ, а сталъ думать, — сказалъ Хаджи-Муратъ и продолжалъ свой разсказъ:

— Когда Гамзатъ подступилъ къ Хунзаху, мы послали къ нему стариковъ и велѣли сказать, что согласны принять хазаватъ, только бы онъ прислалъ ученаго человѣка растолковать, какъ надо держать его. Гамзатъ велѣлъ старикамъ обрить усы, проткнуть ноздри, привѣсить къ ихъ носамъ лепешки и отослалъ ихъ назадъ. Старики сказали, что Гамзатъ готовъ прислать шейха, чтобы научить насъ хазавату, но только съ тѣмъ, чтобы ханша прислала къ нему аманатомъ меньшого сына. Ханша повѣрила и послала Булачъ-Хана къ Гамзату. Гамзатъ принялъ хорошо Булачъ-Хана и прислалъ къ намъ звать къ себѣ и старшихъ братьевъ. Онъ велѣлъ сказать, что хочетъ служить ханамъ такъ же, какъ его отецъ служилъ ихъ отцу. Ханша была женщина слабая, глупая и дерзкая, какъ и всѣ женщины, когда онѣ живутъ по своей волѣ. Она побоялась послать обоихъ сыновей и послала одного Умма-Хана. Я поѣхалъ съ нимъ. Насъ за версту встрѣтили мюриды и пѣли, и стрѣляли, и джиги-

товали вокругъ насъ. А когда мы подъѣхали, Гамзатъ вышелъ изъ палатки, подошелъ къ стремени Умма-Хана и принялъ его какъ хана. Онъ сказалъ: «Я не сдѣлалъ вашему дому никакого зла и не хочу дѣлать. Вы только меня не убейте и не мѣшайте мнѣ приводить людей къ хазавату. А я буду служить вамъ со всѣмъ моимъ войскомъ, какъ отецъ мой служилъ вашему отцу. Пустите меня жить въ вашемъ домѣ. Я буду помогать вамъ моими совѣтами, а вы дѣлайте, что хотите».

— Умма-Ханъ былъ тупъ на рѣчи. Онъ не зналъ, что сказать, и молчалъ. Тогда я сказалъ, что если такъ, то пускай Гамзатъ ѣдетъ въ Хунзахъ; ханша и ханъ съ почетомъ примутъ его. Но мнѣ не дали досказать, и тутъ въ первый разъ я столкнулся съ Шамилемъ. Онъ былъ тутъ же, подлѣ имама.

— Не тебя спрашиваютъ, а хана, — сказалъ онъ мнѣ.

— Я замолчалъ, а Гамзатъ проводилъ Умма-Хана въ палатку. Потомъ Гамзатъ позвалъ меня и велѣлъ съ своими послами ѣхать въ Хунзахъ. Я поѣхалъ. Послы стали уговаривать ханшу отпустить къ Гамзату и старшаго хана. Я видѣлъ измѣну и сказалъ ханшѣ, чтобы она не посылала сына. Но у женщины ума въ головѣ столько, сколько на яйцѣ волосъ. Ханша повѣрила и велѣла сыну ѣхать. Абунунцалъ-Ханъ не хотѣлъ. Тогда она сказала: «Видно, ты боишься».— Она, какъ пчела, знала, въ какое мѣсто больнѣе ужалить его. Абунунцалъ-Ханъ загорѣлся, не сталъ больше говорить съ ней и велѣлъ сѣдлать. Я поѣхалъ съ нимъ. Гамзатъ встрѣтилъ насъ еще лучше, чѣмъ Умма-Хана. Онъ самъ за два выстрѣла подъ гору выѣхалъ къ намъ навстрѣчу. За нимъ ѣхали конные съ значками, пѣли, стрѣляли, джигитовали. Когда мы подъѣхали къ лагерю, Гамзатъ ввелъ хана въ палатку, а я остался съ лошадьми.

— Я былъ подъ горой, когда въ палаткѣ Гамзата стали стрѣлять. Я подбѣжалъ къ палаткѣ. Умма-Ханъ лежалъ ничкомъ въ лужѣ крови, а Абунунцалъ-Ханъ бился съ мюридами. Половина лица у него была отрублена и висѣла. Онъ захватилъ ее одной рукой, а другой рубилъ кинжаломъ всѣхъ, кто подходилъ къ нему. При мнѣ онъ срубилъ брата Гамзата и намѣрнулся на другого, но тутъ мюриды стали стрѣлять въ него, и онъ упалъ.

Хаджи-Муратъ остановился, загорѣлое лицо его буро покраснѣло, и глаза налились кровью.

— На меня нашелъ страхъ, и я убѣжалъ.

— Вотъ какъ? — сказалъ Лорисъ-Меликовъ. — Я думалъ, что ты никогда ничего не боялся.

— Потомъ никогда. Съ тѣхъ поръ я всегда вспоминалъ этотъ стыдъ и когда вспоминалъ, то уже ничего не боялся.

XII.

— А теперь довольно. Молиться надо, — сказалъ Хаджи-Муратъ, досталъ изъ внутренняго, грудного кармана черкески брегетъ Воронцова, бережно прижалъ пружинку и, склонивъ на бокъ голову, удерживая дѣтскую улыбку, слушалъ. Часы прозвонили двѣнадцать ударовъ и четверть.

— Кунакъ Воронцовъ пешкешъ, — сказалъ онъ улыбаясь.

— Да, хорошіе часы, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ. — Такъ ты молись, а я подожду.

— Якшй (ладно), — сказалъ Хаджи-Муратъ и ушелъ въ спальню.

Оставшись одинъ, Лорисъ-Меликовъ записалъ въ своей книжечкѣ самое главное изъ того, что разсказалъ ему Хаджи-Муратъ, потомъ закурилъ папиросу и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Подойдя къ двери, противоположной спальнѣ, Лорисъ-Меликовъ услыхалъ оживленные голоса, по-татарски быстро говорившихъ о чемъ-то людей. Онъ догадался, что это были мюриды Хаджи-Мурата, и, отворивъ дверь, вошелъ къ нимъ.

Въ комнатѣ стоялъ тотъ особенный, кислый, кожаный запахъ, который бываетъ у горцевъ. На полу на буркѣ, у окна, сидѣлъ кривой, рыжій Гамзало, въ оборванномъ, засаленномъ бешметѣ, и вязалъ уздечку. Онъ что-то горячо говорилъ своимъ хриплымъ голосомъ, но при входѣ Лорисъ-Меликова тотчасъ же замолчалъ и, не обращая на него вниманія, продолжалъ свое дѣло. Противъ него стоялъ веселый Ханъ-Магома и, скаля бѣлые зубы и блестя черными, безъ рѣсницъ глазами, повторялъ все одно и то же. Красавецъ Элдаръ, засучивъ рукава на своихъ сильныхъ рукахъ, оттиралъ подпруги подвѣшеннаго на гвоздѣ сѣдла. Ханефи, главнаго работника и завѣдующаго хозяйствомъ, не было въ комнатѣ. Онъ на кухнѣ варилъ обѣдъ.

— О чемъ же это вы спорили? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ у Ханъ-Магомы, поздоровавшись съ нимъ.

— А онъ все Шамиля хвалитъ, — сказалъ Ханъ-Магома, подавая руку Лорису. — Говоритъ, Шамиль — большой человѣкъ. И ученый, и святой, и джигитъ.

— Какъ же онъ отъ него ушелъ, а все хвалитъ?

— Ушелъ, а хвалитъ, — скаля зубы и блестя глазами, проговорилъ Ханъ-Магома.

— Что же, и считаешь его святымъ? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

— Кабы не былъ святой, народъ бы не слушалъ его, — быстро проговорилъ Гамзало.

— Святой былъ не Шамиль, а Мансуръ, — сказалъ Ханъ-Магома. — Это былъ настоящій святой. Когда онъ былъ имамомъ, весь народъ былъ другой. Онъ ѣздилъ по ауламъ, и народъ выходилъ къ нему цѣловать полу его черкески и каялся въ грѣхахъ, и клялся не дѣлать дурного. Старики говорили: тогда всѣ люди жили, какъ святые,—не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали другъ другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, какъ находили, привязывали на шесты и ставили на дорогахъ. Тогда и Богъ давалъ успѣхъ во всемъ народу, и не такъ, какъ теперь, — говорилъ Ханъ-Магома.

— И теперь въ горахъ не пьютъ и не курятъ, — сказалъ Гамзало.

— Ламорой твой Шамиль, — сказалъ Ханъ-Магома, подмигивая Лорисъ-Меликову.

«Ламорой» было презрительное названіе горцевъ.

— Ламорой — горецъ, — отвѣчалъ Гамзало. — Въ горахъ-то и живутъ орлы.

— А молодчина, ловко срѣзалъ, — оскаливая зубы, заговорилъ Ханъ-Магома, радуясь на ловкій отвѣтъ своего противника.

Увидавъ серебряную папиросочницу въ рукѣ Лорисъ-Меликова, онъ попросилъ себѣ покурить. И когда Лорисъ-Меликовъ сказалъ, что имъ вѣдь запрещено курить, онъ подмигнулъ однимъ глазомъ, мотнулъ головой на спальню Хаджи-Мурата и сказалъ, что можно, пока не видятъ. И тотчасъ же сталъ курить, не затягиваясь и неловко складывая свои красныя губы, когда выпускалъ дымъ.

— Нехорошо это, — строго сказалъ Гамзало и вышелъ изъ комнаты. Ханъ-Магома подмигнулъ и на него и, покуривая, сталъ разспрашивать Лорисъ-Меликова, гдѣ лучше купить шелковый бешметъ и папаху бѣлую.

— Что же, у тебя развѣ такъ денегъ много?

— Есть, достанетъ, — подмигивая отвѣчалъ Ханъ-Магома.

— Ты спроси у него, откуда у него деньги, — сказалъ Элдаръ, поворачивая свою красивую, улыбающуюся голову къ Лорисъ-Меликову

— А выигралъ, — быстро проговорилъ Ханъ-Магома.

И онъ разсказалъ, какъ онъ вчера, гуляя по Тифлису, набрелъ на кучку людей, русскихъ и армянъ, игравшихъ въ орлянку. Конъ былъ большой: три золотыхъ и серебра много. Ханъ-Магома тотчасъ же понялъ, въ чемъ игра, и позванивая мѣдными, которыя были у него въ карманѣ, вошелъ въ кругъ и сказалъ, что держитъ на всѣ.

— Какъ же на всѣ? Развѣ у тебя было? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

— У меня всего было двѣнадцать копеекъ, — оскаливая зубы, сказалъ Ханъ-Магома.

— Ну, а если бы проигралъ?

— А вотъ.

И Ханъ-Магома указалъ на пистолетъ.

— Что же, отдалъ бы?

— Зачѣмъ отдавать, убѣжалъ бы, а кто бы задержалъ, убилъ бы. И готово.

— Что же, и выигралъ?

— Айя, собралъ всѣ и ушелъ.

Ханъ-Магому и Элдара Лорисъ-Меликовъ вполнѣ понималъ. Ханъ-Магома былъ весельчакъ, кутила, не знавшій, куда дѣть избытокъ жизни, всегда веселый, легкомысленный, играющій своей и чужими жизнями, изъ-за этой игры жизнью вышедшій теперь къ русскимъ и точно такъ же завтра изъ-за этой игры могущій перейти опять назадъ къ Шамилю. Элдаръ былъ тоже вполнѣ понятенъ: это былъ человѣкъ, вполнѣ преданный своему мюршиду, спокойный, сильный и твердый. Непонятенъ былъ для Лорисъ-Меликова только рыжій Гамзало. Лорисъ-Меликовъ видѣлъ, что человѣкъ этотъ не только былъ преданъ Шамилю, но испытывалъ не-

преодолимое отвращеніе, презрѣніе, гадливость и ненависть ко всѣмъ русскимъ; и потому Лорисъ-Меликовъ не могъ понять, зачѣмъ онъ вышелъ къ русскимъ. Лорисъ-Меликову приходила мысль, раздѣляемая и нѣкоторыми начальствующими лицами, что выходъ Хаджи-Мурата и его разсказы о враждѣ съ Шамилемъ былъ обманъ, что онъ вышелъ только, чтобы высмотрѣть слабыя мѣста русскихъ и, убѣжавъ опять въ горы, направить силы туда, гдѣ русскіе были слабы. И Гамзало всѣмъ своимъ существомъ подтверждалъ это предположеніе. «Тѣ и самъ Хаджи-Муратъ,—думалъ Лорисъ-Меликовъ,—умѣютъ скрывать свои намѣренія, но этотъ выдаетъ себя своей нескрываемой ненавистью».

Лорисъ-Меликовъ попытался говорить съ нимъ. Онъ спросилъ, скучно ли ему. Но онъ, не оставляя своего занятія, косясь своимъ однимъ глазомъ на Лорисъ-Меликова, хрипло и отрывисто прорычалъ:

— Нѣтъ, не скучно.

И такъ же отвѣчалъ на всѣ другіе вопросы.

Пока Лорисъ-Меликовъ былъ въ комнатѣ нукеровъ, вошелъ и четвертый мюридъ Хаджи-Мурата, аварецъ Ханефи, съ волосатымъ лицомъ и шеей и мохнатой, точно мѣхомъ обросшей, выпуклой грудью. Это былъ неразсуждающій, здоровенный работникъ, всегда поглощенный своимъ дѣломъ, безъ разсужденія, какъ и Элдаръ, повинующійся своему хозяину.

Когда онъ вошелъ въ комнату нукеровъ за рисомъ, Лорисъ-Меликовъ остановилъ его и разспросилъ, откуда онъ и давно ли у Хаджи-Мурата.

— Пять лѣтъ, — отвѣчалъ Ханефи на вопросъ Лорисъ-Меликова. — Я изъ одного аула съ нимъ. Мой отецъ убилъ его дядю, и они хотѣли убить меня, — сказалъ онъ, спокойно изъ-подъ сросшихся бровей глядя въ лицо Лорисъ-Меликова. — Тогда я попросилъ принять меня братомъ.

— Что значитъ: принять братомъ?

— Я не брилъ два мѣсяца головы, ногтей не стригъ и пришелъ къ нимъ. Они пустили меня къ Патиматъ, къ его матери. Патиматъ дала мнѣ грудь, и я сталъ его братомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ Хаджи-Мурата. Элдаръ тотчасъ же узналъ призывъ хозяина и, отеревъ руки, широко шагая, пошелъ въ гостиную.

— Зоветъ къ себѣ, — сказалъ онъ, возвращаясь. И, давъ еще папироску веселому Ханъ-Магомѣ, Лорисъ-Меликовъ пошелъ въ гостиную.

XIII.

Когда Лорисъ-Меликовъ вошелъ въ гостиную, Хаджи-Муратъ съ веселымъ лицомъ встрѣтилъ его.

— Что же, продолжать? — сказалъ онъ, усаживаясь на тахту.

— Да, непремѣнно, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ. — А я заходилъ къ твоимъ нукерамъ, поговорилъ съ ними. Одинъ—веселый малый, — прибавилъ Лорисъ-Меликовъ.

— Да, Ханъ-Магома — легкій человѣкъ, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— А понравился мнѣ молодой, красивый.

— А, Элдаръ. Этотъ молодъ, а твердъ, желѣзный.

Они помолчали.

— Такъ говорить дальше?

— Да, да.

— Я сказалъ, какъ хановъ убили. Ну, убили ихъ, и Гамзатъ въѣхалъ въ Хунзахъ и сѣлъ въ ханскомъ дворцѣ, — началъ Хаджи-Муратъ. — Оставалась мать ханша. Гамзатъ призвалъ ее къ себѣ. Она стала выговаривать ему. Онъ мигнулъ своему мюриду Асельдеру, и тотъ сзади ударилъ, убилъ ее.

— Зачѣмъ же онъ убилъ ее-то?—спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

— А какъ же быть: перелѣзъ передними ногами, перелѣзай и задними. Надо было всю породу покончить. Такъ и сдѣлали. Шамиль меньшого убилъ, сбросилъ съ кручи.

— Вся Аварія покорилась Гамзату, только мы съ братомъ не хотѣли покориться. Намъ надо было кровь его за хановъ. Мы дѣлали видъ, что покорились, а думали только, какъ взять съ него кровь. Мы посовѣтовались съ дѣдомъ и рѣшили выждать время, когда онъ выѣдетъ изъ дворца, и изъ засады убить его. Кто-то подслушалъ насъ, сказалъ Гамзату, и онъ призвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ: «Смотри, если правда, что твои внуки задумываютъ худое противъ меня, висѣть тебѣ съ ними на одной перекладинѣ. Я дѣлаю дѣло Божье, и мнѣ помѣшать нельзя. Иди и помни, что я сказалъ».

— Дѣдъ пришелъ домой и сказалъ намъ. Тогда мы рѣшили не ждать, а сдѣлать дѣло въ первый день праздника въ мечети. Товарищи отказались,—остались мы съ братомъ.

— Мы взяли по два пистолета, надѣли бурки и пошли въ мечеть. Гамзатъ вошелъ съ тридцатью мюридами. Всѣ они держали шашки наголо. Рядомъ съ Гамзатомъ шелъ Асельдеръ, его любимый мюридъ, — тотъ самый, который отрубилъ голову ханшѣ. Увидавъ насъ, онъ крикнулъ, чтобы мы сняли бурки, и подошелъ ко мнѣ. Кинжалъ у меня былъ въ рукѣ, и я убилъ его и бросился къ Гамзату. Но братъ Османъ уже выстрѣлилъ въ него. Гамзатъ еще былъ живъ и съ кинжаломъ бросился на брата, но я добилъ его въ голову. Мюридовъ было тридцать человѣкъ, а насъ двое. Они убили брата Османа, а я отбился, выскочилъ въ окно и ушелъ.

— Когда узнали, что Гамзатъ убитъ, весь народъ поднялся, и мюриды бѣжали, а тѣхъ, какіе не бѣжали, тѣхъ перебили.

Хаджи-Муратъ остановился и тяжело перевелъ духъ.

— Это все было хорошо, — продолжалъ онъ, — потомъ все испортилось. Шамиль сталъ на мѣсто Гамзата. Онъ прислалъ ко мнѣ пословъ сказать, чтобы я шелъ съ нимъ противъ русскихъ; если же я откажусь, то онъ грозилъ, что разоритъ Хунзахъ и убьетъ меня. Я сказалъ, что не пойду къ нему и не пущу его къ себѣ.

— Отчего же ты не пошелъ къ нему? — спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

Хаджи-Муратъ нахмурился и не сейчасъ отвѣтилъ.

— Нельзя было. На Шамилѣ была кровь и брата Османа и Абунунцалъ-Хана. Я не пошелъ къ нему. Розенъ, генералъ, прислалъ мнѣ чинъ офицера и велѣлъ быть начальникомъ Аваріи. Все бы было хорошо, но Розенъ назначилъ надъ Аваріей сначала хана казикумыхскаго, Магометъ-Мирзу, а потомъ Ахметъ-Хана. Этотъ возненавидѣлъ меня. Онъ сваталъ за сына дочь ханши, Салтанетъ; ее не отдали ему. Онъ думалъ, что я виноватъ въ этомъ. Онъ возненавидѣлъ меня и подсылалъ своихъ нукеровъ убить меня, но я ушелъ отъ нихъ. Тогда онъ наговорилъ на меня генералу Клюгенау, — сказалъ, что я не велю аварцамъ давать дровъ солдатамъ. Онъ сказалъ ему еще, что я надѣлъ чалму, вотъ эту, — сказалъ Хаджи-Муратъ, указывая на чалму на папахѣ, — и что это значитъ, что я передался Шамилю. Генералъ не повѣрилъ и не ве-

лѣлъ трогать меня. Но когда генералъ уѣхалъ въ Тифлисъ, Ахметъ-Ханъ сдѣлалъ по-своему: съ ротой солдатъ схватилъ меня, заковалъ въ цѣпи и привязалъ къ пушкѣ.

— Шесть сутокъ держали меня такъ. На седьмыя сутки отвязали и повели въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Вели сорокъ солдатъ съ заряженными ружьями. Руки были связаны, и велѣно было убить меня, если я захочу бѣжать. Я зналъ это. Когда мы стали проходить подлѣ Моксоха, тропка была узкая, направо кручь, саженъ въ пятьдесятъ. Я перешелъ отъ солдата направо, на край кручи. Солдатъ захотѣлъ остановить меня, но я прыгнулъ подъ кручь и потащилъ за собой солдата. Солдатъ убился на-смерть, а я вотъ живъ остался. Ребра, голову, руки, ноги, все поломалъ. Поползъ было — и не могъ. Закружилась голова, и заснулъ. Проснулся мокрый, въ крови. Пастухъ увидѣлъ, позвалъ народъ, снесли меня въ аулъ. Ребра, голова зажили, зажила и нога, только стала короткая.

И Хаджи-Муратъ вытянулъ кривую ногу.

— Служить и то хорошо,—сказалъ онъ.—Народъ узналъ, стали ѣздить ко мнѣ. Я выздоровѣлъ, переѣхалъ въ Цельмесъ. Аварцы опять звали меня управлять ими, — съ спокойной, увѣренной гордостью сказалъ Хаджи-Муратъ. — И я согласился.

Хаджи-Муратъ быстро всталъ и, доставъ въ переметныхъ сумахъ портфель, вынулъ оттуда два пожелтѣвшія письма и подалъ ихъ Лорисъ-Меликову. Письма были отъ генерала Клюгенау. Лорисъ-Меликовъ прочелъ ихъ. Въ первомъ письмѣ было:

«Прапорщикъ Хаджи-Муратъ. Ты служилъ у меня, я былъ доволенъ тобою и считалъ тебя добрымъ человѣкомъ. Недавно генералъ-майоръ Ахметъ-Ханъ увѣдомилъ меня, что ты измѣнникъ, что ты надѣлъ чалму, что ты имѣешь сношенія съ Шамилемъ, что ты научилъ народъ не слушать русскаго начальства. Я приказалъ арестовать тебя и доставить тебя ко мнѣ, — ты бѣжалъ; не знаю, къ лучшему ли это или къ худшему, потому что не знаю, виноватъ ли ты или нѣтъ. Теперь слушай меня. Ежели совѣсть твоя чиста противу великаго царя, если ты не виноватъ ни въ чемъ, явись ко мнѣ. Не бойся никого, я твой защитникъ. Ханъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ,— онъ самъ у меня подъ начальствомъ. Такъ и нечего тебѣ бояться».

Дальше Клюгенау писалъ о томъ, что онъ всегда держалъ свои слова и былъ справедливъ, и еще увѣщавалъ Хаджи-Мурата выйти къ нему.

Когда Лорисъ-Меликовъ кончилъ первое письмо, Хаджи-Муратъ досталъ другое письмо, но, не отдавая его еще въ руки Лорисъ-Меликова, разсказалъ, какъ онъ отвѣчалъ на это первое письмо.

— Я написалъ ему, что чалму я носилъ, но не для Шамиля, а для спасенія души, что къ Шамилю я перейти не хочу и не могу, потому что черезъ него убиты мой отецъ, братья и родственники, но что и къ русскимъ не могу выйти, потому что меня обезчестили. Въ Хунзахѣ, когда я былъ связанъ, одинъ негодяй на..... на меня. И я не могу выйти къ вамъ, пока человѣкъ этотъ не будетъ убитъ. А главное, боюсь обманщика Ахметъ-Хана. Тогда генералъ прислалъ мнѣ это письмо, — сказалъ Хаджи-Муратъ, подавая Лорисъ-Меликову другую, пожелтѣвшую бумажку.

«Ты мнѣ отвѣчалъ на мое письмо, — спасибо, — прочиталъ Лорисъ-Меликовъ. — Ты пишешь, что ты не боишься воротиться, но безчестіе, нанесенное тебѣ однимъ гяуромъ, запрещаетъ это; а я тебя увѣряю, что русскій законъ справедливъ, и въ глазахъ твоихъ ты увидишь наказаніе того, кто смѣлъ тебя оскорбить. Я уже приказалъ это изслѣдовать. Послушай, Хаджи-Муратъ. Я имѣю право быть недовольнымъ на тебя, потому что ты не вѣришь мнѣ и моей чести, но я прощаю тебѣ, зная недовѣрчивость характера вообще горцевъ. Ежели ты чистъ совѣстью, если чалму ты надѣвалъ собственно только для спасенія души, то ты правъ и смѣло можешь глядѣть русскому правительству и мнѣ въ глаза; а тотъ, кто тебя обезчестилъ, увѣряю, будетъ наказанъ, *имущество твое будетъ возвращено*, и ты увидишь и узнаешь, что значитъ русскій законъ. Тѣмъ болѣе, что русскіе иначе смотрятъ на все; въ глазахъ ихъ ты не уронилъ себя, что тебя какой-нибудь мерзавецъ обезчестилъ. Я самъ позволилъ гимринцамъ чалму носить и смотрю на ихъ дѣйствія, какъ слѣдуетъ; слѣдовательно, повторяю, тебѣ нечего бояться. Приходи ко мнѣ съ человѣкомъ, котораго я къ тебѣ теперь посылаю; онъ мнѣ вѣренъ, *онъ не рабъ твоихъ враговъ*, а другъ человѣка, который пользуется у правительства особеннымъ вниманіемъ».

Дальше Клюгенау опять уговаривалъ Хаджи-Мурата выйти.

— Я не повѣрилъ этому, — сказалъ Хаджи-Муратъ, когда Лорисъ-Меликовъ кончилъ письмо, — и не поѣхалъ къ Клюгенау. Мнѣ, главное, надо было отомстить Ахметъ-Хану, а этого я не могъ сдѣлать черезъ русскихъ. Въ это же время Ахметъ-Ханъ окружилъ Цельмесъ и хотѣлъ схватить или убить меня. У меня было слишкомъ мало народа; я не могъ отбиться отъ него. И вотъ въ это-то время ко мнѣ пріѣхалъ посланный отъ Шамиля съ письмомъ. Онъ обѣщалъ помочь мнѣ отбиться отъ Ахметъ-Хана и убить его и давалъ мнѣ въ управленіе всю Аварію. Я долго думалъ и перешелъ къ Шамилю. И вотъ съ тѣхъ поръ я не переставая воевалъ все съ русскими.

Тутъ Хаджи-Муратъ разсказалъ всѣ свои военныя дѣла. Ихъ было очень много, и Лорисъ-Меликовъ отчасти зналъ ихъ. Всѣ походы и набѣги его были поразительны по необыкновенной быстротѣ переходовъ и смѣлости нападеній, всегда увѣнчивавшихся успѣхами.

— Дружбы между мной и Шамилемъ никогда не было, — докончилъ свой разсказъ Хаджи-Муратъ, — но онъ боялся меня, и я былъ ему нуженъ. Но тутъ случилось то, что у меня спросили, кому быть имамомъ послѣ Шамиля. Я сказалъ, что имамомъ будетъ тотъ, у кого шашка востра. Это сказали Шамилю, и онъ захотѣлъ избавиться отъ меня. Онъ послалъ меня въ Табасарань. Я поѣхалъ, отбилъ тысячу барановъ, триста лошадей. Но онъ сказалъ, что я не то сдѣлалъ, и смѣнилъ меня съ наибства и велѣлъ прислать ему всѣ деньги. Я послалъ тысячу золотыхъ. Онъ прислалъ своихъ мюридовъ и отобралъ у меня все мое имѣніе. Онъ требовалъ меня къ себѣ; я зналъ, что онъ хочетъ убить меня, и не поѣхалъ. Онъ прислалъ взять меня, я отбился и вышелъ къ Воронцову. Только семьи я не взялъ. И мать, и жена, и сынъ у него. Скажи сардарю: пока семья тамъ, я ничего не могу дѣлать.

— Я скажу, — сказалъ Лорисъ-Меликовъ.

— Хлопочи, старайся. Что мое, то твое, только помоги у князя. Я связанъ, и конецъ веревки—у Шамиля въ рукѣ.

Этими словами закончилъ Хаджи-Муратъ свой разсказъ Лорисъ-Меликову.

XIV.

Двадцатаго декабря Воронцовъ писалъ слѣдующее военному министру Чернышову (письмо было по-французски):

«Я не писалъ вамъ съ послѣдней почтой, любезный князь, желая сперва рѣшить, что мы сдѣлаемъ съ Хаджи-Муратомъ. Я чувствую себя два-три дня не совсѣмъ здоровымъ. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я извѣщалъ васъ о прибытіи сюда Хаджи-Мурата: онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ восьмого; на слѣдующій день я познакомился съ нимъ, и дней восемь или девять я говорилъ съ нимъ и обдумывалъ, что онъ можетъ сдѣлать для насъ впослѣдствіи, а особенно, что намъ дѣлать съ нимъ теперь, такъ какъ онъ очень сильно заботится о судьбѣ своего семейства и говоритъ, со всѣми знаками полной откровенности, что пока его семейство въ рукахъ Шамиля, онъ парализованъ и не въ силахъ услужить намъ и доказать свою благодарность за ласковый пріемъ и прощеніе, которое ему оказали. Неизвѣстность, въ которой онъ находится, насчетъ дорогихъ ему особъ, вызываетъ въ немъ лихорадочное состояніе, и лица, назначенныя мною, чтобы жить съ нимъ здѣсь, увѣряютъ меня, что онъ не спитъ по ночамъ, почти что ничего не ѣстъ, постоянно молится и только проситъ позволенія покататься верхомъ съ нѣсколькими казаками, — единственно для него возможное развлеченіе и движеніе, необходимое вслѣдствіе долголѣтней привычки. Каждый день онъ приходитъ ко мнѣ узнавать, имѣю ли я какія-нибудь извѣстія о его семействѣ, и проситъ меня, чтобы я велѣлъ собрать на нашихъ различныхъ линіяхъ всѣхъ плѣнныхъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи, чтобы предложить ихъ Шамилю для обмѣна, къ чему онъ прибавитъ немного денегъ. Есть люди, которые ему дадутъ ихъ для этого. Онъ мнѣ все повторялъ: «Спасите мое семейство и потомъ дайте мнѣ возможность услужить вамъ (лучше всего на лезгинской линіи, по его мнѣнію), и если по истеченіи мѣсяца я не окажу вамъ большой услуги, накажите меня, какъ сочтете нужнымъ.

«Я ему отвѣтилъ, что все это кажется мнѣ весьма справедливымъ, и что у насъ найдется даже много лицъ, которыя не повѣрили бы ему, если бы его семейство оставалось въ горахъ, а не у насъ въ качествѣ залога; что я сдѣлаю все возможное для сбора

на нашихъ границахъ плѣнныхъ и что, не имѣя права, по нашимъ уставамъ, дать ему денегъ для выкупа въ прибавку къ тѣмъ, которыя онъ достанетъ самъ, я, можетъ-быть, найду другія средства помочь ему. Послѣ этого я ему сказалъ откровенно мое мнѣніе о томъ, что Шамиль ни въ какомъ случаѣ не выдастъ ему семейства, что онъ, можетъ-быть, прямо объявитъ ему это, обѣщаетъ ему полное прощеніе и прежнія должности, погрозитъ, если онъ не вернется, погубить его мать, жену и шестерыхъ дѣтей. Я спросилъ его, можетъ ли онъ сказать откровенно, что бы онъ сдѣлалъ, если бы получилъ такое объявленіе Шамиля. Хаджи-Муратъ поднялъ глаза и руки къ небу и сказалъ мнѣ, что все въ рукахъ Бога, но что онъ никогда не отдастся своему врагу, потому что онъ вполнѣ увѣренъ, что Шамиль его не проститъ, и что онъ бы тогда недолго остался въ живыхъ. Что касается истребленія его семейства, то онъ не думаетъ, что Шамиль поступитъ такъ легкомысленно: 1) чтобы не сдѣлать его врагомъ еще отчаяннѣе и опаснѣе; 2) есть въ Дагестанѣ множество лицъ очень даже вліятельныхъ, которые отговорятъ его отъ этого. Наконецъ, онъ повторилъ мнѣ нѣсколько разъ, что какая бы ни была воля Бога для будущаго, но что его теперь занимаетъ только мысль о выкупѣ семейства; что онъ умоляетъ меня, во имя Бога, помочь ему и позволить ему вернуться въ окрестности Чечни, гдѣ бы онъ, черезъ посредство и съ дозволенія нашихъ начальниковъ, могъ имѣть сношенія съ своимъ семействомъ, постоянныя извѣстія о его настоящемъ положеніи и о средствахъ освободить его; что многія лица и даже нѣкоторые наибы въ этой части непріятельской страны болѣе или менѣе привязаны къ нему; что во всемъ этомъ населеніи, уже покоренномъ русскими или нейтральномъ, ему легко будетъ имѣть, съ нашей помощью, сношенія, очень полезныя для достиженія цѣли, преслѣдовавшей его днемъ и ночью, исполненіе которой такъ его успокоитъ и дастъ ему возможность дѣйствовать для нашей пользы и заслужить наше довѣріе. Онъ проситъ отослать его опять въ Грозную съ конвоемъ изъ двадцати или тридцати отважныхъ казаковъ, которые бы служили ему для защиты отъ враговъ, а намъ — для ручательства въ истинѣ высказанныхъ имъ намѣреній.

«Вы поймете, любезный князь, что все это озадачило меня, такъ какъ, что ни сдѣлай, большая отвѣтственность лежитъ на мнѣ. Было бы въ высшей степени неосторожно вполнѣ довѣрять

ему; но если бы мы хотѣли отнять у него средства для бѣгства, то мы должны были бы запереть его; а это, по моему мнѣнію, было бы и несправедливо и неполитично. Такая мѣра, извѣстіе о которой скоро распространилось бы по всему Дагестану, очень повредила бы намъ тамъ, отнимая охоту у всѣхъ тѣхъ (а ихъ много), которые готовы итти болѣе или менѣе открыто противъ Шамиля и которые такъ интересуются положеніемъ у насъ самаго храбраго и предпріимчиваго помощника имама, увидѣвшаго себя принужденнымъ отдаться въ наши руки. Разъ что мы поступили бы съ Хаджи-Муратомъ, какъ съ плѣннымъ, весь благопріятный эффектъ его измѣны Шамилю пропалъ бы для насъ.

«Поэтому я думаю, что не могъ поступить иначе, какъ я поступилъ, чувствуя, однако, что можно будетъ обвинить меня въ большой ошибкѣ, если бы вздумалось Хаджи-Мурату уйти снова. Въ службѣ и въ такихъ запутанныхъ дѣлахъ трудно, чтобы не сказать: невозможно, итти по одной прямой дорогѣ, не рискуя ошибиться и не принимая на себя отвѣтственности; но разъ, что дорога кажется прямою, надо итти по ней,—будь, что будетъ.

«Прошу васъ, любезный князь, повергнуть это на разсмотрѣніе Его Величеству Государю Императору, и я буду счастливъ, если Августѣйшій нашъ повелитель соизволитъ одобрить мой поступокъ. Все, что я вамъ писалъ выше, я также написалъ генераламъ Завадовскому и Козловскому, для непосредственныхъ сношеній Козловскаго съ Хаджи-Муратомъ, котораго я предупредилъ о томъ, что онъ безъ одобренія послѣдняго ничего сдѣлать и никуда выѣхать не можетъ. Я ему объявилъ, что для насъ еще лучше, если онъ будетъ выѣзжать съ нашимъ конвоемъ, а то Шамиль станетъ разглашать, что мы держимъ Хаджи-Мурата взаперти; но при этомъ я взялъ съ него обѣщаніе, что онъ никогда не поѣдетъ въ Воздвиженское, такъ какъ мой сынъ, которому онъ сперва сдался и котораго онъ считаетъ своимъ кунакомъ (пріятелемъ), не начальникъ этого мѣста, и могли бы произойти недоразумѣнія (непріятности). Впрочемъ, Воздвиженское слишкомъ близко отъ многочисленнаго враждебнаго намъ селенія, между тѣмъ какъ для ношеній, которыя онъ желаетъ имѣть съ своими повѣренными, Грозная удобна во всѣхъ отношеніяхъ.

«Кромѣ двадцати избранныхъ казаковъ, которые, по его же просьбѣ, ни на шагъ не отстанутъ отъ него, я послалъ ротмистра

Лорисъ-Меликова [1]), достойнаго, отличнаго и очень умнаго офицера, говорящаго по-татарски, знающаго хорошо Хаджи-Мурата, который, кажется, тоже вполнѣ довѣряетъ ему. Десять дней, которые Хаджи-Муратъ провелъ здѣсь, онъ, впрочемъ, жилъ въ одномъ домѣ съ подполковникомъ княземъ Тархановымъ, начальникомъ Шушинскаго уѣзда, находящимся здѣсь по дѣламъ; это — истинно-достойный человѣкъ, и я ему вполнѣ довѣряю. Онъ также заслужилъ довѣріе Хаджи-Мусата, и черезъ него одного, такъ какъ онъ отлично говоритъ по-татарски, мы разсуждали о самыхъ деликатныхъ и секретныхъ дѣлахъ.

«Я совѣтовался съ Тархановымъ насчетъ Хаджи-Мурата, и онъ совершенно согласился со мной въ томъ, что или слѣдовало поступить, какъ я поступилъ, или заключить Хаджи-Мурата въ тюрьму и сторожить его со всѣми возможными строгими мѣрами,— потому что ужъ разъ обращаться съ нимъ худо, его не легко стеречь, — или же удалить его совсѣмъ изъ страны. Но эти двѣ послѣднія мѣры не только уничтожили бы всю выгоду, вытекающую для насъ изъ ссоры между Хаджи-Муратомъ и Шамилемъ, но пріостановили бы неизбѣжно всякое развитіе ропота и возможность возмущенія горцевъ противъ власти Шамиля. Князь Тархановъ мнѣ сказалъ, что самъ увѣренъ въ правдивости Хаджи-Мурата, и что Хаджи-Муратъ не сомнѣвается въ томъ, что Шамиль никогда его не проститъ и велитъ казнить, несмотря на обѣщанное прощеніе. Единственная вещь, которая могла озаботить Тарханова въ его сношеніяхъ съ Хаджи-Муратомъ, это—его привязанность къ своей религіи, и онъ не скрываетъ, что Шамилю можно будетъ дѣйствовать на него съ этой стороны. Но, какъ я уже говорилъ выше, онъ никогда не убѣдитъ Хаджи-Мурата въ томъ, что не лишитъ его жизни или сейчасъ или спустя нѣсколько времени послѣ его возвращенія.

«Вотъ все, любезный князь, что я хотѣлъ сказать вамъ насчетъ этого эпизода здѣшнихъ дѣлъ».

XV.

Донесеніе это было отправлено изъ Тифлиса 24-го декабря. Наканунѣ же новаго, 52-го года, фельдъегерь, загнавъ десятокъ лошадей и избивъ въ кровь десятокъ ямщиковъ, доставилъ его къ

[1]) Графъ Михаилъ Таріеловичъ.

князю Чернышову, тогдашнему военному министру, и 1-го января 1852 года Чернышовъ повезъ къ императору Николаю, въ числѣ другихъ дѣлъ, и это донесеніе Воронцова [1]).

Чернышовъ не любилъ Воронцова и за всеобщее уваженіе, которымъ пользовался Воронцовъ, и за его огромное богатство, и за то, что Воронцовъ былъ настоящій баринъ, а Чернышовъ все-таки parvenu [2]), главное, за особенное расположеніе императора къ Воронцову; и потому Чернышовъ пользовался всякимъ случаемъ, насколько могъ, вредить Воронцову. Въ прошломъ докладѣ о кавказскихъ дѣлахъ Чернышову удалось вызвать неудовольствіе Николая на Воронцова за то, что, по небрежности начальства, былъ горцами почти весь истребленъ небольшой кавказскій отрядъ. Теперь онъ намѣревался представить съ невыгодной стороны распоряженіе Воронцова о Хаджи-Муратѣ. Онъ хотѣлъ внушить государю, что Воронцовъ, всегда въ ущербъ русскимъ оказывающій покровительство и даже послабленіе туземцамъ, оставивъ Хаджи-Мурата на Кавказѣ, поступилъ неблагоразумно; что, по всей вѣроятности, Хаджи-Муратъ только для того, чтобы высмотрѣть наши средства обороны, вышелъ къ намъ, и что поэтому лучше отправить Хаджи-Мурата въ центръ Россіи и воспользоваться имъ уже тогда, когда его семья будетъ выручена изъ горъ и можно будетъ увѣриться въ его преданности.

Но планъ этотъ не удался Чернышову . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Была половина десятаго, когда въ туманѣ двадцатиградуснаго мороза толстый, бородатый кучеръ Чернышова, въ лазоревой бархатной шапкѣ съ острыми концами, сидя на козлахъ маленькихъ саней, такихъ же, какъ тѣ, въ которыхъ катался Николай Павловичъ, подкатилъ къ подъѣзду Зимняго дворца и дружески кивнулъ своему пріятелю, кучеру князя Долгорукова, который, ссадивъ барина уже давно, стоялъ у дворцоваго подъѣзда, подложивъ подъ толстый ваточный задъ вожжи, и потиралъ озябшія руки.

Чернышовъ былъ въ шинели съ пушистымъ, сѣдымъ бобровымъ воротникомъ и въ треугольной шляпѣ съ пѣтушиными перьями,

---

[1]) См. примѣчанія 7-е и 8-е.

[2]) Выскочка.

надѣтой по формѣ. Откинувъ медвѣжью полость, онъ осторожно выпросталъ изъ саней свои озябшія ноги безъ калошъ (онъ гордился тѣмъ, что не зналъ калошъ) и бодрясь, позванивая шпорами, прошелъ по ковру въ почтительно отворенную передъ нимъ швейцаромъ дверь въ сѣни. Скинувъ въ передней на руки подбѣжавшаго стараго камеръ-лакея шинель, Чернышовъ подошелъ къ зеркалу и осторожно снялъ шляпу съ завитого парика. Поглядѣвъ на себя въ зеркало, онъ привычнымъ движеніемъ старческихъ рукъ подвилъ виски и хохолъ и поправилъ крестъ, аксельбанты и большіе съ вензелями эполеты и, слабо шагая плохо повинующимися старческими ногами, сталъ подниматься вверхъ по ковру отлогой лѣстницы.

Пройдя мимо стоявшихъ въ парадной формѣ у дверей и подобострастно кланявшихся ему камеръ-лакеевъ, Чернышовъ вошелъ въ пріемную. Дежурный, вновь назначенный флигель-адъютантъ, сіяющій новымъ мундиромъ, эполетами, аксельбантами и румянымъ, еще не истасканнымъ лицомъ съ черными усиками и височками, зачесанными къ глазамъ такъ же, какъ ихъ зачесывалъ Николай Павловичъ, почтительно встрѣтилъ его. Князь Василій Долгорукій, товарищъ военнаго министра, съ скучающимъ выраженіемъ тупого лица, украшеннаго такими же бакенбардами, усами и висками, какіе носилъ Николай, поздоровался съ нимъ.

— L'empereur? [1]), — обратился Чернышовъ къ флигель-адъютанту, вопросительно указывая глазами на дверь кабинета.

— Sa Majesté vient de rentrer [2]), — очевидно, съ удовольствіемъ слушая звукъ своего голоса, сказалъ флигель-адъютантъ и, мягко ступая, такъ плавно, что полный стаканъ воды, поставленный ему на голову, не пролился бы, подошелъ къ беззвучно отворявшейся двери и, всѣмъ существомъ своимъ выказывая почтеніе къ тому мѣсту, въ которое онъ вступалъ, исчезъ за дверью. Долгорукій между тѣмъ раскрылъ свой портфель, провѣряя находящіяся въ немъ бумаги. Чернышовъ же, нахмурившись, прохаживался, разминая ноги и вспоминая все то, что надо было доложить императору. Чернышовъ былъ подлѣ двери кабинета, когда она опять отворилась и изъ нея вышелъ еще болѣе, чѣмъ прежде, сіяющій и почтительный флигель-адъютантъ и жестомъ пригласилъ министра и его товарища къ государю.

---

[1]) Императоръ?

[2]) Его величество только что вернулись.

Зимній дворецъ послѣ пожара былъ давно уже отстроенъ, и Николай жилъ въ немъ еще въ верхнемъ этажѣ. Кабинетъ, въ которомъ онъ принималъ съ докладами министровъ и высшихъ начальниковъ, была очень высокая комната съ четырьмя большими окнами. Большой портретъ императора Александра I висѣлъ на главной стѣнѣ. Между окнами стояли два бюро. По стѣнамъ стояло нѣсколько стульевъ, въ серединѣ комнаты — огромный письменный столъ, передъ столомъ — кресло Николая, стулья для принимаемыхъ. Николай въ черномъ сюртукѣ безъ эполетъ, съ полупогончиками, сидѣлъ у стола . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Перваго онъ принялъ Чернышова. Чернышовъ тотчасъ же по лицу и, главное, глазамъ Николая понялъ, что онъ нынче былъ особенно не въ духѣ . . . . . .

. . . . . .

Первымъ дѣломъ въ докладѣ Чернышова было дѣло объ открывшемся воровствѣ интендантскихъ чиновниковъ, потомъ было дѣло о перемѣщеніи войскъ на прусской границѣ, потомъ назначеніе нѣкоторымъ лицамъ, пропущеннымъ въ первомъ спискѣ, наградъ къ Новому году, потомъ было донесеніе Воронцова о выходѣ Хаджи-Мурата и, наконецъ, непріятное дѣло о студентѣ медицинской академіи, покушавшемся на жизнь профессора.

Николай молча, сжавъ губы, поглаживалъ своими большими бѣлыми руками, съ однимъ золотымъ кольцомъ на безыменномъ пальцѣ, листы бумаги и слушалъ докладъ о воровствѣ, не спуская глазъ со лба и хохла Чернышова.

Николай былъ увѣренъ, что воруютъ всѣ. Онъ зналъ, что надо будетъ наказать теперь интендантскихъ чиновниковъ, и рѣшилъ отдать ихъ всѣхъ въ солдаты, но зналъ тоже, что это не помѣшаетъ тѣмъ, которые займутъ мѣсто уволенныхъ, дѣлать то же самое. Свойство чиновниковъ состояло въ томъ, чтобы красть, его же обязанность состояла въ томъ, чтобы наказывать ихъ, и, какъ ни надоѣло это ему, онъ добросовѣстно исполнялъ эту обязанность.

— Видно, у насъ въ Россіи одинъ только честный человѣкъ,— сказалъ онъ.

Чернышовъ тотчасъ же понялъ, что этотъ единственный честный человѣкъ въ Россіи былъ самъ Николай, и одобрительно улыбнулся.

— Должно-быть, такъ, ваше величество, — сказалъ онъ.

— Оставь, я положу резолюцію, — сказалъ Николай, взявъ бумагу и переложивъ ее на лѣвую сторону стола.

Послѣ этого Чернышовъ сталъ докладывать о наградахъ и о перемѣщеніи войскъ. Николай посмотрѣлъ списокъ, вычеркнулъ нѣсколько именъ и потомъ кратко и рѣшительно распорядился о передвиженіи двухъ дивизій къ прусской границѣ . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Ну, что еще? — сказалъ онъ.

— Фельдъегерь съ Кавказа, — сказалъ Чернышовъ и сталъ докладывать то, что писалъ Воронцовъ о выходѣ Хаджи-Мурата.

— Вотъ какъ, — сказалъ Николай. — Хорошее начало.

— Очевидно, планъ, составленный вашимъ величествомъ, начинаетъ приносить свои плоды, — сказалъ Чернышовъ.

. . . . . .

. . . . . .

— Ты какъ же понимаешь? — спросилъ онъ.

— Понимаю такъ, что если бы давно слѣдовали плану вашего величества: постепенно, хотя и медленно, подвигаться впередъ, вырубая лѣса, истребляя запасы, то Кавказъ давно бы ужъ былъ покоренъ. Выходъ Хаджи-Мурата я отношу только къ этому. Онъ понялъ, что держаться имъ уже нельзя.

— Правда, — сказалъ Николай.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Такъ ка́къ прикажете написать Михаилу Семеновичу?

— Твердо держаться моей системы разоренія жилищъ, уничтоженія продовольствія въ Чечнѣ и тревожить ихъ набѣгами, — сказалъ Николай.

— О Хаджи-Муратѣ что̀ прикажете? — спросилъ Чернышовъ.

— Да вѣдь Воронцовъ пишетъ, что хочетъ употребить его на Кавказѣ.

— Не рискованно ли это? — сказалъ Чернышовъ, избѣгая взгляда Николая. — Михаилъ Семеновичъ, боюсь, слишкомъ довѣрчивъ.

— А ты что думалъ бы? — рѣзко переспросилъ Николай, подмѣтивъ намѣреніе Чернышова выставить въ дурномъ свѣтѣ распоряженіе Воронцова.

— Да я думалъ бы, безопаснѣе отправить его въ Россію.

— Ты думалъ, — насмѣшливо сказалъ Николай. — А я не думаю и согласенъ съ Воронцовымъ. Такъ и напиши ему.

— Слушаю, — сказалъ Чернышовъ и, вставъ, сталъ откланиваться.

Откланялся и Долгорукій, который во все время доклада сказалъ только нѣсколько словъ о перемѣщеніи войскъ на вопросы Николая [1]).

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

На другой день при докладѣ Чернышова Николай еще разъ подтвердилъ свое распоряженіе Воронцову о томъ, чтобы теперь, когда вышелъ Хаджи-Муратъ, усиленно тревожить Чечню и сжимать ее кордонной линіей.

Чернышовъ написалъ въ этомъ смыслѣ Воронцову, и другой фельдъегерь, загоняя лошадей и разбивая лица ямщиковъ, поскакалъ въ Тифлисъ.

XVI.

Въ исполненіе этого предписанія Николая Павловича, тотчасъ же, въ январѣ 1852 года, былъ предпринятъ набѣгъ въ Чечню.

Отрядъ, назначенный въ набѣгъ, состоялъ изъ четырехъ батальоновъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и восьми орудій. Колонна шла дорогой. По обѣимъ же сторонамъ колонны непрерывной цѣпью, спускаясь и поднимаясь по балкамъ, шли егеря въ высокихъ сапогахъ, полушубкахъ и папахахъ, съ ружьями на плечахъ и патронами на перевязи. Какъ всегда, отрядъ двигался

---

[1]) См. примѣчаніе 9-е.

по непріятельской землѣ, соблюдая возможную тишину. Только изрѣдка позвякивали на канавкахъ встряхнутыя орудія, или не понимающая приказа о тишинѣ фыркала или ржала артиллерійская лошадь, или хриплымъ, сдержаннымъ голосомъ кричалъ разсерженный начальникъ на своихъ подчиненныхъ за то, что цѣпь слишкомъ растянулась или слишкомъ близко или далеко идетъ отъ колонны. Одинъ разъ только тишина нарушилась тѣмъ, что изъ куртинки колючки, находившейся между цѣпью и колонной, выскочила коза съ бѣлымъ брюшкомъ и сѣрой спинкой и такой же козелъ съ небольшими, на спину загнутыми рогами. Красивыя, пугливыя животныя большими прыжками, поджимая переднія ноги, налетѣли на колонну такъ близко, что нѣкоторые солдаты съ крикомъ и хохотомъ побѣжали за ними, намѣреваясь штыками заколоть ихъ, но козы поворотили назадъ, проскочили сквозь цѣпь и, преслѣдуемыя нѣсколькими конными [солдатами] и ротными собаками, какъ птицы, умчались въ горы.

Еще была зима, но солнце начинало ходить выше и въ полдень, когда вышедшій рано утромъ отрядъ прошелъ уже версты четыре, пригрѣвало такъ, что становилось жарко, и лучи его были такъ ярки, что больно было смотрѣть на сталь штыковъ и на блестки, которыя вдругъ вспыхивали на мѣди пушекъ, какъ маленькія солнца.

Позади была только что перейденная отрядомъ быстрая, чистая рѣчка; впереди — обработанныя поля и луга въ неглубокихъ балкахъ; еще впереди — таинственныя, черныя горы, покрытыя лѣсомъ; за черными горами — еще выступающія скалы, и на высокомъ горизонтѣ — вѣчно прелестныя, вѣчно измѣняющіяся, играющія свѣтомъ, какъ алмазы, снѣговыя горы.

Впереди пятой роты шелъ въ черномъ сюртукѣ и папахѣ и съ шашкой черезъ плечо недавно перешедшій изъ гвардіи высокій, красивый офицеръ Бутлеръ, испытывая бодрое чувство радости жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ опасности смерти и желанія дѣятельности и сознанія причастности къ огромному, управляемому одной волей цѣлому. Бутлеръ нынче во второй разъ выходилъ въ дѣло, и онъ думалъ, что вотъ сейчасъ начнутъ стрѣлять по нимъ, и что онъ не только не согнетъ головы подъ пролетающимъ ядромъ или

не обратитъ вниманія на свистъ пуль, но, какъ это было уже съ нимъ, выше подниметъ голову и съ улыбкой въ глазахъ будетъ оглядывать товарищей и солдатъ и заговоритъ самымъ равнодушнымъ голосомъ о чемъ-нибудь постороннемъ. Отрядъ свернулъ съ хорошей дороги и повернулъ на малоѣзженную, шедшую среди кукурузнаго жнивья, и сталъ подходить къ лѣсу, когда — не видно было, откуда — съ зловѣщимъ свистомъ пролетѣло ядро и ударилось въ серединѣ обоза подлѣ дороги, въ кукурузномъ полѣ, взрывъ на немъ землю.

— Начинается, — весело улыбаясь, сказалъ Бутлеръ шедшему съ нимъ товарищу.

И дѣйствительно, вслѣдъ за ядромъ показалась изъ-за лѣса густая толпа конныхъ чеченцевъ съ значками. Въ серединѣ партіи былъ большой зеленый значокъ, и старый фельдфебель роты, очень дальнозоркій, сообщилъ близорукому Бутлеру, что это, должно-быть, самъ Шамиль. Партія спускалась подъ гору и показалась на вершинѣ ближайшей балки справа и стала спускаться внизъ. Маленькій генералъ въ тепломъ черномъ сюртукѣ и папахѣ съ большимъ бѣлымъ [верхомъ] подъѣхалъ на своей иноходкѣ къ ротѣ Бутлера и приказалъ ему итти вправо противъ спускавшейся конницы. Бутлеръ быстро повелъ по указанному направленію свою роту, но не успѣлъ спуститься къ балкѣ, какъ услышалъ сзади себя одинъ за другимъ два орудійныхъ выстрѣла. Онъ оглянулся: два облака сизаго дыма поднялись надъ двумя орудіями и потянулись вдоль балки. Партія, очевидно, не ожидавшая артиллеріи, пошла назадъ. Рота Бутлера стала стрѣлять [по] горцамъ, и вся лощина закрылась пороховымъ дымомъ. Только выше лощины видно было, какъ горцы поспѣшно отступали, отстрѣливаясь отъ преслѣдующихъ ихъ казаковъ. Отрядъ пошелъ дальше вслѣдъ за горцами, и на склонѣ второй балки открылся аулъ.

Бутлеръ съ своей ротой бѣгомъ, вслѣдъ за казаками, вошелъ въ аулъ. Жителей никого не было. Солдатамъ было велѣно жечь хлѣбъ, сѣно и самыя сакли. По всему аулу стелился ѣдкій дымъ, и въ дыму этомъ шныряли солдаты, вытаскивая изъ саклей, что находили, главное же, ловили и стрѣляли куръ, которыхъ не могли увезти горцы. Офицеры сѣли подальше отъ дыма и позавтракали и выпили. Фельдфебель принесъ имъ на доскѣ нѣ-

сколько сотовъ меда. Чеченцевъ не слышно было. Немного послѣ полдня велѣно было выступать. Рота построилась за ауломъ въ колонну, и Бутлеру пришлось быть въ арьергардѣ. Какъ только тронулись, появились чеченцы и, слѣдуя за отрядомъ, провожали его выстрѣлами.

Когда отрядъ вышелъ на открытое мѣсто, горцы отстали. У Бутлера никого не ранило, и онъ возвращался въ самомъ веселомъ и бодромъ расположеніи духа. Когда отрядъ, перейдя назадъ вбродъ перейденную утромъ рѣчку, растянулся по кукурузнымъ полямъ и лугамъ, пѣсенники по ротамъ выступили впередъ, и раздались пѣсни. Вѣтра не было, воздухъ былъ свѣжій, чистый и такой прозрачный, что снѣговыя горы, отстоявшія на сотню верстъ, казались совсѣмъ близкими, и что когда пѣсенники замолкали, слышался равномѣрный топотъ ногъ и побрякиваніе орудій, какъ фонъ, на которомъ зачиналась и останавливалась пѣсня. Пѣсня, которую пѣли въ пятой ротѣ Бутлера, была сочинена юнкеромъ во славу полка и пѣлась на плясовой мотивъ съ припѣвомъ: «То ли дѣло, то ли дѣло, егеря, егеря!»

Бутлеръ ѣхалъ верхомъ рядомъ съ своимъ ближайшимъ начальникомъ, майоромъ Петровымъ, съ которымъ онъ и жилъ вмѣстѣ, и не могъ нарадоваться на свое рѣшеніе выйти изъ гвардіи и уйти на Кавказъ. Главная причина его перехода изъ гвардіи была та, что онъ проигрался въ карты въ Петербургѣ, такъ что у него ничего не осталось. Онъ боялся, что не будетъ въ силахъ удержаться отъ игры, оставаясь въ гвардіи, а проигрывать уже нечего было. Теперь все это было кончено, была другая жизнь, и такая хорошая, молодецкая. Онъ забылъ теперь и про свое разореніе и свои неоплатные долги. И Кавказъ, война, солдаты, офицеры, пьяные и добродушные храбрецы, майоръ Петровъ,— все это казалось ему такъ хорошо, что онъ иногда не вѣрилъ себѣ, что онъ не въ Петербургѣ, не въ накуренныхъ комнатахъ загибаетъ углы и понтируетъ, ненавидя банкомета и чувствуя давящую боль въ головѣ, а здѣсь, въ этомъ чудномъ краѣ, среди молодцовъ кавказцевъ.

«То ли дѣло, то ли дѣло, егеря, егеря!» пѣли его пѣсенники. Лошадь его веселымъ шагомъ шагала подъ эту музыку. Ротный мохнатый, сѣрый Трезорка, точно начальникъ, закрутивъ хвостъ,

съ озабоченнымъ видомъ бѣжалъ передъ ротой Бутлера. На душѣ было бодро, спокойно и весело. Война представлялась ему только въ томъ, что онъ подвергалъ себя опасности, возможности смерти и этимъ заслуживалъ и награды и уваженіе здѣшнихъ товарищей и своихъ русскихъ друзей. Другая сторона войны: смерть, раны солдатъ, офицеровъ, горцевъ, какъ ни странно это сказать, и не представлялась его воображенію. Онъ даже безсознательно, чтобы удержать свое поэтическое представленіе о войнѣ, никогда не смотрѣлъ на убитыхъ и раненыхъ. Такъ и нынче. У насъ было три убитыхъ и двѣнадцать раненыхъ. Онъ прошелъ мимо трупа, лежащаго на спинѣ, и только однимъ глазомъ видѣлъ какое-то странное положеніе восковой руки и темно-красное пятно на головѣ и не сталъ разсматривать. Горцы представлялись ему только конными джигитами, отъ которыхъ надо было защищаться.

— Такъ вотъ какъ-съ, батюшка,—говорилъ майоръ въ промежуткѣ между пѣсней. — Не такъ-съ, какъ у васъ въ Питерѣ: равненіе направо, равненіе налѣво. А вотъ потрудились—и домой. Машурка намъ теперь пирогъ подастъ, щи хорошія. Жизнь! Такъ ли? Ну-ка, «Какъ вознялась заря», — скомандовалъ онъ любимую пѣсню.

Майоръ жилъ супружески съ дочерью фельдшера, сначала Машкой, а потомъ Марьей Дмитріевной. Марья Дмитріевна была красивая, бѣлокурая, вся въ веснушкахъ, тридцатилѣтняя бездѣтная женщина. Каково бы ни было ея прошедшее, теперь она была вѣрной подругой майора, ухаживала за нимъ, какъ нянька,—это было нужно майору, часто напивавшемуся до потери сознанія.

Когда пришли въ крѣпость, все было, какъ предвидѣлъ майоръ. Марья Дмитріевна накормила его и Бутлера и еще приглашенныхъ изъ отряда двухъ офицеровъ своимъ сытнымъ, вкуснымъ обѣдомъ, и майоръ наѣлся и напился такъ, что не могъ уже говорить, и пошелъ къ себѣ спать. Бутлеръ, также усталый, но довольный и немного выпившій лишняго чихиря, пошелъ въ свою комнату и едва успѣлъ раздѣться, какъ, подложивъ ладонь подъ красивую курчавую голову, заснулъ крѣпкимъ сномъ, безъ сновидѣній и просыпаній.

XVII.

Аулъ, разоренный набѣгомъ, былъ тотъ самый, въ которомъ Хаджи-Муратъ провелъ ночь передъ выходомъ своимъ къ русскимъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

XVIII.

На другой день послѣ набѣга Бутлеръ вышелъ уже не рано утромъ съ задняго крыльца на улицу, намѣреваясь пройтись и подышать воздухомъ до утренняго чая, который онъ пилъ обыкновенно вмѣстѣ съ Петровымъ. Солнце уже вышло изъ-за горъ, и больно было смотрѣть на освѣщенныя имъ бѣлыя мазанки правой стороны улицы, но зато, какъ всегда, весело и успокоительно было смотрѣть налѣво, на удаляющіяся и возвышающіяся, покрытыя лѣсомъ черныя горы и на матовую цѣпь снѣговыхъ горъ, какъ всегда, старавшихся притвориться облаками.

Бутлеръ смотрѣлъ на эти горы, дышалъ во всѣ легкія и радовался тому, что онъ живетъ, и живетъ именно онъ, и на этомъ прекрасномъ мѣстѣ. Радовался онъ немножко и тому, что онъ такъ хорошо вчера велъ себя въ дѣлѣ и при наступленіи и въ особенности при отступленіи, когда дѣло было довольно жаркое; радовался и воспоминанію о томъ, какъ вчера, по возвращеніи ихъ изъ похода, Маша, или Марья Дмитріевна, сожительница Петрова, угощала ихъ и была особенно проста и мила со всѣми, но въ особенности, какъ ему казалось, была къ нему ласкова. Марья Дмитріевна, съ ея толстой косой, широкими плечами, высокой грудью и сіяющей улыбкой покрытаго веснушками добраго лица, невольно влекла Бутлера, какъ сильнаго, молодого холостого человѣка, и ему казалась даже, что она желаетъ его. Но онъ считалъ, что это было бы дурно по отношенію добраго, простодушнаго товарища, и держался съ Марьей Дмитріевной самаго простого, почтительнаго обращенія, и радовался на себя за это. Сейчасъ онъ думалъ объ этомъ.

Мысли его развлекъ услышанный имъ передъ собой частый топотъ многихъ лошадиныхъ копытъ по пыльной дорогѣ, точно скакало нѣсколько человѣкъ. Онъ поднялъ голову и увидалъ въ концѣ улицы подъѣзжавшую шагомъ кучку всадниковъ. Впереди десятковъ двухъ казаковъ ѣхали два человѣка: одинъ—въ бѣлой черкескѣ и высокой папахѣ съ чалмой, другой — офицеръ русской службы, черный, горбоносый, съ изобиліемъ серебра на одеждѣ и на оружіи. Подъ всадникомъ съ чалмой былъ рыже-игреневый красавецъ конь съ маленькой головой, прекрасными глазами; подъ офицеромъ была высокая, щеглеватая карабахская лошадь. Бутлеръ, охотникъ до лошадей, тотчасъ же оцѣнилъ бодрую силу первой лошади и остановился, чтобы узнать, кто были эти люди. Офицеръ обратился къ Бутлеру.

— Это воинскій начальникъ домъ? — спросилъ онъ, выдавая несклоняемой рѣчью и выговоромъ свое нерусское происхожденіе. Бутлеръ сказалъ, что этотъ самый.

— А это кто же? — спросилъ Бутлеръ, ближе подходя къ офицеру и указывая глазами на человѣка въ чалмѣ.

— Хаджи-Муратъ это. Сюда ѣхалъ, тутъ гостить будетъ у воинскій начальникъ, — сказалъ офицеръ.

Бутлеръ зналъ про Хаджи-Мурата и про выходъ его къ русскимъ, но никакъ не ожидалъ увидать его здѣсь, въ этомъ маленькомъ укрѣпленіи.

Хаджи-Муратъ дружелюбно смотрѣлъ на него.

— Здравствуй, кошкильды, — сказалъ онъ выученное имъ привѣтствіе по-татарски.

— Саубулъ, — отвѣчалъ Хаджи-Муратъ, кивая головой. Онъ подъѣхалъ къ Бутлеру и подалъ руку, на двухъ пальцахъ которой висѣла плеть.

— Начальникъ? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, начальникъ здѣсь, пойду, позову его,—сказалъ Бутлеръ, обращаясь къ офицеру, входя на ступеньки и толкая дверь.

Но дверь параднаго крыльца, какъ его называла Марья Дмитріевна, была заперта. Бутлеръ постучалъ, но, не получивъ отвѣта, пошелъ кругомъ черезъ задній входъ. Крикнувъ своего денщика и не получивъ отвѣта и не найдя ни одного изъ двухъ денщиковъ, онъ зашелъ въ кухню. Марья Дмитріевна, повязанная платкомъ и раскраснѣвшаяся, съ засученными рукавами надъ бѣлыми

Фот. В. Черткова.

Левъ Николаевичъ около дома.
(Ясная Поляна, лѣто 1908 г.).

полными руками, рѣзала скатанное тѣсто, такое же бѣлое, какъ ея руки, на маленькіе кусочки для пирожковъ.

— Куда денщики подѣвались? — сказалъ Бутлеръ.

— Пьянствовать ушли, — сказала Марья Дмитріевна. — Да вамъ что?

— Дверь отпереть; у васъ передъ домомъ цѣлая орава горцевъ. Хаджи-Муратъ пріѣхалъ.

— Еще выдумайте что-нибудь, — сказала Марья Дмитріевна улыбаясь.

— Я не шучу, правда. Стоятъ у крыльца.

— Да неужели вправду? — сказала Марья Дмитріевна.

— Что же мнѣ вамъ выдумывать. Подите, посмотрите, онъ у крыльца стоитъ.

— Вотъ такъ оказія,— сказала Марья Дмитріевна, опустивъ рукава и ощупывая рукой шпильки въ своей толстой косѣ. — Такъ я пойду, разбужу Ивана Матвѣевича, — сказала она.

— Нѣтъ, я самъ пойду [1]), — сказалъ Бутлеръ.

— Ну, и то хорошо,— сказала Марья Дмитріевна и опять взялась за свое дѣло.

Узнавъ, что къ нему пріѣхалъ Хаджи-Муратъ, Иванъ Матвѣевичъ, уже слышавшій о томъ, что Хаджи-Муратъ въ Грозной, нисколько не удивился этому, а, приподнявшись, скрутилъ папироску, закурилъ и сталъ одѣваться, громко откашливаясь и ворча на начальство, которое прислало къ нему этого чорта. Одѣвшись, онъ потребовалъ отъ денщика лѣкарство. И денщикъ, зная, что лѣкарствомъ называется водка, подалъ ему.

— Нѣтъ хуже смѣси, — проворчалъ онъ, выпивши водку и закусывая чернымъ хлѣбомъ. — Вотъ вчера выпилъ чихиря, и болитъ голова. Ну, теперь готовъ,—закончилъ онъ и пошелъ въ гостиную, куда Бутлеръ уже провелъ Хаджи-Мурата и сопутствующаго ему офицера.

Офицеръ, провожавшій Хаджи-Мурата, передалъ Ивану Матвѣевичу приказаніе начальника лѣваго фланга принять Хаджи-Мурата и, дозволяя ему имѣть сообщеніе съ горцами черезъ лазутчиковъ, отнюдь не выпускать его изъ крѣпости иначе, какъ съ конвоемъ казаковъ.

---

[1]) См. примѣчаніе 10-е.

Прочтя бумагу, Иванъ Матвѣевичъ поглядѣлъ пристально на Хаджи-Мурата и опять сталъ вникать въ бумагу. Нѣсколько разъ переведя такимъ образомъ глаза съ бумаги на Хаджи-Мурата, онъ остановилъ, наконецъ, свои глаза на Хаджи-Муратѣ и сказалъ:

— Якши, бекъ, якши. Пускай живетъ. Такъ и скажи ему, что мнѣ приказано не выпускать его. А что приказано, то свято. А помѣстимъ его—какъ думаешь, Бутлеръ?—помѣстимъ въ канцеляріи?

Бутлеръ не успѣлъ отвѣтить, какъ Марья Дмитріевна, пришедшая изъ кухни и стоявшая въ дверяхъ, обратилась къ Ивану Матвѣевичу:

— Зачѣмъ? Помѣстите здѣсь. Кунацкую отдадимъ да кладовую. По крайней мѣрѣ, на глазахъ будетъ, — сказала она и взглянула на Хаджи-Мурата и, встрѣтившись съ нимъ глазами, поспѣшно отвернулась.

— Что же, я думаю, что Марья Дмитріевна права, — сказалъ Бутлеръ.

— Ну, ну, ступай, бабамъ здѣсь нечего дѣлать, — хмурясь сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

Во все время разговора Хаджи-Муратъ сидѣлъ, заложивъ руку за рукоять кинжала и чуть-чуть презрительно улыбаясь. Онъ сказалъ, что ему все равно, гдѣ жить. Одно, что ему нужно, что разрѣшено ему сардаремъ, это то, чтобы имѣть сношенія съ горцами, и потому онъ желаетъ, чтобы ихъ допускали къ нему. Иванъ Матвѣевичъ сказалъ, что это будетъ сдѣлано, и попросилъ Бутлера занять гостя, пока принесутъ имъ закусить и приготовятъ комнаты, самъ же онъ пойдетъ въ канцелярію написать нужныя бумаги и сдѣлать нужныя распоряженія.

Отношеніе Хаджи-Мурата къ его новымъ знакомымъ сейчасъ же очень ясно опредѣлилось. Къ Ивану Матвѣевичу Хаджи-Муратъ съ перваго знакомства съ нимъ почувствовалъ отвращеніе и презрѣніе и всегда высокомѣрно обращался съ нимъ. Марья Дмитріевна, которая готовила и приносила ему пищу, особенно нравилась ему. Ему нравилась и ея простота, и особенная красота чуждой ему народности, и безсознательно передававшееся ему ея влеченіе къ нему. Онъ старался не смотрѣть на нее, не говорить съ ней, но глаза его невольно обращались къ ней и слѣдили за ея движеніями.

Съ Бутлеромъ же онъ тотчасъ же, съ перваго знакомства, дружески сошелся и много и охотно говорилъ съ нимъ, разспрашивая его про его жизнь и разсказывая ему про свою и сообщая о тѣхъ извѣстіяхъ, которыя приносили ему лазутчики о положеніи его семьи, и даже совѣтуясь съ нимъ о томъ, что ему дѣлать.

Извѣстія, передаваемыя ему лазутчиками, были нехороши. Въ продолженіе четырехъ дней, которые онъ провелъ въ крѣпости, они два раза приходили къ нему, и оба раза извѣстія были дурныя.

XIX.

Семья Хаджи-Мурата вскорѣ послѣ того, какъ онъ вышелъ къ русскимъ, была привезена въ аулъ Ведено [1]) и содержалась тамъ подъ стражей, ожидая рѣшенія Шамиля. Женщины — старуха Патиматъ и двѣ жены Хаджи-Мурата и ихъ пятеро малыхъ дѣтей, жили подъ карауломъ въ саклѣ сотеннаго Ибрагима Рашида; сынъ же Хаджи-Мурата, 18-лѣтній юноша Юсуфъ, сидѣлъ въ темницѣ, т.-е. въ глубокой, болѣе сажени, ямѣ вмѣстѣ съ семью преступниками, ожидавшими такъ же, какъ и онъ, рѣшенія своей участи.

Рѣшеніе не выходило, потому что Шамиль былъ въ отъѣздѣ. Онъ былъ въ походѣ противъ русскихъ.

6-го января 1852 года Шамиль возвращался домой въ Ведено послѣ сраженія съ русскими, въ которомъ, по мнѣнію русскихъ, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Ведено, по его же мнѣнію и мнѣнію всѣхъ мюридовъ, одержалъ побѣду и прогналъ русскихъ. Въ сраженіи этомъ, что бывало очень рѣдко, онъ самъ выстрѣлилъ изъ винтовки и, выхватя шашку, пустилъ было свою лошадь прямо на русскихъ, но сопутствующіе ему мюриды удержали его. Два изъ нихъ тутъ же, подлѣ Шамиля, были убиты.

Былъ полдень, когда Шамиль, окруженный партіей мюридовъ, джигитовавшихъ вокругъ него, стрѣлявшихъ изъ винтовокъ и пистолетовъ и не переставая поющихъ: «Ла илляхъ иль Алла», подъѣхалъ къ своему мѣстопребыванію.

Весь народъ большого аула Ведено стоялъ на улицѣ и на крышахъ, встрѣчая своего повелителя, и въ знакъ торжества также

---

[1]) См. примѣчаніе 11-е.

стрѣлялъ изъ ружей и пистолетовъ. Шамиль ѣхалъ на бѣломъ арабскомъ конѣ, весело попрашивавшемъ поводья при приближеніи къ дому. Убранство коня было самое простое, безъ украшеній золота и серебра: тонко выдѣланная, съ дорожкой по серединѣ, красная ременная уздечка, металлическими стаканчиками стремена и красный чепракъ, виднѣвшійся изъ-подъ сѣдла. На имамѣ была покрытая коричневымъ сукномъ шуба, съ виднѣвшимся около шеи и рукавовъ чернымъ мѣхомъ, стянутая на тонкомъ и длинномъ станѣ чернымъ ремнемъ съ кинжаломъ. На головѣ была надѣта высокая, съ плоскимъ верхомъ папаха съ черной кистью, обвитая бѣлой чалмой, отъ которой конецъ спускался за шею. Ступни ногъ были въ зеленыхъ чувякахъ, и икры обтянуты черными ноговицами, обшитыми простымъ шнуркомъ.

Вообще на имамѣ не было ничего блестящаго, золотого или серебрянаго, и высокая, прямая, могучая фигура его, въ одеждѣ безъ украшеній, окруженная мюридами съ золотыми и серебряными украшеніями на одеждѣ и оружіи, производила то самое впечатлѣніе величія, которое онъ желалъ и умѣлъ производить въ народѣ. Блѣдное, окаймленное подстриженной рыжей бородой лицо его, съ постоянно сощуренными маленькими глазами, было, какъ каменное, совершенно неподвижно. Проѣзжая по аулу, онъ чувствовалъ на себѣ тысячи устремленныхъ глазъ, но его глаза не смотрѣли ни на кого. Жены Хаджи-Мурата тоже, со всѣми обитателями сакли, вышли на галлерею смотрѣть въѣздъ имама. Одна старуха Патиматъ, мать Хаджи-Мурата, не вышла, а осталась сидѣть, какъ она сидѣла, съ распущенными сѣдыми волосами на полу сакли, охвативъ длинными руками свои худыя колѣни, и, мигая своими жгучими черными глазами, смотрѣла на догорающія вѣтки въ каминѣ. Она такъ же, какъ и сынъ ея, всегда ненавидѣла Шамиля, теперь же еще больше, чѣмъ прежде, и не хотѣла видѣть его.

Не видалъ также торжественнаго въѣзда Шамиля и сынъ Хаджи-Мурата. Онъ только слышалъ изъ своей темной, вонючей ямы выстрѣлы и пѣніе и мучился, какъ только мучаются молодые, полные жизни люди, лишенные свободы. Сидя въ вонючей ямѣ и видя все однихъ и тѣхъ же несчастныхъ, грязныхъ, изможденныхъ, съ нимъ вмѣстѣ заключенныхъ злыхъ, большей частью ненавидящихъ другъ друга людей, онъ страстно завидовалъ теперь тѣмъ людямъ,

которые, пользуясь воздухомъ, свѣтомъ, свободой, гарцовали теперь на лихихъ коняхъ вокругъ повелителя, стрѣляли и дружно пѣли: «Ля илляхъ иль Алла».

Проѣхавъ аулъ, Шамиль въѣхалъ въ большой дворъ, примыкавшій къ внутреннему, въ которомъ находился сераль Шамиля. Два вооруженныхъ лезгина встрѣтили Шамиля у отворенныхъ воротъ перваго двора. Дворъ этотъ былъ полонъ народа. Тутъ были люди, пришедшіе изъ далекихъ мѣстъ по своимъ дѣламъ, были и просители, были и вытребованные самимъ Шамилемъ для суда и рѣшенія. При въѣздѣ Шамиля всѣ находившіеся во дворѣ встали и почтительно привѣтствовали имама, прикладывая руки къ груди. Нѣкоторые стали на колѣни и стояли такъ все время, пока Шамиль проѣзжалъ дворъ отъ однихъ—внѣшнихъ—воротъ до другихъ—внутреннихъ. Хотя Шамиль и узналъ среди дожидавшихся его много непріятныхъ ему лицъ и много скучныхъ просителей, требующихъ заботы о нихъ, онъ, съ тѣмъ же неизмѣнно каменнымъ лицомъ, проѣхалъ мимо нихъ и, въѣхавъ во внутренній дворъ, слѣзъ у галлереи своего помѣщенія, при въѣздѣ въ ворота налѣво. Послѣ напряженія похода не столько физическаго, сколько духовнаго, потому что Шамиль, несмотря на гласное признаніе своего похода побѣдой, зналъ, что походъ его былъ неудаченъ, что много ауловъ чеченскихъ сожжены и разорены, и перемѣнчивый, легкомысленный народъ, чеченцы, колеблются, и нѣкоторые изъ нихъ, ближайшіе къ русскимъ, уже готовы перейти къ нимъ. Все это было тяжело, противъ этого надо было принять мѣры, но въ эту минуту Шамилю ничего не хотѣлось думать. Онъ теперь хотѣлъ только одного: отдыха и прелести семейной ласки любимѣйшей изъ женъ своихъ, 18-лѣтней черноглазой, быстроногой кистинки Аминетъ.

Но не только нельзя было думать о томъ, чтобы видѣть теперь Аминетъ, которая была тутъ же, за заборомъ, отдѣлявшимъ во внутреннемъ дворѣ помѣщеніе женъ отъ мужского отдѣленія (Шамиль былъ увѣренъ, что даже теперь, пока онъ слѣзалъ съ лошади, Аминетъ съ другими женами смотрѣла въ щель забора), но нельзя было не только пойти къ ней, — нельзя было просто лечь на пуховикахъ и отдохнуть отъ усталости. Надо было прежде всего совершить полуденный намазъ, къ которому онъ не имѣлъ теперь ни малѣйшаго расположенія, но неисполненіе котораго было не

только невозможно въ его положеніи религіознаго руководителя народа, но и было для него самого такъ же необходимо, какъ ежедневная пища. И онъ совершилъ омовеніе и молитву. Окончивъ молитву, онъ позвалъ дожидавшихся его.

Первый вошелъ къ нему его тесть и учитель, высокій, сѣдой, благообразный старецъ съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой и краснорумянымъ лицомъ, Джемалъ-Эдинъ, и, помолившись Богу, сталъ разспрашивать Шамиля о событіяхъ похода и разсказывать о томъ, что произошло въ горахъ во время его отсутствія.

Въ числѣ всякаго рода событій — объ убійствахъ по кровомщенію, о покражахъ скота, объ обвиненныхъ въ несоблюденіи предписаній тариката: куреньи табаку, питьѣ вина, — Джемалъ-Эдинъ сообщилъ о томъ, что Хаджи-Муратъ выслалъ людей для того, чтобы вывести къ русскимъ его семью, но что это было обнаружено, и семья привезена въ Ведено, гдѣ и находится подъ стражей, ожидая рѣшенія имама. Въ сосѣдней кунацкой были собраны старики для обсужденія всѣхъ этихъ дѣлъ, и Джемалъ-Эдинъ совѣтовалъ Шамилю нынче же отпустить ихъ, такъ какъ они уже три дня дожидались его.

Поѣвъ у себя обѣдъ, который принесла ему остроносая, черная, непріятная лицомъ и нелюбимая, но старшая жена его, Зайдетъ, Шамиль пошелъ въ кунацкую.

Шесть человѣкъ, составляющіе совѣтъ его, старики съ сѣдыми, сѣрыми и рыжими бородами, въ чалмахъ и безъ чалмъ, въ высокихъ папахахъ и новыхъ бешметахъ и черкескахъ, подпоясанные ремнями съ кинжалами, встали ему навстрѣчу. Шамиль былъ головой выше всѣхъ ихъ. Всѣ они такъ же, какъ и онъ, подняли руки ладонями вверхъ и, закрывъ глаза, прочли молитву, потомъ отерли лица руками, спуская ихъ по бородамъ и соединяя одну съ другой. Окончивъ это, всѣ сѣли, Шамиль — посерединѣ, на болѣе высокой подушкѣ, и началось обсужденіе всѣхъ предстоящихъ дѣлъ.

Дѣла обвиняемыхъ въ преступленіяхъ лицъ рѣшали по шаріату: двухъ людей приговорили за воровство къ отрубленію руки, одного къ отрубленію головы за убійство, троихъ помиловали. Потомъ приступили къ главному дѣлу: къ обдумыванію мѣръ противъ перехода чеченцевъ къ русскимъ. Для противодѣйствія этимъ переходамъ Джемалъ-Эдиномъ было составлено слѣдующее провозглашеніе:

«Желаю вамъ вѣчный миръ съ Богомъ всемогущимъ. Слышу я, что русскіе ласкаютъ васъ и призываютъ къ покорности. Не вѣрьте имъ и не покоряйтесь, а терпите. Если не будете вознаграждены за это въ этой жизни, то получите награду въ будущей. Вспомните, что было прежде, когда у васъ отбирали оружіе. Если бы не зразумилъ васъ тогда, въ 1840 году, Богъ, вы бы уже были солдатами, а жены ваши ходили бы безъ шароваръ и были бы поруганы. Судите по прошедшему о будущемъ. Лучше умереть во враждѣ съ русскими, чѣмъ жить съ невѣрными. Потерпите, а я съ Кораномъ и шашкой приду къ вамъ и поведу васъ противъ русскихъ. Теперь же строго повелѣваю не имѣть не только намѣренія, но и помышленія покоряться русскимъ».

Шамиль одобрилъ это провозглашеніе и, подписавъ его, рѣшилъ разослать его.

Послѣ этихъ дѣлъ было обсуждаемо и дѣло Хаджи-Мурата. Дѣло это было очень важное для Шамиля. Хотя онъ и не хотѣлъ признаться въ этомъ,—онъ зналъ, что будь съ нимъ Хаджи-Муратъ съ своей ловкостью, смѣлостью и храбростью, не случилось бы того, что случилось теперь въ Чечнѣ. Помириться съ Хаджи-Муратомъ и опять пользоваться его услугами было хорошо; если же этого нельзя было, все-таки нельзя было допустить того, чтобы онъ помогалъ русскимъ. И потому во всякомъ случаѣ надо было вызвать его и, вызвавъ, убить его. Средство къ этому было или то, чтобы подослать въ Тифлисъ такого человѣка, который бы убилъ его тамъ, или вызвать его сюда и здѣсь покончить съ нимъ. Средство для этого было одно — его семья и, главное, его сынъ, къ которому, Шамиль зналъ, что Хаджи-Муратъ имѣлъ страстную любовь. И потому надо было дѣйствовать черезъ сына.

Когда совѣтчики переговорили объ этомъ, Шамиль закрылъ глаза и умолкъ.

Совѣтчики знали, что это значитъ то, что онъ слушаетъ теперь говорящій ему голосъ пророка, указывающій то, что должно быть сдѣлано. Послѣ пятиминутнаго торжественнаго молчанія Шамиль открылъ глаза, еще болѣе прищурилъ ихъ и сказалъ:

— Приведите ко мнѣ сына Хаджи-Мурата.

— Онъ здѣсь, — сказалъ Джемалъ-Эдинъ.

И дѣйствительно, Юсуфъ, сынъ Хаджи-Мурата, худой, блѣдный, оборванный и вонючій, но все еще красивый своимъ тѣломъ

и лицомъ, съ такими же жгучими, какъ у бабки Патиматъ, черными глазами, уже стоялъ у воротъ внѣшняго двора, ожидая призыва.

Юсуфъ не раздѣлялъ чувствъ отца къ Шамилю. Онъ не зналъ всего прошедшаго, или зналъ, но, не переживъ его, не понималъ, зачѣмъ отецъ его такъ упорно враждуетъ съ Шамилемъ. Ему, желающему только одного: продолженія той легкой, разгульной жизни, какую онъ, какъ сынъ наиба, велъ въ Хунзахѣ, казалось совершенно ненужнымъ враждовать съ Шамилемъ. Въ отпоръ и противорѣчіе отцу, онъ особенно восхищался Шамилемъ и питалъ къ нему распространенное въ горахъ восторженное поклоненіе. Онъ теперь съ особеннымъ чувствомъ трепетнаго благоговѣнія къ имаму вошелъ въ кунацкую и, остановившись у дверей, встрѣтился съ упорнымъ, сощуреннымъ взглядомъ Шамиля. Онъ постоялъ нѣсколько времени, потомъ подошелъ къ Шамилю и поцѣловалъ его большую, съ длинными пальцами бѣлую руку.

— Ты сынъ Хаджи-Мурата?

— Я, имамъ.

— Ты знаешь, что онъ сдѣлалъ?

— Знаю, имамъ, и жалѣю объ этомъ.

— Умѣешь писать?

— Я готовился быть муллой.

— Такъ напиши отцу, что если онъ выйдетъ назадъ ко мнѣ теперь, до Байрама, я прощу его, и все будетъ по-старому. Если же нѣтъ, и онъ останется у русскихъ, то — Шамиль грозно нахмурился — я отдамъ твою бабку, твою мать по ауламъ, а тебѣ отрублю голову.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Юсуфа. Онъ наклонилъ голову въ знакъ того, что понялъ слова Шамиля.

— Напиши такъ и отдай моему посланнику.

Шамиль замолчалъ и долго смотрѣлъ на Юсуфа.

— Напиши, что я пожалѣлъ тебя и не убью, а выколю глаза, какъ я дѣлаю всѣмъ измѣнникамъ. Иди.

Юсуфъ казался спокойнымъ въ присутствіи Шамиля, но когда его вывели изъ кунацкой, онъ бросился на того, кто велъ его, и, выхвативъ у него изъ ноженъ кинжалъ, хотѣлъ имъ зарѣзаться, но его схватили за руки, связали ихъ и отвели опять въ яму.

Въ этотъ вечеръ, когда кончилась вечерняя молитва и смерклось, Шамиль надѣлъ бѣлую шубу и вышелъ за заборъ въ ту часть двора, гдѣ помѣщались его жены, и направился къ комнатѣ Аминетъ. Но Аминетъ не было тамъ. Она была у старшихъ женъ. Тогда Шамиль, стараясь быть незамѣтнымъ, сталъ за дверь комнаты, дожидаясь ее. Но Аминетъ была сердита на Шамиля за то, что онъ подарилъ шелковую матерію не ей, а Зайдетъ. Она видѣла, какъ онъ вышелъ и какъ входилъ въ ея комнату, отыскивая ее, и нарочно не пошла къ себѣ. Она долго стояла въ двери комнаты Зайдетъ и, тихо смѣясь, глядѣла на бѣлую фигуру то входившаго, то выходившаго изъ ея комнаты Шамиля. Тщетно прождавъ ее, Шамиль вернулся къ себѣ уже ко времени полуночной молитвы.

XX.

Хаджи-Муратъ прожилъ недѣлю въ укрѣпленіи въ домѣ Ивана Матвѣевича. Несмотря на то, что Марья Дмитріевна ссорилась съ мохнатымъ Ханефи (Хаджи-Муратъ взялъ съ собой только двухъ—Ханефи и Элдара) и вытолкала его разъ изъ кухни за то, что тотъ чуть не зарѣзалъ ее, она, очевидно, питала особенныя чувства уваженія и симпатіи къ Хаджи-Мурату. Она теперь уже не подавала ему обѣдать, передавъ эту заботу Элдару, но пользовалась всякимъ случаемъ увидать его и угодить ему. Она принимала также самое живое участіе въ переговорахъ объ его семьѣ, знала, сколько у него женъ, дѣтей, какихъ лѣтъ, и всякій разъ послѣ посѣщенія лазутчика допрашивала, кого могла, о послѣдствіяхъ переговоровъ.

Бутлеръ же въ эту недѣлю совсѣмъ сдружился съ Хаджи-Муратомъ. Иногда Хаджи-Муратъ приходилъ въ его комнату, иногда Бутлеръ приходилъ къ нему. Иногда они бесѣдовали черезъ переводчика, иногда же собственными средствами, знаками и, главное, улыбками. Хаджи-Муратъ, очевидно, полюбилъ Бутлера. Это видно было по отношенію къ Бутлеру Элдара. Когда Бутлеръ входилъ въ комнату Хаджи-Мурата, Элдаръ встрѣчалъ Бутлера, радостно оскаливая свои блестящіе зубы, и поспѣшно подкладывалъ ему подушки подъ сидѣнье и снималъ съ него шашку, если она была на немъ.

Бутлеръ познакомился и сошелся также и съ мохнатымъ Ханефи, названымъ братомъ Хаджи-Мурата. Ханефи зналъ много горскихъ пѣсенъ и хорошо пѣлъ ихъ. Хаджи-Муратъ, въ угожденіе Бутлеру, призывалъ Ханефи и приказывалъ ему пѣть, называя тѣ пѣсни, которыя онъ считалъ хорошими. Голосъ у Ханефи былъ высокій теноръ, и пѣлъ онъ необыкновенно отчетливо и выразительно. Одна изъ пѣсенъ особенно нравилась Хаджи-Мурату и поразила Бутлера своимъ торжественно-грустнымъ напѣвомъ. Бутлеръ попросилъ переводчика пересказать ея содержаніе.

Пѣсня относилась къ кровомщенію, — тому самому, что было между Ханефи и Хаджи-Муратомъ.

Пѣсня была такая:

«Высохнетъ земля на могилѣ моей, и забудешь ты меня, моя родная мать. Порастетъ кладбище могильной травой, заглушитъ трава твое горе, мой старый отецъ. Слезы высохнутъ на глазахъ сестры моей, улетитъ и горе изъ сердца ея.

«Но не забудешь меня ты, мой старшій братъ, пока не отомстишь моей смерти. Не забудешь ты меня и второй мой братъ, пока не ляжешь рядомъ со мной.

«Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть, но не ты ли была моей вѣрной рабой? Земля черная, ты покроешь меня, но не я ли тебя конемъ топталъ? Холодна ты, смерть, но я былъ твоимъ господиномъ. Мое тѣло возьметъ земля, мою душу приметъ небо».

Хаджи-Муратъ всегда слушалъ эту пѣсню съ закрытыми глазами, и когда она кончалась протяжной, замирающей нотой, всегда по-русски говорилъ:

— Хорошъ пѣсня, умный пѣсня.

Поэзія особенной, энергической горской жизни, съ пріѣздомъ Хаджи-Мурата и сближеніемъ съ нимъ и его мюридами, еще болѣе охватила Бутлера. Онъ завелъ себѣ бешметъ, черкеску, ноговицы. Ему казалось, что онъ самъ горецъ и что живетъ такою же, какъ и эти люди, жизнью.

Въ день отъѣзда Хаджи-Мурата Иванъ Матвѣевичъ собралъ нѣсколько офицеровъ, чтобы проводить его. Офицеры сидѣли кто у чайнаго стола, гдѣ Марья Дмитріевна разливала чай, кто у другого стола съ водкой, чихиремъ и закуской, когда Хаджи-Муратъ, одѣтый по дорожному, быстрыми, мягкими шагами вошелъ, хромая, въ комнату.

Всѣ встали и по очереди за руку поздоровались съ нимъ. Иванъ Матвѣевичъ пригласилъ его на тахту, но онъ, поблагодаривъ, сѣлъ на стулъ у окна. Молчаніе, воцарившееся при его входѣ, очевидно, нисколько не смущало его. Онъ внимательно оглядѣлъ всѣ лица и остановилъ равнодушный взглядъ на столѣ съ самоваромъ и закусками. Бойкій офицеръ Петроковскій, въ первый разъ видѣвшій Хаджи-Мурата, черезъ переводчика спросилъ его, понравился ли ему Тифлисъ.

— Айя, — сказалъ онъ.

— Онъ говоритъ, что да, — сказалъ переводчикъ.

— Что же понравилось ему?

Хаджи-Муратъ что-то отвѣтилъ.

— Больше всего ему понравился театръ.

— Ну, а на балѣ у главнокомандующаго понравилось ему?

Хаджи-Муратъ нахмурился.

— У каждаго народа свои обычаи. У насъ женщины такъ не одѣваются, — сказалъ онъ, взглянувъ на Марью Дмитріевну.

— Что же, не понравилось ему?

— У насъ пословица есть, — сказалъ онъ переводчику, — собака кормила ишака мясомъ, и ишакъ собаку сѣномъ, — оба голодные остались. — Онъ улыбнулся. — Всякому народу свой обычай хорошъ.

Дальше разговоръ не пошелъ. Офицеры кто сталъ пить чай, кто закусывать. Хаджи-Муратъ взялъ предложенный стаканъ чаю и поставилъ его передъ собой.

— Что же сливокъ, булку? — сказала Марья Дмитріевна, подавая ему.

Хаджи-Муратъ наклонилъ голову.

— Такъ что же, прощай! — сказалъ Бутлеръ, трогая его по колѣну. — Когда увидимся?

— Прошай, прошай, — улыбаясь, по-русски сказалъ Хаджи-Муратъ. — Кунакъ булуръ. Крѣпко кунакъ твой. Время айда, пошелъ, — сказалъ онъ, тряхнувъ головой какъ бы тому направленію, куда надо ѣхать.

Въ дверяхъ комнаты показался Элдаръ съ чѣмъ-то большимъ бѣлымъ черезъ плечо и съ шашкой въ рукѣ. Хаджи-Муратъ поманилъ его, и Элдаръ подошелъ своими большими шагами къ Хаджи-Мурату и подалъ ему бѣлую бурку и шашку. Хаджи-Муратъ всталъ,

взялъ бурку и, перекинувъ ее черезъ руку, подалъ Марьѣ Дмитріевнѣ, что-то сказавъ переводчику. Переводчикъ сказалъ:

— Онъ говоритъ, — ты похвалила бурку, возьми.

— Зачѣмъ это? — сказала Марья Дмитріевна, покраснѣвъ.

— Такъ надо. Адамъ такъ, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Ну, благодарю, — сказала Марья Дмитріевна, взявъ бурку. — Дай вамъ Богъ сына выручить, — прибавила она. — Уланъ якши, — сказала она, — передайте ему, что желаю ему семью выручить.

Хаджи-Муратъ взглянулъ на Марью Дмитріевну и одобрительно кивнулъ головой. Потомъ онъ взялъ изъ рукъ Элдара шашку и подалъ Ивану Матвѣевичу. Иванъ Матвѣевичъ взялъ шашку и сказалъ переводчику:

— Скажи ему, чтобы мерина моего бураго взялъ, больше нечѣмъ отдарить.

Хаджи-Муратъ помахалъ рукой передъ лицомъ, показывая этимъ, что ему ничего не нужно, и что онъ не возьметъ, и потомъ, показавъ на горы и на свое сердце, пошелъ къ выходу. Всѣ пошли за нимъ. Офицеры, оставшіеся въ комнатахъ, вынувъ шашку, разглядывали клинокъ на ней и рѣшили, что эта была настоящая гурда.

Бутлеръ вышелъ вмѣстѣ съ Хаджи-Муратомъ на крыльцо. Но тутъ случилось то, чего никто не ожидалъ, и что могло кончиться смертью Хаджи-Мурата, если бы не его смѣтливость, рѣшительность и ловкость.

Жители кумыцкаго аула Таля-Качу, питавшіе большое уваженіе къ Хаджи-Мурату и много разъ пріѣзжавшіе въ укрѣпленіе, чтобы только взглянуть на знаменитаго наиба, за три дня до отъѣзда Хаджи-Мурата послали къ нему пословъ просить его въ пятницу въ ихъ мечеть. Кумыцкіе же князья, жившіе въ Таля-Качу и ненавидѣвшіе Хаджи-Мурата и имѣвшіе съ нимъ кровомщеніе, узнавъ объ этомъ, объявили народу, что они не пустятъ Хаджи-Мурата въ мечеть. Народъ взволновался, и произошла драка народа съ княжескими сторонниками. Русское начальство усмирило горцевъ и послало Хаджи-Мурату сказать, чтобы онъ не пріѣзжалъ въ мечеть. Хаджи-Муратъ не поѣхалъ, и всѣ думали, что дѣло тѣмъ и кончилось.

Но въ самую минуту отъѣзда Хаджи-Мурата, когда онъ вышелъ на крыльцо и лошади стояли у подъѣзда, къ дому Ивана Матвѣевича подъѣхалъ знакомый Бутлеру и Ивану Матвѣевичу кумыцкій князь Арсланъ-Ханъ.

Увидавъ Хаджи-Мурата, онъ, выхвативъ изъ-за пояса пистолетъ, направилъ его на Хаджи-Мурата. Но не успѣлъ Арсланъ-Ханъ выстрѣлить, какъ Хаджи-Муратъ, несмотря на свою хромоту, какъ кошка, быстро бросился съ крыльца къ Арсланъ-Хану. Арсланъ-Ханъ выстрѣлилъ и не попалъ. Хаджи-Муратъ же, подбѣжавъ къ нему, одной рукой схватилъ его лошадь за поводъ, другой выхватилъ кинжалъ и что-то по-татарски крикнулъ ему.

Бутлеръ и Элдаръ въ одно и то же время подбѣжали къ врагамъ и схватили ихъ за руки. На выстрѣлъ вышелъ и Иванъ Матвѣевичъ.

— Что же это ты, Арсланъ, у меня въ домѣ затѣялъ такую гадость? — сказалъ онъ, узнавъ, въ чемъ дѣло. — Нехорошо это, братъ. Въ полѣ двѣ воли, а что же у меня рѣзню такую затѣвать.

Арсланъ-Ханъ, маленькій человѣчекъ съ черными усами, весь блѣдный и дрожащій, сошелъ съ лошади, злобно поглядѣлъ на Хаджи-Мурата и ушелъ съ Иваномъ Матвѣевичемъ въ горницу. Хаджи-Муратъ же вернулся къ лошадямъ, тяжело дыша и улыбаясь.

— За что онъ его убить хотѣлъ? — спросилъ Бутлеръ черезъ переводчика.

— Онъ говоритъ, что такой у насъ законъ, — передалъ переводчикъ слова Хаджи-Мурата.—Арсланъ-Ханъ долженъ отомстить ему за кровь,—вотъ онъ и хотѣлъ убить.

— Ну, а если онъ догонитъ его дорогой? — спросилъ Бутлеръ.

Хаджи-Муратъ улыбнулся.

— Что же,—убьетъ, значитъ, такъ Алла хочетъ. Ну, прощай,— сказалъ онъ опять по-русски и, взявшись за холку лошади, обвелъ глазами всѣхъ провожавшихъ его и ласково встрѣтился взглядомъ [съ] Марьей Дмитріевной.

— Прощай, матушка, — сказалъ онъ, обращаясь къ ней,— спасибо.

— Дай Богъ, дай Богъ семью выручить, — повторила Марья Дмитріевна.

Онъ не понялъ словъ, но понялъ ея участіе къ нему и кивнулъ ей головой.

— Смотри, не забудь кунака, — сказалъ Бутлеръ.

— Скажи, что я вѣрный другъ ему. Никогда не забуду, — отвѣтилъ онъ черезъ переводчика и, несмотря на свою кривую ногу, только-что дотронулся до стремени, какъ быстро и легко перенесъ свое тѣло на высокое сѣдло [и], ощупавъ привычнымъ движеніемъ пистолетъ, оправивъ шашку, съ тѣмъ особеннымъ, гордымъ, единственнымъ видомъ, съ которымъ сидитъ горецъ на лошади, поѣхалъ прочь отъ дома Ивана Матвѣевича. Ханефи и Элдаръ также сѣли на лошадей и, дружелюбно простившись съ хозяевами и офицерами, поѣхали рысью за своимъ мюршидомъ.

Какъ всегда, начались толки объ уѣхавшемъ.

— Молодчина! вѣдь какъ волкъ бросился на Арсланъ-Хана, совсѣмъ лицо другое стало.

— А надуетъ онъ, плутъ большой, должно-быть, — сказалъ Петроковскій.

— Дай Богъ, чтобы побольше русскихъ такихъ плутовъ было,— вдругъ съ досадой вмѣшалась Марья Дмитріевна. — Недѣлю у насъ прожилъ и, кромѣ хорошаго, ничего отъ него не видали, — сказала она. — Обходительный, умный, справедливый.

— Почемъ вы это все узнали?

— Стало-быть, узнала.

— Втюрилась, — сказалъ вошедшій Иванъ Матвѣевичъ,—ужъ это какъ есть.

— Ну, и втюрилась. А вамъ что? Только зачѣмъ осуждать, когда человѣкъ хорошій. Онъ татаринъ, а хорошій.

— Правда, Марья Дмитріевна, — сказалъ Бутлеръ. — Молодецъ, что заступились.

XXI.

Жизнь обитателей передовыхъ крѣпостей на чеченской линіи шла по-старому. Были съ тѣхъ поръ двѣ тревоги, на которыя выбѣгали роты и скакали милиціонеры, но оба раза горцевъ не могли остановить: они уходили, и одинъ разъ, въ Воздвиженской, угнали восемь лошадей казачьихъ съ водопоя и убили казака Набѣговъ со времени послѣдняго, когда былъ разоренъ аулъ, не было. Только ожидалась большая экспедиція въ Большую Чечню, вслѣдствіе назначенія новаго начальника лѣваго фланга, князя Барятинскаго.

Князь Барятинскій, другъ наслѣдника, бывшій командиръ Кабардинскаго полка, теперь, какъ начальникъ всего лѣваго фланга, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Грозную собралъ отрядъ съ тѣмъ, чтобы продолжать исполнять тѣ предначертанія государя, о которыхъ Чернышовъ писалъ Воронцову. Собранный въ Воздвиженской отрядъ вышелъ изъ нея на позицію по направленію къ Куринскому. Войска стояли тамъ и рубили лѣсъ. Молодой Воронцовъ жилъ въ великолѣпной суконной палаткѣ, и жена его, Марья Васильевна, пріѣзжала въ лагерь и часто оставалась ночевать. Ни отъ кого не были секретомъ отношенія Барятинскаго съ Марьей Васильевной, и потому непридворные офицеры и солдаты грубо ругали ее за то, что, благодаря ея присутствію въ лагерѣ, ихъ разсылали въ ночные секреты. Обыкновенно горцы подвозили орудія и пускали ядра въ лагерь. Ядра эти большей частью не попадали, и потому въ обыкновенное время противъ этихъ выстрѣловъ не принималось никакихъ мѣръ; но для того, чтобы горцы не могли выдвигать орудія и пугать Марью Васильевну, высылались секреты. Ходить же каждую ночь въ секреты для того, чтобы не напугать барыню, было оскорбительно и противно, и Марью Васильевну нехорошими словами честили солдаты и непринятые въ высшее общество офицеры.

Въ этомъ отрядѣ, чтобы повидать тамъ собравшихся своихъ однокашниковъ по Пажескому корпусу и однополчанъ, служившихъ въ Куринскомъ полку и адъютантами и ординарцами при начальствѣ, пріѣхалъ въ отпускъ и Бутлеръ изъ своего укрѣпленія. Съ начала его пріѣзда ему было очень весело. Онъ остановился въ палаткѣ Полторацкаго и нашелъ тамъ много радостно встрѣтившихъ его знакомыхъ. Онъ пошелъ и къ Воронцову, котораго зналъ немного, потому что служилъ одно время въ одномъ съ нимъ полку. Воронцовъ принялъ его очень ласково и представилъ князю Барятинскому и пригласилъ его на прощальный обѣдъ, который онъ давалъ бывшему до Барятинскаго начальнику лѣваго фланга, генералу Козловскому.

Обѣдъ былъ великолѣпный. Были привезены и поставлены ряды палатокъ. Во всю длину ихъ былъ накрытъ столъ, уставленный приборами и бутылками. Все напоминало петербургское гвардейское житье. Въ два часа сѣли за столъ. Посрединѣ стола сидѣли: по одну сторону Козловскій, по другую—Барятинскій.

Справа отъ Козловскаго сидѣлъ мужъ, слѣва — жена Воронцовы. Во всю длину съ обѣихъ сторонъ сидѣли офицеры Кабардинскаго и Куринскаго полковъ. Бутлеръ сидѣлъ рядомъ съ Полторацкимъ, оба весело болтали и пили съ сосѣдями-офицерами. Когда дѣло дошло до жаркого, денщики стали разливать по бокаламъ шампанское. Полторацкій съ искреннимъ страхомъ и сожалѣніемъ сказалъ Бутлеру:

— Осрамится нашъ «какъ».

— А что?

— Да вѣдь ему надо рѣчь говорить. А что же онъ можетъ?

— Да, братъ, это не то, что подъ пулями завалы брать. А еще тутъ рядомъ дама да эти придворные господа. Право, жалко смотрѣть на него, — говорили между собою офицеры.

Но вотъ наступила торжественная минута. Барятинскій всталъ и, поднявъ бокалъ, обратился къ Козловскому съ короткой рѣчью. Когда Барятинскій кончилъ, Козловскій всталъ и довольно твердымъ голосомъ началъ:

— По высочайшей его величества волѣ, какъ, я уѣзжаю отъ васъ, разстаюсь съ вами, господа офицеры, — сказалъ онъ. — Но считайте меня всегда, какъ, съ вами... Вамъ, господа, знакома, какъ, истина — одинъ въ полѣ не воинъ. Поэтому все, чѣмъ я на службѣ моей, какъ, награжденъ, всѣмъ, какъ, чѣмъ осыпанъ, великими щедротами государя императора, какъ, всѣмъ положеніемъ моимъ, какъ, и добрымъ именемъ, всѣмъ, всѣмъ рѣшительно, какъ... — здѣсь голосъ его задрожалъ, — я, какъ, обязанъ однимъ и однимъ вамъ, друзья мои!—И морщинистое лицо сморщилось еще больше. Онъ всхлипнулъ, и слезы выступили ему на глаза.—Отъ всего сердца приношу вамъ, какъ, мою искреннюю задушевную признательность...

Козловскій не могъ говорить дальше и, вставъ, сталъ обнимать офицеровъ. Княгиня закрыла лицо платкомъ. Князь Семенъ Михайловичъ, скривя ротъ, моргалъ глазами. Многіе изъ офицеровъ тоже прослезились. Бутлеръ, который очень мало зналъ Козловскаго, тоже не могъ удержаться отъ слезъ. Все это ему чрезвычайно нравилось. Потомъ начались тосты за Барятинскаго, за Воронцова, за офицеровъ, за солдатъ, и гости вышли отъ обѣда опьяненные и выпитымъ виномъ и военнымъ восторгомъ, къ которому и такъ были особенно склонны.

Погода была чудная, солнечная, тихая, съ бодрящимъ свѣжимъ воздухомъ. Со всѣхъ сторонъ трещали костры, слышались пѣсни. Казалось, всѣ праздновали что-то. Бутлеръ въ самомъ счастливомъ, умиленномъ расположеніи духа пошелъ къ Полторацкому. Къ Полторацкому собрались офицеры, раскинули карточный столъ, и адъютантъ заложилъ банкъ въ сто рублей. Раза два Бутлеръ выходилъ изъ палатки, держа въ рукѣ, въ карманѣ панталонъ, свой кошелекъ, но, наконецъ, не выдержалъ и, несмотря на данное себѣ и братьямъ слово не играть, сталъ понтировать.

И не прошло часу, какъ Бутлеръ, весь красный, въ поту, испачканный мѣломъ, сидѣлъ, облокотившись обѣими руками на столъ, и писалъ подъ смятыми на углы и транспорты картами цифры своихъ ставокъ. Онъ проигралъ такъ много, что уже боялся счесть то, что было за нимъ записано. Онъ не считая зналъ, что, отдавъ все жалованіе, которое онъ могъ взять впередъ, и цѣну своей лошади, онъ все-таки не могъ заплатить всего, что было за нимъ записано незнакомымъ адъютантомъ. Онъ бы игралъ еще, но адъютантъ съ строгимъ лицомъ положилъ своими бѣлыми, чистыми руками карты и сталъ считать мѣловую колонну записей Бутлера. Бутлеръ сконфуженно просилъ извинить его за то, что не можетъ заплатить сейчасъ всего того, что проигралъ, сказалъ, что онъ пришлетъ изъ дому, и когда онъ сказалъ это, онъ замѣтилъ, что всѣмъ стало жаль его, и что всѣ, даже Полторацкій, избѣгали его взгляда. Это былъ послѣдній его вечеръ. Стоило ему не играть, а пойти къ Воронцову, куда его звали, и все бы было хорошо, думалъ онъ. А теперь было не только не хорошо, но было ужасно.

Простившись съ товарищами и знакомыми, онъ уѣхалъ домой и, пріѣхавъ, тотчасъ же легъ спать и спалъ восемнадцать часовъ сряду, какъ спятъ обыкновенно послѣ проигрыша. Марья Дмитріевна по тому, что онъ попросилъ у нея полтинникъ, чтобы дать на чай провожавшему его казаку, и по его грустному виду и короткимъ отвѣтамъ поняла, что онъ проигрался, и напала на Ивана Матвѣевича, зачѣмъ онъ отпускалъ его.

На другой день Бутлеръ проснулся въ двѣнадцатомъ часу и, вспомнивъ свое положеніе, хотѣлъ бы опять нырнуть въ забвеніе, изъ котораго только что вышелъ, но нельзя было. Надо было принять мѣры, чтобы выплатить 470 рублей, которые онъ остался

долженъ незнакомому человѣку. Одна изъ этихъ мѣръ состояла въ томъ, что онъ написалъ письмо брату, каясь въ своемъ грѣхѣ и умоляя его выслать ему въ послѣдній разъ 500 рублей въ счетъ той мельницы, которая оставалась еще у нихъ въ общемъ владѣніи. Потомъ онъ написалъ своей скупой родственницѣ, прося ее дать ему на какихъ она хочетъ процентахъ тѣ же 500 рублей. Потомъ онъ пошелъ къ Ивану Матвѣевичу, зная, что у него или, скорѣе, у Марьи Дмитріевны есть деньги, прося его дать ему взаймы 500 рублей.

— Я бы далъ, — сказалъ Иванъ Матвѣевичъ, — сейчасъ отдалъ бы, да Машка не дастъ. Онѣ, эти бабы, очень ужъ прижимисты, чортъ ихъ знаетъ. А надо, надо выкрутиться, чортъ его возьми. У того чорта, у маркитанта, нѣтъ ли?

Но у маркитанта нечего было и пробовать занимать. Такъ что спасеніе Бутлера могло прійти только отъ брата или отъ скупой родственницы.

XXII.

Не достигнувъ своей цѣли въ Чечнѣ, Хаджи-Муратъ вернулся въ Тифлисъ и каждый день ходилъ къ Воронцову и, когда его принимали, умолялъ его собрать горскихъ плѣнныхъ и вымѣнять на нихъ его семью. Онъ говорилъ, что безъ этого онъ связанъ и не можетъ, какъ онъ хотѣлъ бы, служить русскимъ и уничтожить Шамиля. Воронцовъ неопредѣленно обѣщалъ сдѣлать, что можетъ, но откладывалъ, говоря, что онъ рѣшитъ дѣло, когда пріѣдетъ въ Тифлисъ генералъ Аргутинскій, и онъ переговоритъ съ нимъ. Тогда Хаджи-Муратъ сталъ просить Воронцова разрѣшить ему съѣздить на время пожить въ Нухѣ, небольшомъ городкѣ Закавказья, гдѣ онъ полагалъ, что ему удобнѣе будетъ вести переговоры съ Шамилемъ и преданными ему людьми о своей семьѣ. Кромѣ того, въ Нухѣ, магометанскомъ городѣ, была мечеть, гдѣ онъ болѣе удобно могъ бы исполнять требуемыя магометанскимъ закономъ молитвы. Воронцовъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ и между тѣмъ все-таки разрѣшилъ Хаджи-Мурату переѣхать въ Нуху.

Для Воронцова, для петербургскихъ властей, такъ же, какъ и для большинства русскихъ людей, знавшихъ исторію Хаджи-

Мурата, исторія эта представлялась счастливымъ оборотомъ въ кавказской войнѣ или просто интереснымъ случаемъ; для Хаджи-Мурата же это былъ, особенно въ послѣднее время, страшный поворотъ въ его жизни. Онъ бѣжалъ изъ горъ, отчасти спасая себя, отчасти изъ ненависти къ Шамилю, и, какъ ни трудно было это бѣгство, онъ достигъ своей цѣли, и въ первое время его радовалъ его успѣхъ, и онъ дѣйствительно обдумывалъ планъ нападенія на Шамиля. Но оказалось, что выходъ его семьи, который, онъ думалъ, легко устроить, былъ труднѣе, чѣмъ онъ думалъ. Шамиль захватилъ его семью и, держа ее въ плѣну, обѣщалъ раздать женщинъ по ауламъ и ослѣпить или убить сына. Теперь Хаджи-Муратъ переѣзжалъ въ Нуху съ намѣреніемъ попытаться черезъ своихъ приверженцевъ въ Дагестанѣ хитростью или силой вырвать семью отъ Шамиля. Послѣдній лазутчикъ, который былъ у него въ Нухѣ, сообщилъ ему, что преданные ему аварцы собираются похитить его семью и выйти вмѣстѣ съ семьей къ русскимъ, но людей, готовыхъ на это, слишкомъ мало, и что они не рѣшаются сдѣлать это въ мѣстѣ заключенія семьи, въ Ведено, но сдѣлаютъ это только въ томъ случаѣ, если семью переведутъ изъ Ведено въ другое мѣсто, тогда на пути они обѣщаются сдѣлать это. Хаджи-Муратъ велѣлъ сказать своимъ друзьямъ, что онъ обѣщаетъ три тысячи рублей за выручку семьи.

Въ Нухѣ Хаджи-Мурату былъ отведенъ небольшой домъ въ пять комнатъ, недалеко отъ мечети и ханскаго дворца. Въ томъ же домѣ жили приставленные къ нему офицера и переводчикъ и его нукеры. Жизнь Хаджи-Мурата проходила въ ожиданіи и пріемѣ лазутчиковъ изъ горъ и въ разрѣшенныхъ ему прогулкахъ верхомъ по окрестностямъ.

Вернувшись 8-го апрѣля съ прогулки, Хаджи-Муратъ узналъ, что въ его отсутствіе пріѣхалъ чиновникъ изъ Тифлиса отъ Воронцова. Несмотря на все желаніе узнать, что привезъ ему чиновникъ, Хаджи-Муратъ, прежде чѣмъ итти въ ту комнату, гдѣ его ожидали приставъ съ чиновникомъ, пошелъ къ себѣ и совершилъ полуденную молитву. Окончивъ молитву, онъ вышелъ въ другую комнату, служившую гостиной и пріемной. Пріѣхавшій изъ Тифлиса чиновникъ, статскій совѣтникъ Кирилловъ, передалъ Хаджи-Мурату желаніе Воронцова, чтобы онъ къ 12-му числу пріѣхалъ въ Тифлисъ для свиданія съ Аргутинскимъ.

— Якши, — сердито сказалъ Хаджи-Муратъ.

Чиновникъ Кирилловъ не понравился ему.

— А деньги привезъ?

— Привезъ, — сказалъ Кирилловъ.

— За двѣ недѣли теперь, — сказалъ Хаджи-Муратъ и показалъ десять пальцевъ и еще четыре. — Давай.

— Сейчасъ дадимъ, — сказалъ чиновникъ, доставая кошелекъ изъ своей дорожной сумки. — И на что ему деньги? — сказалъ онъ по-русски, полагая, что Хаджи-Муратъ не понимаетъ, но Хаджи-Муратъ понялъ и сердито взглянулъ на Кириллова. Доставая деньги, Кирилловъ, желая разговориться съ Хаджи-Муратомъ съ тѣмъ, чтобы имѣть что передать по возвращеніи своемъ князю Воронцову, спросилъ у него черезъ переводчика, скучно ли ему здѣсь. Хаджи-Муратъ сбоку взглянулъ презрительно на маленькаго, толстаго человѣка въ штатскомъ и безъ оружія и ничего не отвѣтилъ. Переводчикъ повторилъ вопросъ.

— Скажи ему, что я не хочу съ нимъ говорить. Пускай дастъ деньги.

И, сказавъ это, Хаджи-Муратъ опять сѣлъ къ столу, собираясь считать деньги.

Когда Кирилловъ вынулъ золотые и разложилъ семь столбиковъ по десяти золотыхъ (Хаджи-Муратъ получалъ пять золотыхъ въ день), онъ подвинулъ ихъ къ Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ ссыпалъ золото въ рукавъ черкески, поднялся и совершенно неожиданно хлопнулъ статскаго совѣтника по плѣши и пошелъ изъ комнаты. Статскій совѣтникъ привскочилъ и велѣлъ переводчику сказать, что онъ не долженъ смѣть этого дѣлать, потому что онъ въ чинѣ полковника. То же подтвердилъ и приставъ. Но Хаджи-Муратъ кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ знаетъ, и вышелъ изъ комнаты.

— Что съ нимъ станешь дѣлать, — сказалъ приставъ. — Пырнетъ кинжаломъ, вотъ и все. Съ этими чертями не сговоришь. Я вижу, онъ бѣситься начинаетъ.

Какъ только смерклось, пришли изъ горъ обвязанные до глазъ башлыками два лазутчика. Приставъ провелъ ихъ въ комнату къ Хаджи-Мурату. Одинъ изъ лазутчиковъ былъ мясистый черный тавлинецъ, другой — худой старикъ. Извѣстія, принесен-

ныя ими, были для Хаджи-Мурата нерадостны. Друзья его, взявшіеся выручить семью, теперь прямо отказывались, боясь Шамиля, который угрожалъ самыми страшными казнями тѣмъ, кто будетъ помогать Хаджи-Мурату. Отслушавъ разсказъ лазутчиковъ, Хаджи-Муратъ облокотилъ руки на скрещенныя ноги и, опустивъ голову въ папахѣ, долго молчалъ. Хаджи-Муратъ думалъ, и думалъ рѣшительно. Онъ зналъ, что думаетъ теперь въ послѣдній разъ, и необходимо рѣшеніе. Хаджи-Муратъ поднялъ голову и, доставъ два золотыхъ, отдалъ лазутчикамъ по одному, и сказалъ:

— Идите.

— Какой будетъ отвѣтъ?

— Отвѣтъ будетъ, какой дастъ Богъ. Идите.

Лазутчики встали и ушли, а Хаджи-Муратъ продолжалъ сидѣть на коврѣ, опершись локтями на колѣни. Онъ долго сидѣлъ такъ и думалъ.

«Что дѣлать? Повѣрить Шамилю и вернуться къ нему?» думалъ Хаджи-Муратъ. «Онъ — лисица, обманетъ. Если же бы онъ и не обманулъ, то покориться ему, рыжему обманщику, нельзя было. Нельзя было потому, что онъ теперь, послѣ того, какъ я побылъ у русскихъ, не повѣритъ мнѣ», думалъ Хаджи-Муратъ.

И онъ вспомнилъ сказку тавлинскую о соколѣ, который былъ пойманъ, жилъ у людей и потомъ вернулся въ свои горы къ своимъ. Онъ вернулся, но въ путахъ, и на путахъ остались бубенцы. И соколы не приняли его. — Лети, — сказали они, — туда, гдѣ надѣли на тебя серебряные бубенцы. У насъ нѣтъ бубенцовъ, нѣтъ и путъ.—Соколъ не хотѣлъ покидать родины и остался. Но другіе соколы не приняли и заклевали его.

«Такъ заклюютъ и меня», думалъ Хаджи-Муратъ.

«Остаться здѣсь? Покорить русскому царю Кавказъ, заслужить славу, чины, богатство?»

«Это можно», думалъ онъ, вспоминая про свои свиданія съ Воронцовымъ и лестныя слова князя.

«Но надо сейчасъ рѣшить, а то онъ погубитъ семью».

Всю ночь Хаджи-Муратъ не спалъ и думалъ.

XXIII.

Въ серединѣ ночи рѣшеніе его было составлено. Онъ рѣшилъ, что надо бѣжать въ горы и съ преданными аварцами ворваться въ Ведено и или умереть или освободить семью. Высвободитъ ли онъ семью назадъ къ русскимъ или бѣжитъ съ ней въ Хунзахъ и будетъ бороться съ Шамилемъ,—Хаджи-Муратъ не рѣшилъ, онъ зналъ только то, что сейчасъ надо было бѣжать отъ русскихъ въ горы. И онъ сейчасъ сталъ приводить это рѣшеніе въ исполненіе. Онъ взялъ изъ-подъ подушки свой черный ватный бешметъ и пошелъ въ помѣщеніе своихъ нукеровъ. Они жили черезъ сѣни. Какъ только онъ вошелъ въ сѣни съ отворенной дверью, его охватила росистая свѣжесть лунной ночи, и ударили въ уши свистъ и щелканье сразу нѣсколькихъ соловьевъ изъ сада, примыкавшаго къ дому.

Пройдя сѣни, Хаджи-Муратъ отворилъ дверь въ комнату нукеровъ. Въ комнатѣ этой не было свѣта, только молодой мѣсяцъ первой четверти свѣтилъ въ окно. Столъ и два стула стояли въ сторонѣ, и всѣ четыре нукера лежали на полу на коврахъ и буркахъ. Ханефи спалъ на дворѣ съ лошадьми. Гамзало, услыхавъ скрипъ двери, поднялся, оглянулся на Хаджи-Мурата и, узнавъ его, опять легъ. Элдаръ же, лежавшій подлѣ, вскочилъ и сталъ надѣвать бешметъ, ожидая приказаній. Курбанъ и Ханъ-Магома спали. Хаджи-Муратъ положилъ бешметъ на столъ, и бешметъ стукнулъ о доски стола чѣмъ-то крѣпкимъ. Это были зашитые въ немъ золотые.

— Зашей и эти, — сказалъ Хаджи-Муратъ, подавая Элдару полученные нынче золотые. Элдаръ взялъ золотые и тотчасъ же, выйдя на свѣтлое мѣсто, досталъ изъ-подъ кинжала ножичекъ и сталъ пороть подкладку бешмета. Гамзало приподнялся и сѣлъ, скрестивъ ноги.

— А ты, Гамзало, прикажи молодцамъ осмотрѣть ружья, пистолеты, приготовить заряды. Завтра поѣдемъ далеко, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

— Пули есть, порохъ есть, будетъ готово, — сказалъ Гамзало и зарычалъ что-то непонятное. Гамзало понялъ, для чего Хаджи-Муратъ велѣлъ зарядить ружья. Онъ съ самаго начала

и что дальше, то сильнѣе желалъ только одного: побить, порѣзать, сколько можно, русскихъ собакъ и бѣжать въ горы. И теперь онъ видѣлъ, что этого самаго хочетъ и Хаджи-Муратъ, и былъ доволенъ.

Когда Хаджи-Муратъ ушелъ, Гамзало разбудилъ товарищей, и всѣ четверо всю ночь пересматривали винтовки, пистолеты, заправки, кремни, перемѣняли плохіе, подсыпали на полки свѣжаго пороху, затыкали хозыри съ отмѣренными зарядами пороха пулями въ обернутыя масляныя тряпки, точили шашки и кинжалы и мазали клинки саломъ [1]).

Передъ разсвѣтомъ Хаджи-Муратъ опять вышелъ въ сѣни, чтобы взять воды для омовенія. Въ сѣняхъ еще громче и чище, чѣмъ съ вечера, слышны были заливавшіеся передъ свѣтомъ соловьи. Въ комнатѣ же нукеровъ слышно было равномѣрное шипѣніе и свистѣніе желѣза по камню оттачиваемаго кинжала. Хаджи-Муратъ зачерпнулъ воды изъ кадки и подошелъ уже къ своей двери, когда услыхалъ въ комнатѣ мюридовъ, кромѣ звука точенія, еще и тонкій голосъ Ханефи, пѣвшаго знакомую Хаджи-Мурату пѣсню. Хаджи-Муратъ остановился и сталъ слушать.

Въ пѣснѣ говорилось о томъ, какъ джигитъ Гамзатъ угналъ съ своими молодцами съ русской стороны табунъ бѣлыхъ коней, какъ потомъ ихъ настигъ за Терекомъ русскій князь, и какъ онъ окружилъ его своимъ, какъ лѣсъ, большимъ войскомъ. Потомъ пѣлось о томъ, какъ Гамзатъ порѣзалъ лошадей и съ молодцами своими засѣлъ за кровавымъ заваломъ убитыхъ коней и бился съ русскими до тѣхъ поръ, пока были пули въ ружьяхъ и кинжалы на поясахъ и кровь въ жилахъ. Но прежде, чѣмъ умереть, Гамзатъ увидалъ птицъ на небѣ и закричалъ имъ: «Вы, перелетныя птицы, летите въ наши дома и скажите нашимъ сестрамъ, матерямъ и бѣлымъ дѣвушкамъ, что умерли мы всѣ за хазаватъ. Скажите имъ, что не будутъ наши тѣла лежать въ могилахъ, а растаскаютъ и оглодаютъ наши кости жадные волки и выклюютъ глаза намъ черные вороны».

Этими словами кончалась пѣсня, и къ этимъ послѣднимъ словамъ, пропѣтымъ заунывнымъ напѣвомъ, присоединился бодрый голосъ веселаго Ханъ-Магомы, который при самомъ концѣ пѣсни

---

[1]) См. примѣчаніе 12-е.

громко закричалъ: «Ля илляхъ иль Алла» и пронзительно завизжалъ. Потомъ все затихло, и опять слышалось только соловьиное чмоканье и свистъ изъ сада и равномѣрное шипѣнье и изрѣдка свистѣнье быстро скользящаго по камнямъ желѣза изъ-за двери.

Хаджи-Муратъ такъ задумался, что не замѣтилъ, какъ нагнулъ кувшинъ, и вода лилась изъ него. Онъ покачалъ на себя головой и вошелъ въ свою комнату. Совершивъ утренній намазъ, Хаджи-Муратъ, осмотрѣвъ свое оружіе, сѣлъ на свою постель. Дѣлать было больше нечего. Для того, чтобы выѣхать, надо было спроситься у пристава. А на дворѣ еще было темно, и приставъ спалъ.

Пѣсня Ханефи напомнила ему другую пѣсню, сложенную его матерью. Пѣсня эта разсказывала то, что дѣйствительно было,— было тогда, когда Хаджи-Муратъ только что родился, но про то, что ему разсказывала его мать.

Пѣсня была такая:

«Булатный кинжалъ твой прорвалъ мое бѣлое тѣло, но я приложила мое солнышко, моего мальчика, къ моей ранѣ, омыла его своей горячей кровью, и рана зажила безъ травъ и кореньевъ, и мальчикъ выросъ джигитомъ».

Слова этой пѣсни обращены были къ отцу Хаджи-Мурата, и смыслъ пѣсни былъ тотъ, что когда родился Хаджи-Муратъ, ханша родила тоже своего другого сына, Умма-Хана, и потребовала къ себѣ въ кормилицы мать Хаджи-Мурата, выкормившую старшаго ея сына, Абунунцалъ-Хана. Но Патиматъ не захотѣла оставить этого сына и сказала, что не пойдетъ. Отецъ Хаджи-Мурата разсердился и приказывалъ. Когда же она опять отказалась, ударилъ ее кинжаломъ и убилъ бы ее, если бы ее не отняли. Такъ она и не отдала его и выкормила, и на это дѣло сложила пѣсню.

Хаджи-Муратъ вспомнилъ свою мать, когда она, укладывая его спать съ собой рядомъ, подъ шубой, на крышѣ сакли, пѣла ему эту пѣсню, и онъ просилъ ее показать ему то мѣсто на боку, гдѣ остался слѣдъ отъ раны. Какъ живую, онъ видѣлъ передъ собой свою мать—не такой сморщенной, сѣдой, съ рѣшеткой зубовъ, какой онъ оставилъ ее теперь, а молодой, красивой, такой сильной, что она, когда ему было уже лѣтъ пять, и онъ былъ тяжелый, носила его за спиной въ корзинѣ черезъ горы къ дѣду.

И вспомнился ему морщинистый, съ сѣдой бородкой, дѣдъ, какъ онъ чеканилъ серебро своими жилистыми руками и заста-

влялъ внука говорить молитвы. Вспомнился фонтанъ подъ горою, куда онъ, держась за шаровары матери, ходилъ съ ней за водой. Вспомнилась худая собака, лизавшая его въ лицо, и особенно запахъ дыма и кислаго молока, когда онъ шелъ съ матерью въ сарай, гдѣ она доила коровъ и топила молоко. Вспомнилось, какъ въ первый разъ обрили ему голову, и какъ въ блестящемъ мѣдномъ тазу, висѣвшемъ на стѣнѣ, съ удивленіемъ увидѣлъ свою круглую синѣющую голову.

И, вспомнивъ себя маленькимъ, онъ вспомнилъ и о любимомъ сынѣ Юсуфѣ, которому онъ самъ въ первый разъ обрилъ голову. Теперь ужъ этотъ Юсуфъ былъ молодой красавецъ-джигитъ. Онъ вспомнилъ сына такимъ, какимъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Это было въ тотъ день, какъ онъ выѣзжалъ изъ Цельмеса. Сынъ подалъ ему коня и попросилъ позволенія проводить его. Онъ былъ одѣтъ и вооруженъ и держалъ въ поводу свою лошадь. Румяное, молодое, красивое лицо Юсуфа и вся высокая, тонкая фигура его (онъ былъ выше отца) дышала отвагой, молодостью и радостью жизни. Широкія, несмотря на молодость, плечи, очень широкій, юношескій тазъ и тонкій, длинный станъ, длинныя, сильныя руки и сила, гибкость, ловкость во всѣхъ движеніяхъ всегда радовали отца, и онъ всегда любовался сыномъ.

— Лучше оставайся. Ты одинъ теперь въ домѣ. Береги и мать и бабку, — сказалъ Хаджи-Муратъ.

И Хаджи-Муратъ помнилъ то выраженье молодечества и гордости, съ которымъ покраснѣлъ отъ удовольствія Юсуфъ, сказавъ, что пока онъ живъ, никто не сдѣлаетъ худого его матери и бабкѣ. Юсуфъ все-таки сѣлъ верхомъ и проводилъ отца до ручья. Отъ ручья онъ вернулся назадъ, и съ тѣхъ поръ Хаджи-Муратъ уже не видалъ ни жены, ни матери, ни сына.

И вотъ этого-то сына хотѣлъ ослѣпить Шамиль! О томъ, что сдѣлаютъ съ его женой, онъ не хотѣлъ и думать.

Мысли эти такъ взволновали Хаджи-Мурата, что онъ не могъ болѣе сидѣть. Онъ вскочилъ и, хромая, быстро подошелъ къ двери и, отворивъ ее, кликнулъ Элдара. Солнце еще не всходило, но было совсѣмъ свѣтло. Соловьи не замолкали.

— Поди, скажи приставу, что я желаю ѣхать на прогулку, и сѣдлайте коней, — сказалъ онъ.

XXIV.

Единственнымъ утѣшеніемъ Бутлера была все это время воинственная поэзія, которой онъ предавался не только на службѣ, но и въ частной жизни. Онъ, одѣтый въ черкесскій костюмъ, джигитовалъ верхомъ и ходилъ два раза въ засаду съ Богдановичемъ, хотя въ оба эти раза они никого не подкараулили и никого не убили. Эта близость и дружба съ извѣстнымъ храбрецомъ Богдановичемъ казалась Бутлеру чѣмъ-то пріятнымъ и важнымъ. Долгъ свой онъ уплатилъ, занявъ деньги у еврея на огромные проценты, т.-е. только отсрочилъ и отдалилъ не разрѣшенное положеніе. Онъ старался не думать о своемъ положеніи и, кромѣ воинственной поэзіи, старался забыться еще виномъ. Онъ пилъ все больше и больше и изо дня въ день все больше и больше нравственно слабѣлъ. Онъ уже теперь не былъ прекраснымъ Іосифомъ по отношенію къ Марьѣ Дмитріевнѣ, а, напротивъ, сталъ грубо ухаживать за ней, но, къ удивленію своему, встрѣтилъ рѣшительный, сильный отпоръ, пристыдившій его.

Въ концѣ апрѣля въ укрѣпленіе пришелъ отрядъ, который Барятинскій предназначалъ для новаго движенія черезъ всю считавшуюся непроходимой Чечню. Тутъ были двѣ роты Кабардинскаго полка, и роты эти, по установившемуся на Кавказѣ обычаю, были приняты какъ гости ротами, стоящими въ Куринскомъ. Солдаты разобрались по казармамъ и угащивались не только ужиномъ, кашей, говядиной, но и водкой, и офицеры размѣстились по офицерамъ. И какъ и водилось, здѣшніе офицеры угащивали пришедшихъ.

Угощеніе кончилось попойкой съ пѣсенниками, и Иванъ Матвѣевичъ, очень пьяный, уже не красный, но блѣдно-сѣрый, сидѣлъ верхомъ на стулѣ и, выхвативъ шашку, рубилъ ею воображаемыхъ враговъ и то ругался, то хохоталъ, то обнимался, то плясалъ подъ любимую свою пѣсню: «Шамиль началъ бунтоваться въ прошедшіе годы, трай-рай-рататай, въ прошедшіе годы». Бутлеръ былъ тутъ же. Онъ старался видѣть и въ этомъ военную поэзію, но въ глубинѣ души ему жалко было Ивана Матвѣевича, но остановить его не было никакой возможности. И Бутлеръ, чувствуя хмель въ головѣ, потихоньку вышелъ и пошелъ домой.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на бѣлые домики и на камни дороги. Было свѣтло такъ, что всякій камушекъ, соломинка, пометъ были видны на дорогѣ. Подходя къ дому, Бутлеръ встрѣтилъ Марью Дмитріевну, въ платкѣ, покрывавшемъ ей голову и шею. Послѣ отпора, даннаго Марьей Дмитріевной Бутлеру, онъ, немного совѣстясь, избѣгалъ встрѣчи съ нею. Теперь же, при лунномъ свѣтѣ и отъ выпитаго вина, Бутлеръ обрадовался этой встрѣчѣ и хотѣлъ опять приласкаться къ ней.

— Вы куда? — спросилъ онъ.

— Да своего старика провѣдать, — дружелюбно отвѣчала она. Она совершенно искренно и рѣшительно отвергала ухаживаніе Бутлера, но ей непріятно было, что онъ все послѣднее время сторонился ея.

— Что же его провѣдывать, придетъ.

— Да придетъ ли?

— А не придетъ — принесутъ.

— То-то, нехорошо вѣдь это. Такъ не ходить? — сказала Марья Дмитріевна.

— Нѣтъ, не ходите. А пойдемъ лучше домой.

Марья Дмитріевна повернулась и пошла рядомъ съ Бутлеромъ. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что около тѣни, двигавшейся подлѣ дороги, двигалось сіяніе вокругъ головы. Бутлеръ смотрѣлъ на это сіяніе и собирался сказать ей, что она все такъ же нравится ему, но не зналъ, какъ начать. Она ждала, что̀ онъ скажетъ. Такъ молча они совсѣмъ ужъ подходили къ дому, когда изъ-за угла выѣхали верховые. Ѣхалъ офицеръ съ конвоемъ.

— Это кого Богъ несетъ? — сказала Марья Дмитріевна и посторонилась.

Мѣсяцъ свѣтилъ взадъ пріѣзжему, такъ что Марья Дмитріевна узнала его только тогда, когда онъ почти поровнялся съ ними. Это былъ офицеръ Каменевъ, служившій прежде вмѣстѣ съ Иваномъ Матвѣевичемъ, и потому Марья Дмитріевна знала его.

— Петръ Николаевичъ, вы? — обратилась къ нему Марья Дмитріевна.

— Я самый, — сказалъ Каменевъ. — А, Бутлеръ, здравствуйте. Не спите еще, гуляете съ Марьей Дмитріевной? Смотрите, Иванъ Матвѣевичъ вамъ задастъ. Гдѣ онъ?

— А вотъ слышите, — сказала Марья Дмитріевна, указывая въ ту сторону, откуда неслись звуки музыки тулумбаса и пѣсни.— Кутятъ.

— Это что же, ваши кутятъ?

— Нѣтъ, пришли изъ Хасавъ-Юрта, вотъ и угощаются.

— А, это хорошее дѣло. И я поспѣю. Я къ нему вѣдь только на минуту.

— Что же, дѣло есть? — спросилъ Бутлеръ.

— Есть маленькое дѣльце.

— Хорошее или дурное?

— Кому какъ. Для насъ хорошее, кое для кого скверное.

И Каменевъ засмѣялся.

Въ это время и пѣшіе и Каменевъ подошли къ дому Ивана Матвѣевича.

— Чихиревъ, — крикнулъ Каменевъ казаку, — подъѣзжай-ка.

Донской казакъ выдвинулся изъ остальныхъ и подъѣхалъ. Казакъ былъ въ обыкновенной донской формѣ, въ сапогахъ, шинели и [съ] переметными сумами за сѣдломъ.

— Ну, достань-ка штуку, — сказалъ Каменевъ, слѣзая съ лошади.

Казакъ тоже слѣзъ съ лошади и досталъ изъ переметной сумы мѣшокъ съ чѣмъ-то. Каменевъ взялъ изъ рукъ казака мѣшокъ и опустилъ въ него руку.

— Такъ показать вамъ новость? Вы не испугайтесь, — обратился онъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Чего же бояться, — сказала Марья Дмитріевна.

— Вотъ она, — сказалъ Каменевъ, доставая человѣческую голову и выставляя ее на свѣтъ мѣсяца. — Узнаете?

Это была голова бритая, съ выступами черепа надъ глазами и черной стриженой бородкой и подстриженными усами, съ однимъ открытымъ, другимъ полуоткрытымъ глазомъ, съ окровавленнымъ, разрубленнымъ и недорубленнымъ бритымъ черепомъ, съ запекшейся черной кровью въ носу. Шея была замотана окровавленнымъ полотенцемъ. Несмотря на всѣ раны головы, въ складѣ посинѣвшихъ губъ было дѣтское, доброе выраженіе.

Марья Дмитріевна посмотрѣла и, ничего не сказавъ, повернулась и быстрыми шагами ушла въ домъ.

Бутлеръ не могъ отвести глазъ отъ страшной головы. Это была голова того самаго Хаджи-Мурата, съ которымъ онъ такъ недавно проводилъ вечера въ такихъ дружескихъ бесѣдахъ.

— Какъ же это? Кто его убилъ? гдѣ? — спросилъ онъ.

— Удрать хотѣлъ, поймали, — сказалъ Каменевъ и отдалъ голову казаку и самъ вошелъ въ домъ вмѣстѣ съ Бутлеромъ.

— И молодцомъ умеръ, — сказалъ Каменевъ.

— Да какъ же это все случилось?

— А вотъ погодите, Иванъ Матвѣевичъ придетъ, я все подробно разскажу. Вѣдь я затѣмъ посланъ. Развожу по всѣмъ укрѣпленіямъ и ауламъ и показываю.

Было послано за Иваномъ Матвѣевичемъ, и онъ, пьяный, съ двумя также сильно выпившими офицерами, вернулся въ домъ и принялся обнимать Каменева.

— А я вамъ, — сказалъ Каменевъ, — Хаджи-Мурата голову привезъ.

— Врешь? Убили?

— Да, бѣжать хотѣлъ.

— Я говорилъ, что надуетъ. Такъ гдѣ же она, голова-то? Покажи-ка.

Крикнули казака, и онъ внесъ мѣшокъ съ головой. Голову вынули, и Иванъ Матвѣевичъ пьяными глазами долго смотрѣлъ на нее.

— А все-таки молодчина былъ, — сказалъ онъ. — Дай, я его поцѣлую.

— Да, правда, лихая была голова, — сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

Когда всѣ осмотрѣли голову, ее отдали опять казаку. Казакъ положилъ ее въ мѣшокъ, стараясь опустить на полъ такъ, чтобы она какъ можно слабѣе стукнула.

— А что жъ ты, Каменевъ, приговариваешь что, когда показываешь? — говорилъ одинъ офицеръ.

— Нѣтъ, дай я его поцѣлую, онъ мнѣ шашку подарилъ, — кричалъ Иванъ Матвѣевичъ.

Бутлеръ вышелъ на крыльцо. Марья Дмитріевна сидѣла на второй ступенькѣ. Она оглянулась на Бутлера и тотчасъ сердито отвернулась.

— Чего вы, Марья Дмитріевна? — спросилъ Бутлеръ.

— Всѣ вы живорѣзы, терпѣть не могу, живорѣзы, право, — сказала она, вставая.

— То же со всѣми можетъ быть,— сказалъ Бутлеръ, не зная, что говорить.— На то война.

— Война? Какая война? Живорѣзы,—вотъ и все. Мертвое тѣло землѣ предать надо, а они зубоскалятъ. Живорѣзы, право,— повторила она и сошла съ крыльца и ушла въ домъ черезъ задній ходъ.

Бутлеръ вернулся въ горницу и попросилъ Каменева разсказать подробнѣе, какъ было все дѣло.

И Каменевъ разсказалъ.

Дѣло было вотъ какъ.

XXV.

Хаджи-Мурату было разрѣшено кататься верхомъ вблизи города и непремѣнно съ конвоемъ казаковъ. Казаковъ всѣхъ въ Нухѣ была полусотня, изъ которыхъ разобрано было по начальству человѣкъ десять, остальныхъ же, если ихъ посылать, какъ было приказано, по десять человѣкъ, приходилось наряжать черезъ день. И потому въ первый день послали десять казаковъ, а потомъ рѣшили посылать по пяти человѣкъ, прося Хаджи-Мурата не брать съ собой всѣхъ своихъ нукеровъ.

Но 25-го апрѣля Хаджи-Муратъ выѣхалъ на прогулку со всѣми пятью. Въ то время, какъ Хаджи-Муратъ садился на лошадь, воинскій начальникъ замѣтилъ, что всѣ пять нукеровъ собирались ѣхать съ Хаджи-Муратомъ, и сказалъ ему, что ему не позволено брать съ собой всѣхъ, но Хаджи-Муратъ какъ будто не слыхалъ, тронулъ лошадь, и воинскій начальникъ не сталъ настаивать. Съ казаками былъ урядникъ, георгіевскій кавалеръ, въ скобку стриженый, молодой, кровь съ молокомъ, здоровый русый малый Назаровъ. Онъ былъ старшій въ бѣдной старообрядческой семьѣ, выросшій безъ отца и кормившій старую мать съ тремя дочерьми и двумя братьями.

— Смотри, Назаровъ, не пускай далеко, — крикнулъ воинскій начальникъ.

— Слушаю, ваше благородіе, — отвѣтилъ Назаровъ и, поднимаясь на стременахъ, тронулъ рысью, придерживая за плечомъ

винтовку, своего добраго, крупнаго рыжаго мерина. Четыре казака ѣхали за нимъ: Ферапонтовъ, длинный, худой, первый воръ и добычникъ,—тотъ самый, который продалъ порохъ Гамзалѣ; Игнатовъ, отслуживающій срокъ, немолодой человѣкъ, здоровый мужикъ, хваставшійся своей силой; Мишкинъ, слабосильный малолѣтокъ, надъ которымъ всѣ смѣялись, и Петраковъ, молодой, бѣлокурый, единственный сынъ у матери, всегда ласковый и веселый.

Съ утра былъ туманъ, но къ завтраку погода разгулялась, и солнце блестѣло и на только-что распустившейся листвѣ, и на молодой, дѣвственной травѣ, и на всходахъ хлѣбовъ, и на ряби быстрой рѣки, виднѣвшейся налѣво отъ дороги. Хаджи-Муратъ ѣхалъ шагомъ; казаки и его нукеры, не отставая, слѣдовали за нимъ. Выѣхали шагомъ по дорогѣ за крѣпостью. Встрѣчались женщины съ корзинами на головахъ, солдаты на повозкахъ и скрипящія арбы на буйволахъ. Отъѣхавъ версты двѣ, Хаджи-Муратъ тронулъ своего бѣлаго кабардинца; онъ пошелъ проѣздомъ такъ, что его нукеры шли большой рысью. Такъ же ѣхали и казаки.

— Эхъ, лошадь добра подъ нимъ, — сказалъ Ферапонтовъ.— Кабы въ ту пору, какъ онъ не мирной былъ, ссадилъ бы его.

— Да, братъ, за эту лошадку триста рублей давали въ Тифлисѣ.

— А я на своемъ перегоню, — сказалъ Назаровъ.

— Какъ же, перегонишь, — сказалъ Ферапонтовъ.

Хаджи-Муратъ все прибавлялъ хода.

— Эй, кунакъ, нельзя такъ. Потише! — прокричалъ Назаровъ, догоняя Хаджи-Мурата.

Хаджи-Муратъ оглянулся и, ничего не сказавъ, продолжалъ ѣхать тѣмъ же проѣздомъ, не уменьшая хода.

— Смотри, задумали что, черти, — сказалъ Игнатовъ. — Вишь, лупятъ.

Такъ прошли съ версту по направленію къ горамъ.

— Я говорю, нельзя! — закричалъ опять Назаровъ.

Хаджи-Муратъ не отвѣчалъ и не оглядывался, только еще прибавлялъ хода и съ проѣзда перешелъ на скокъ.

— Врешь, не уйдешь!—крикнулъ Назаровъ, задѣтый за живое.

Онъ ударилъ плетью своего крупнаго рыжаго мерина и, привставъ на стременахъ и нагнувшись впередъ, пустилъ его во весь махъ за Хаджи-Муратомъ.

Небо было такъ ясно, воздухъ такъ свѣжъ, силы жизни такъ радостно играли въ душѣ Назарова, когда онъ, слившись въ одно существо съ доброю, сильною лошадью, летѣлъ по ровной дорогѣ за Хаджи-Муратомъ, что ему и въ голову не приходила возможность чего-либо печальнаго или страшнаго. Онъ радовался, что съ каждымъ скокомъ напиралъ на Хаджи-Мурата и приближался къ нему. Хаджи-Муратъ сообразилъ по топоту приближающейся къ нему крупной лошади казака, что онъ накороткѣ долженъ настигнуть его, и, взявшись правой рукой за пистолетъ, лѣвой сталъ слегка сдерживать своего разгорячившагося и слышавшаго за собой лошадиный топотъ кабардинца.

— Нельзя, говорю! — крикнулъ Назаровъ, почти ровняясь съ Хаджи-Муратомъ и протягивая руку, чтобы схватить за поводъ его лошадь. Но не успѣлъ онъ схватиться за поводъ, какъ раздался выстрѣлъ.

— Что же это ты дѣлаешь? — закричалъ Назаровъ и схватился за грудь.

— Бей ихъ, ребята, — проговорилъ онъ и шатаясь повалился на луку сѣдла.

Но горцы прежде казаковъ взялись за оружіе и били казаковъ изъ пистолетовъ и рубили ихъ шашками. Назаровъ висѣлъ на шеѣ носившей его вокругъ товарищей лошади. Подъ Игнатовымъ упала лошадь, придавивъ ему ногу. Двое горцевъ, выхвативъ шашки, не слѣзая, полосовали его по головѣ и рукамъ. Петраковъ бросился было къ товарищу, но тутъ же два выстрѣла, одинъ въ спину, другой въ бокъ, сожгли его, и онъ, какъ мѣшокъ, кувыркнулся съ лошади.

Мишкинъ повернулъ лошадь назадъ и поскакалъ къ крѣпости. Ханефи съ Ханъ-Магомой бросились за нимъ, но онъ былъ уже далеко впереди, и горцы не могли догнать его.

Увидавъ, что они не могутъ догнать казака, Ханефи съ Ханъ-Магомой вернулись къ своимъ. Гамзало, добивъ кинжаломъ Игнатова, прирѣзалъ и Назарова, сваливъ его съ лошади. Ханъ-Магома снималъ съ убитыхъ сумки съ патронами. Ханефи хотѣлъ взять лошадь Назарова, но Хаджи-Муратъ крикнулъ ему, что не надо, и пустился впередъ по дорогѣ. Мюриды его поскакали за нимъ, отгоняя отъ себя бѣжавшую за ними лошадь Назарова. Они были уже версты за три отъ Нухи среди рисовыхъ полей, когда раздался выстрѣлъ съ башни, означавшій тревогу.

Петраковъ лежалъ навзничь съ взрѣзаннымъ животомъ, и его молодое лицо было обращено къ небу, и онъ, какъ рыба, всхлипывая, умиралъ.

— Батюшки, отцы мои родные, что надѣлали! — вскрикнулъ схватившійся за голову начальникъ крѣпости, когда узналъ о побѣгѣ Хаджи-Мурата. — Голову сняли. Упустили, разбойники! — кричалъ онъ, слушая донесеніе Мишкина.

Тревога была дана вездѣ, и не только всѣ бывшіе въ наличности казаки были посланы за бѣжавшими, но собраны были и всѣ, какихъ можно было собрать, милиціонеры изъ мирныхъ ауловъ. Объявлено было тысячу рублей награды тому, кто привезетъ живого или мертваго Хаджи-Мурата. И черезъ два часа послѣ того, какъ Хаджи-Муратъ съ товарищами ускакали отъ казаковъ, больше двухсотъ человѣкъ конныхъ скакали за приставомъ отыскивать и ловить бѣжавшихъ.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ по большой дорогѣ, Хаджи-Муратъ сдержалъ своего тяжело дышавшаго и посѣрѣвшаго отъ пота бѣлаго коня и остановился. Вправо отъ дороги виднѣлись сакли и минаретъ аула Беларджикъ, налѣво были поля, и въ концѣ ихъ виднѣлась рѣка. Несмотря на то, что путь въ горы лежалъ направо, Хаджи-Муратъ повернулъ въ противоположную сторону, влѣво, разсчитывая на то, что погоня бросится за нимъ именно направо. Онъ же, безъ дороги переправясь черезъ Алазань, выѣдетъ на большую дорогу, гдѣ его никто не будетъ ожидать, и проѣдетъ по ней до лѣса и тогда уже, вновь переѣхавъ черезъ рѣку, проберется въ горы. Рѣшивъ это, онъ повернулъ влѣво. Но доѣхать до рѣки оказалось невозможнымъ. Рисовое поле, черезъ которое надо было ѣхать, какъ это всегда дѣлается весной, было только-что залито водой и превратилось въ трясину, въ которой выше бабки вязли лошади. Хаджи-Муратъ и его нукеры брали направо, налѣво, думая, что найдутъ болѣе сухое мѣсто, но то поле, на которое они попали, было все равномѣрно залито и теперь пропитано водой. Лошади съ звукомъ хлопанія пробки вытаскивали утопающія ноги въ вязкой грязи и, пройдя нѣсколько шаговъ, тяжело дыша, останавливались.

Такъ они бились такъ долго, что начало смеркаться, а они все еще не доѣхали до рѣки. Влѣво былъ островокъ распустившихся кустовъ, и Хаджи-Муратъ рѣшилъ въѣхать въ эти кусты и тамъ, давъ отдыхъ измученнымъ лошадямъ, пробыть до ночи. Въѣхавъ въ кусты, Хаджи-Муратъ и его нукеры слѣзли съ лошадей и, стреноживъ ихъ, пустили кормиться, сами же поѣли взятаго съ собой хлѣба и сыра. Молодой мѣсяцъ, свѣтившій сначала, зашелъ за горы, и ночь была темная. Соловьевъ въ Нухѣ было особенно много. Два было и въ этихъ кустахъ. Пока Хаджи-Муратъ съ своими людьми шумѣлъ, въѣзжая въ кусты, соловьи замолкли. Но когда затихли люди, они опять защелкали, перекликаясь. Хаджи-Муратъ, прислушиваясь къ звукамъ ночи, невольно слушалъ ихъ.

И ихъ свистъ напомнилъ ему ту пѣсню о Гамзатѣ, которую онъ слушалъ нынче ночью, когда выходилъ за водой. Онъ всякую минуту теперь могъ быть въ томъ же положеніи, въ которомъ былъ Гамзатъ. Ему подумалось, что это такъ и будетъ, и ему вдругъ стало серьезно на душѣ. Онъ разостлалъ бурку и совершилъ намазъ. И едва только окончилъ его, какъ послышались приближающіеся къ кустамъ звуки. Это были звуки большого количества лошадиныхъ ногъ, шлепавшихъ по трясинѣ. Быстроглазый Ханъ-Магома, выбѣжавъ на одинъ край кустовъ, высмотрѣлъ въ темнотѣ черныя тѣни конныхъ и пѣшихъ. Ханефи увидалъ такую же толпу съ другой стороны. Это былъ Каргановъ, уѣздный воинскій начальникъ, съ своими милиціонерами.

«Что жъ, будемъ биться, какъ Гамзатъ», подумалъ Хаджи-Муратъ.

Послѣ того, какъ дана была тревога, Каргановъ съ сотней милиціонеровъ и казаковъ бросился въ догоню Хаджи-Мурата, но нигдѣ не нашелъ ни его ни слѣдовъ его. Каргановъ уже возвращался безнадежно домой, когда передъ вечеромъ ему встрѣтился старикъ. Каргановъ спросилъ у старика, не видалъ ли онъ конныхъ. Старикъ отвѣчалъ, что видѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ шесть конныхъ кружились по рисовому полю и въѣхали въ кусты, въ которыхъ онъ собиралъ дрова. Каргановъ, захвативъ съ собою старика, вернулся назадъ и, по виду стреноженныхъ лошадей увѣрившись, что Хаджи-Муратъ тутъ, ночью уже окружилъ кусты и сталъ дожидаться утра, чтобы взять Хаджи-Мурата, живого или мертваго.

Понявъ, что онъ окруженъ, Хаджи-Муратъ, высмотрѣвъ въ серединѣ кустовъ старую канаву, рѣшилъ засѣсть въ ней и отбиваться, пока будутъ заряды и силы. Онъ сказалъ это своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ дѣлать завалъ на канавѣ. И нукеры тотчасъ же взялись рубить вѣтки, копать кинжалами землю и дѣлать насыпь. Хаджи-Муратъ работалъ вмѣстѣ съ ними.

Какъ только стало свѣтать, такъ къ кустамъ близко подъѣхалъ сотенный командиръ милиціи и закричалъ:

— Эй, Хаджи-Муратъ, сдавайся! Насъ много, а васъ мало.

Въ отвѣтъ на это изъ канавы показался дымокъ, щелкнула винтовка, и пуля попала въ лошадь милиціонера, которая шарахнулась подъ нимъ и стала падать. Вслѣдъ за этимъ затрещали винтовки милиціонеровъ, стоявшихъ на опушкѣ кустовъ, и пули ихъ, свистя и жужжа, обивали листья и сучья и попадали въ завалъ, но не попадали въ людей, сидѣвшихъ за заваломъ. Только одна отбившаяся лошадь Гамзалы была подбита ими. Лошадь была ранена въ голову. Она не упала, но, разорвавъ треногу, треща по кустамъ, бросилась къ другимъ лошадямъ и прижалась къ нимъ, поливая кровью молодую траву. Хаджи-Муратъ и его люди стрѣляли только тогда, когда кто-либо изъ милиціонеровъ выдавался впередъ, и рѣдко миновали цѣли. Три человѣка изъ милиціонеровъ были ранены, и [остальные] не только не рѣшались броситься на Хаджи-Мурата и его людей, но все болѣе отдалялись отъ нихъ и стрѣляли только издалека, наобумъ.

Такъ продолжалось болѣе часа. Солнце вошло въ полдерева, и Хаджи-Муратъ уже думалъ сѣсть на лошадей и попытаться пробиться къ рѣкѣ, когда послышались крики вновь прибывшей большой партіи. Это былъ Хаджи-Ага мехтулинскій съ своими людьми. Ихъ было человѣкъ двѣсти. Хаджи-Ага былъ когда-то кунакъ Хаджи-Мурата и жилъ съ нимъ въ горахъ, но потомъ перешелъ къ русскимъ. Съ ними же былъ Ахметъ-Ханъ, сынъ врага Хаджи-Мурата. Хаджи-Ага такъ же, какъ Каргановъ, началъ съ того, что закричалъ Хаджи-Мурату, чтобы онъ сдавался, но такъ же, какъ и въ первый разъ, Хаджи-Муратъ отвѣтилъ выстрѣломъ.

— Въ шашки, ребята! — крикнулъ Хаджи-Ага, выхвативъ свою, и послышались сотни голосовъ людей, съ визгомъ бросившихся въ кусты.

Милиціонеры вбѣжали въ кусты, но изъ-за завала затрещало одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ. Человѣка три упали, и нападавшіе остановились на опушкѣ кустовъ и тоже стали стрѣлять. Они стрѣляли, вмѣстѣ съ тѣмъ понемногу приближались къ завалу, перебѣгая отъ куста къ кусту. Нѣкоторые успѣвали перебѣгать, нѣкоторые попадали подъ пули Хаджи-Мурата и его людей. Хаджи-Муратъ билъ безъ промаха, точно такъ же рѣдко выпускалъ выстрѣлъ задаромъ Гамзало и всякій разъ радостно визжалъ, когда видѣлъ, что пули его попадали. Курбанъ сидѣлъ съ краю канавы и пѣлъ: «Ля илляхъ иль Алла» и не торопясь стрѣлялъ, но попадалъ рѣдко. Элдаръ же дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ нетерпѣнія броситься на враговъ съ кинжаломъ и стрѣлялъ часто и какъ попало, безпрестанно оглядываясь на Хаджи-Мурата и высовываясь изъ-за завала. Волосатый Ханефи съ засученными рукавами и тутъ исполнялъ должность слуги. Онъ заряжалъ ружья, которыя ему передавали Хаджи-Муратъ и Курбанъ, старательно загоняя желѣзнымъ шомполомъ обернутыя въ намасленые хлюсты пульки и подсыпая изъ натруски сухой порохъ на полки. Ханъ-Магома же не сидѣлъ, какъ другіе, въ канавѣ, а перебѣгалъ изъ канавы къ лошадямъ, загоняя ихъ въ болѣе безопасное мѣсто, и не переставая визжалъ и стрѣлялъ съ руки, безъ подсошекъ. Его перваго ранили. Пуля попала ему въ шею, и онъ сѣлъ назадъ, плюя кровью и ругаясь. Потомъ раненъ былъ Хаджи-Муратъ. Пуля пробила ему плечо. Хаджи-Муратъ вырвалъ вату изъ бешмета, заткнулъ себѣ рану и продолжалъ стрѣлять.

— Бросимся въ шашки, — въ третій разъ говорилъ Элдаръ.

Онъ высунулся изъ-за завала, готовый броситься на враговъ, но въ ту же минуту пуля ударила въ него, и онъ зашатался и упалъ навзничь, на ногу Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ взглянулъ на него. Бараньи, прекрасные глаза пристально и серьезно смотрѣли на Хаджи-Мурата. Ротъ, съ выдающеюся, какъ у дѣтей, верхней губой дергался не раскрываясь. Хаджи-Муратъ выпросталъ изъ-подъ него ногу и продолжалъ цѣлиться. Ханефи нагнулся надъ убитымъ Элдаромъ и сталъ выбирать не разстрѣлянные заряды изъ его черкески. Курбанъ между тѣмъ все пѣлъ, медленно заряжая и цѣлясь.

Враги, перебѣгая отъ куста къ кусту съ гиканьемъ и визгомъ, все ближе и ближе придвигались. Еще пуля попала Хаджи-Мурату

въ лѣвый бокъ. Онъ легъ въ канаву и опять, вырвавъ изъ бешмета кусокъ ваты, заткнулъ рану. Рана въ бокъ была смертельна, и онъ чувствовалъ, что умираетъ. Воспоминанія и образы съ необыкновенной быстротой смѣнялись въ его воображеніи одно другимъ. То онъ видѣлъ передъ собой силача Абунунцалъ-Хана, какъ онъ, придерживая рукою отрубленную, висящую щеку, съ кинжаломъ въ рукѣ бросился на врага; то видѣлъ слабаго, безкровнаго старика Воронцова съ его хитрымъ бѣлымъ лицомъ и слышалъ его мягкій голосъ; то видѣлъ сына Юсуфа, то жену Софіатъ, то блѣдное, съ рыжей бородой и прищуренными глазами лицо врага своего Шамиля.

И всѣ эти воспоминанія пробѣгали въ его воображеніи, не вызывая въ немъ никакого чувства, ни жалости, ни злобы, ни какого-либо желанія. Все это казалось такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что начиналось и уже началось для него. А между тѣмъ его сильное тѣло продолжало дѣлать начатое. Онъ собралъ послѣднія силы, поднялся изъ-за завала и выстрѣлилъ изъ пистолета въ подбѣгавшаго человѣка и попалъ въ него. Человѣкъ упалъ. Потомъ онъ совсѣмъ вылѣзъ изъ канавы и съ кинжаломъ пошелъ прямо, тяжело хромая, навстрѣчу врагамъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, онъ зашатался и упалъ. Нѣсколько человѣкъ милиціонеровъ съ торжествующимъ визгомъ бросились къ упавшему тѣлу Но то, что казалось имъ мертвымъ тѣломъ, вдругъ зашевелилось Сначала поднялась окровавленная, безъ папахи, бритая голова, потомъ туловище и, ухватившись за дерево, онъ поднялся весь. Онъ такъ казался страшенъ, что подбѣгавшіе остановились. Но вдругъ онъ дрогнулъ, отшатнулся отъ дерева и со всего роста, какъ подкошенный репей, упалъ на лицо и уже не двигался.

Онъ не двигался, но еще чувствовалъ. Когда первый подбѣжавшій къ нему Хаджи-Ага ударилъ его большимъ кинжаломъ по головѣ, ему казалось, что его молоткомъ бьютъ по головѣ, и онъ не могъ понять, кто это дѣлаетъ и зачѣмъ. Это было послѣднее сознаніе его связи съ своимъ тѣломъ. Больше онъ уже ничего не чувствовалъ, и враги топтали и рѣзали то, что не имѣло уже ничего общаго съ нимъ. Хаджи-Ага наступилъ ногой на спину тѣла и съ двухъ ударовъ отсѣкъ голову и осторожно, чтобы не запачкать въ кровь чувяки, откатилъ ее ногой. Алая кровь хлынула изъ артерій шеи и черная изъ головы и залила траву.

И Каргановъ, и Хаджи-Ага, и Ахметъ-Ханъ, и всѣ милиціонеры, какъ охотникъ надъ убитымъ звѣремъ, собрались надъ тѣлами Хаджи-Мурата и его людей (Ханефи, Курбана и Гамзалу связали) и, въ пороховомъ дыму стоявшіе въ кустахъ, весело разговаривая, торжествовали свою побѣду.

Соловьи, смолкнувшіе во время стрѣльбы, опять защелкали, сперва одинъ близко и потомъ другіе на дальнемъ концѣ.

Вотъ эту-то смерть и напомнилъ мнѣ раздавленный репей среди вспаханнаго поля.

1896—1898; 1901—1904.

ДВА СПУТНИКА[1].

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

Два человѣка съ котомками на плечахъ шли по пыльной шоссейной дорогѣ, ведущей изъ Москвы въ Тулу. Одинъ, молодой человѣкъ, былъ одѣтъ въ короткій зипунъ и плисовыя шаровары. На глазахъ, подъ мужицкой новой шляпой, у него были надѣты очки. Другой былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, замѣчательной красоты, съ длинной сѣдѣющей бородой, въ монашеской рясѣ, подпоясанной ремнемъ, и въ кругломъ, высокомъ черномъ колпакѣ, которые носятъ служки въ монастыряхъ, надѣтомъ на сѣдѣющіе длинные волосы.

Молодой человѣкъ былъ желтъ, блѣденъ, грязно-пыленъ и, казалось, едва волочилъ ноги; старый человѣкъ шелъ бодро, выпячивая грудь и размахивая руками. Къ красивому лицу его, казалось, не смѣла приставать пыль, и тѣло его не смѣло знать усталости.

Молодой человѣкъ былъ магистръ Московскаго университета, Василій Сергѣевичъ Борзинъ; старый человѣкъ — отставной подпоручикъ, александровскихъ временъ, пѣхотнаго полка, бывшій монахомъ и за неприличное поведеніе выгнанный изъ монастыря, но удержавшій монашеское одѣяніе. Его звали Николай Петровичъ Серповъ.

Вотъ какъ сошлись эти два человѣка. Василій Сергѣевичъ, окончивъ диссертацію и написавъ нѣсколько статей въ московскихъ журналахъ, уѣхалъ въ деревню, какъ онъ говорилъ, окунуться въ рѣку народной жизни и освѣжиться въ струяхъ бытового потока. Пробывъ мѣсяцъ въ деревнѣ въ совершенномъ одиночествѣ, онъ написалъ слѣдующее письмо къ своему литературному другу и редактору журнала:

«Государь мой и другъ Иванъ Финогеичъ, мы не должны и не можемъ предвидѣть и предрѣшать развязку вопроса, разрѣшающагося въ тайникахъ строя бытовой жизни русскаго народа. Необ-

ходимо глубокое изученіе многоразличныхъ сторонъ русскаго духа и его проявленій. Оторванность жизни... Петровскій переворотъ...» и т. д.

Смыслъ и значеніе письма было то, что Василій Сергѣевичъ, проникнувшись строемъ бытовой жизни народа, убѣдился, что задача опредѣленія назначенія русскаго народа глубже и труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и потому для разрѣшенія этой задачи онъ считалъ необходимымъ предпринять путешествіе пѣшкомъ по Россіи и просилъ своего друга подождать уясненіемъ вопроса до окончанія своего путешествія, обѣщая рядомъ длинныхъ статей тогда выяснить все, что онъ узнаетъ.

Написавъ это письмо, Василій Сергѣевичъ занялся матеріальной стороной приготовленій къ путешествію. И какъ ни тяжело это было ему, онъ углубился даже въ подробности наряда, досталъ зипунъ, сапоги съ гвоздями, шляпу и, запершись отъ слугъ, долго глядѣлся въ зеркало. Очки онъ не могъ снять: онъ былъ слишкомъ близорукъ. Другая часть приготовленій состояла въ взятіи денегъ, по крайней мѣрѣ, трехсотъ рублей, на дорогу. Денегъ въ конторѣ не было. Василій Сергѣевичъ позвалъ старосту и конторщика и, найдя въ реестрѣ сто восемьдесятъ четвертей овса, велѣлъ продать ихъ. Но староста замѣтилъ, что овесъ оставленъ на сѣмена. Тогда Василій Сергѣевичъ, просмотрѣвъ графу ржи и найдя тамъ сто шестьдесятъ четвертей ржи, спросилъ, достаточно ли будетъ этой ржи на сѣмена, на что староста отвѣтилъ вопросомъ,—не прикажутъ ли они сѣять старой.

Разговоръ кончился тѣмъ, что староста понялъ, что Василій Сергѣевичъ меньше малаго дитяти знаетъ въ хозяйствѣ, а Василій Сергѣевичъ понялъ, что рожь уже посѣяна, и сѣется обыкновенно изъ новаго урожая, и что потому сто шестьдесятъ четвертей, исключая на мѣсячину десять четвертей, можно продать.

Деньги были получены, и Василій Сергѣевичъ собрался итти на другой день, когда вечеромъ онъ заслышалъ голосъ незнакомый въ лакейской, и къ нему вошелъ старый, отцовскій слуга, Степанъ.

— Николай Петровичъ Серповъ, — сказалъ Степанъ.

— Кто такой—Николай Петровичъ?

— А какъ же, Николай Петровичъ, что къ папашѣ еще ѣздили монахомъ.

— Не помню. Что же онъ?

— Васъ желаютъ видѣть. Кажется, не въ своемъ видѣ.

Въ комнату вошелъ Николай Петровичъ, расшаркался, топнулъ ногой:—Вояжеръ Серповъ...—Пожалъ руку.

— Все невѣжество. Нѣтъ образованія, сколько я ни учу Россію. Россія—дура. Мужикъ—трудолюбецъ, а Россія — дура. Такъ ли, Василій Сергѣевичъ? Я вашего батюшку зналъ. Мы, бывало, съ нимъ сидимъ, онъ и говоритъ: «Этотъ пойдетъ». Вы зачѣмъ въ костюмѣ? Я люблю по-суворовски. Зачѣмъ?

— Я иду путешествовать.

— Я самъ путешествую. Я вояжеръ, я былъ въ Греціи, на Афонѣ; но лучше и праведнѣе мужика не видалъ.

Николай Петровичъ сѣлъ, попросилъ водки и легъ спать. Василій Сергѣевичъ остался въ недоумѣніи. На другой день Николай Петровичъ слушалъ, а такъ [какъ] Василій Сергѣевичъ любилъ говорить, Николай Петровичъ услыхалъ всю теорію Василія Сергѣевича и цѣль его путешествія. Николай Петровичъ одобрилъ все и предложилъ свое товарищество. Василій Сергѣевичъ принялъ отчасти потому, что не могъ отдѣлаться, отчасти потому, что Николай Петровичъ, несмотря на свое полусумасшествіе, умѣлъ льстить, отчасти, и главное, потому, что Василій Сергѣевичъ видѣлъ въ монахѣ проявленіе замѣчательной, хотя и спутавшейся, ширины русской жизни.

Они пошли. И въ то время, какъ мы застали ихъ на большой дорогѣ, они подходили къ первому по маршруту ночлегу, пройдя первыя двадцать двѣ версты своего путешествія.

Николай Петровичъ выпилъ рюмочку въ кабакѣ. Онъ былъ веселъ.

187?

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.

1883 года, 20 октября. Сегодня возили меня свидѣтельствовать въ губернское правленіе, и мнѣнія раздѣлились. Они спорили и рѣшили, что я не сумасшедшій. Но они рѣшили такъ только потому, что я всѣми силами держался во время свидѣтельствованія, чтобы не высказаться. Я не высказался, потому что боюсь сумасшедшаго дома, — боюсь, что тамъ мнѣ помѣшаютъ дѣлать мое сумасшедшее дѣло. Они признали меня подверженнымъ аффектамъ, и еще что-то такое, но въ здравомъ умѣ. Они признали, но я-то знаю, что я сумасшедшій. Докторъ предписалъ мнѣ лѣченіе, увѣряя меня, что если я буду строго слѣдовать его предписаніямъ, то это пройдетъ. Все, что безпокоитъ меня,—пройдетъ. О, что бы я далъ, чтобы это прошло! Слишкомъ мучительно. Разскажу по порядку, какъ и отчего взялось это освидѣтельствованіе, какъ я сошелъ съ ума и какъ выдалъ свое сумасшествіе.

До тридцати пяти лѣтъ я жилъ, какъ всѣ, и ничего за мной замѣтно не было. Нечто только въ первомъ дѣтствѣ, до десяти лѣтъ, было со мной что-то похожее на теперешнее состояніе, но и то только припадками, а не такъ, какъ теперь, постоянно. Въ дѣтствѣ находило оно на меня немножко иначе. А именно вотъ какъ.

Помню, разъ я ложился спать, — мнѣ было пять или шесть лѣтъ. Няня Евпраксія, высокая, худая, въ коричневомъ платьѣ, съ чаплыжкой на головѣ и съ отвисшей кожей подъ бородой, раздѣла меня и подсадила въ кроватку.

— Я самъ, самъ, — заговорилъ я и перешагнулъ черезъ перильца

— Ну, ложитесь, ложитесь, Феденька. Вонъ Митя, умникъ, уже легли, — сказала она, показывая головой на брата.

Я прыгнулъ въ кровать, все держа ея руку. Потомъ выпустилъ, поболталъ ногами подъ одѣяломъ и закутался. И такъ мнѣ хорошо. Я затихъ и думалъ: «Я люблю няню; няня любитъ меня и Ми-

теньку; а я люблю Митеньку; а Митенька любитъ меня и няню. А няню любитъ Тарасъ; а я люблю Тараса, и Митенька любитъ. А Тарасъ любитъ меня и няню. А мама любитъ меня и няню. А няня любитъ маму, и меня, и папу. И всѣ любятъ, и всѣмъ хорошо».

И вдругъ я слышу, вбѣгаетъ экономка и съ сердцемъ кричитъ что-то объ сахарницѣ, и няня съ сердцемъ говоритъ, что она не брала ея. И мнѣ становится больно, и страшно, и непонятно; и ужасъ, холодный ужасъ находитъ на меня, и я прячусь съ головой подъ одѣяло. Но и въ темнотѣ одѣяла мнѣ не легчаетъ. Я вспоминаю, какъ при мнѣ разъ били мальчика, какъ онъ кричалъ, и какое страшное лицо было у Фоки, когда онъ его билъ. — А, не будешь, не будешь! — приговаривалъ онъ и все билъ. Мальчикъ сказалъ: «Не буду». А тотъ приговаривалъ:—Не будешь?—и все билъ.

И тутъ на меня нашло. Я сталъ рыдать, рыдать, и долго никто не могъ меня успокоить. Вотъ эти-то рыданія, это отчаяніе были первыми припадками моего теперешняго сумасшествія.

Помню, другой разъ это нашло на меня, когда тетя разсказала про Христа. Она разсказала и хотѣла уйти, но мы сказали:

— Разскажи еще про Іисуса Христа.

— Нѣтъ, теперь некогда.

— Нѣтъ, разскажи.

И Митенька просилъ разсказать. И тетя начинала опять то же, что она разсказала намъ прежде. Она разсказала, что его распяли, били, мучили, а онъ все молился и не осудилъ ихъ.

— Тетя, за что же его мучили?

— Злые люди были.

— Да вѣдь онъ былъ добрый?

— Ну, будетъ, уже девятый часъ. Слышите?

— За что они его били? Онъ простилъ, да за что они били? Больно было? Тетя, больно ему было?

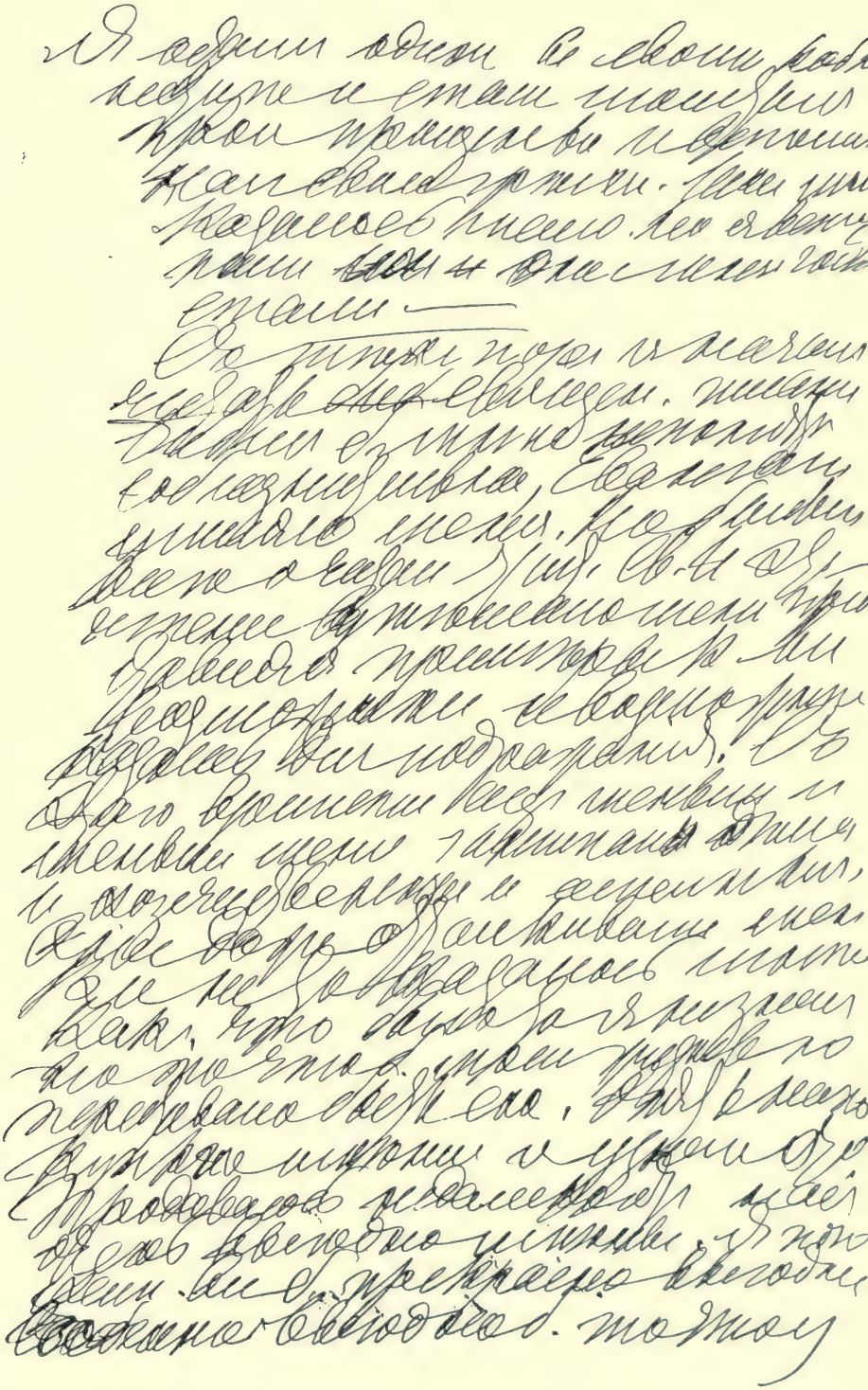
— Ну, будетъ, я пойду чай пить.

— А можетъ-быть, это неправда, его не били?

— Ну, будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходи...

И на меня опять нашло. Я рыдалъ, рыдалъ, потомъ сталъ биться головой объ стѣну.



Факсимиле Льва Николаевича изъ разсказа „Записки сумасшедшаго".

Такъ это находило на меня въ дѣтствѣ. Но съ четырнадцати [лѣтъ],—съ тѣхъ поръ, какъ проснулась во мнѣ половая страсть, и я отдался пороку, все это прошло, и я былъ мальчикъ, какъ всѣ мальчики. Какъ всѣ мы, воспитанные на жирной, излишней пищѣ, изнѣженные, безъ физическаго труда и со всѣми возможными соблазнами для воспаленія чувственности, и въ средѣ такихъ же испорченныхъ дѣтей, мальчики моего возраста научили меня пороку, и я отдался ему. Потомъ этотъ порокъ замѣнился другимъ: я сталъ знать женщинъ. И такъ, ища наслажденій и находя ихъ, я жилъ до тридцати пяти лѣтъ. Я былъ совершенно здоровъ, и не было никакихъ признаковъ моего сумасшествія.

Эти двадцать лѣтъ моей здоровой жизни прошли для меня такъ, что я теперь ничего изъ нихъ почти не помню и вспоминаю теперь съ трудомъ и омерзѣніемъ [1]). Какъ всѣ мальчики моего круга умственно здоровые, я поступилъ въ гимназію, потомъ—въ университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ по юридическому факультету. Потомъ я служилъ немного, потомъ сошелся съ моей теперешней женой и женился и жилъ въ деревнѣ, какъ говорится, воспитывалъ дѣтей, хозяйничалъ и былъ мировымъ судьей.

На десятомъ году моей женитьбы случился со мной первый припадокъ послѣ моего дѣтства.

Мы скопили съ женой деньги отъ ея наслѣдства и моихъ свидѣтельствъ за выкупъ и рѣшили купить имѣнье. Меня очень занимало, какъ и должно быть, увеличеніе нашего состоянія и желаніе увеличить его самымъ умнымъ способомъ,—лучше, чѣмъ другіе. Я узнавалъ тогда вездѣ, гдѣ продаются имѣнія, и читалъ всѣ объявленія въ газетахъ. Мнѣ хотѣлось купить такъ, чтобы доходъ или лѣсъ съ имѣнья покрылъ бы покупку, и я бы получилъ имѣнье даромъ. Я искалъ такого дурака, который бы не зналъ толку, и, какъ мнѣ показалось, что я нашелъ такого.

Имѣнье съ большими лѣсами продавалось въ Пензенской губерніи. По всему, что я разузналъ, выходило, что продавецъ именно такой дуракъ, и лѣса окупятъ цѣнность имѣнія. Я собрался и поѣхалъ.

Ѣхали мы сначала по желѣзной дорогѣ (я ѣхалъ съ слугою), потомъ поѣхали на почтовыхъ, перекладныхъ. Поѣздка была для

---

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

меня очень веселая. Слуга, молодой, добродушный человѣкъ, былъ такъ же веселъ, какъ и я. Новыя мѣста, новые люди; мы ѣхали, веселились. До мѣста намъ было двѣсти съ чѣмъ-то верстъ. Мы рѣшили ѣхать, не останавливаясь, только перемѣняя лошадей. Наступила ночь, мы все ѣхали. Стали дремать. Я задремалъ, но вдругъ проснулся: мнѣ стало чего-то страшно. И, какъ это часто бываетъ, проснулся испуганный, оживленный, — кажется, никогда не заснешь. «Зачѣмъ я ѣду? Куда я ѣду?» пришло мнѣ вдругъ въ голову. Не то, чтобы не нравилась мысль купить дешево имѣніе, но вдругъ представилось, что мнѣ не нужно ни зачѣмъ въ эту даль ѣхать, что я умру тутъ, въ чужомъ мѣстѣ. И мнѣ стало жутко. Сергѣй, слуга, проснулся; я воспользовался этимъ, чтобъ поговорить съ нимъ. Я заговорилъ о здѣшнемъ краѣ; онъ отвѣчалъ, шутилъ, но мнѣ было скучно. Заговорилъ о домашнихъ, о томъ, какъ мы купимъ. И мнѣ удивительно было, какъ онъ весело отвѣчалъ. Все ему было хорошо и весело, а мнѣ все было постыло. Но все-таки, пока я говорилъ съ нимъ, мнѣ было легче. Но, кромѣ того, что мнѣ скучно, жутко было, я сталъ чувствовать усталость, желаніе остановиться. Мнѣ казалось, что войти въ домъ, увидать людей, напиться чаю, а главное, заснуть—легче будетъ.

Мы подъѣзжали къ городу Арзамасу.

— А что, не переждать ли намъ здѣсь? Отдохнемъ немножко?

— Что же, отлично.

— Что, далеко еще до города?

— Отъ той версты — семь.

Ямщикъ былъ степенный, аккуратный и молчаливый. Онъ и ѣхалъ нескоро и скучно.

Мы поѣхали. Я замолчалъ, мнѣ стало легче, потому что я ждалъ впереди отдыха и надѣялся, что тамъ все пройдетъ. Ѣхали-ѣхали въ темнотѣ,—ужасно мнѣ казалось долго. Подъѣхали къ городу. Народъ весь ужъ спалъ. Показались въ темнотѣ домишки, зазвучалъ колокольчикъ и лошадиный топотъ, особенно отражаясь, какъ это бываетъ, около домовъ. Дома пошли кое-гдѣ большіе, бѣлые. И все это невесело было. Я ждалъ станціи, самовара и отдыха — лечь.

Вотъ подъѣхали, наконецъ, къ какому-то домику съ столбомъ. Домикъ былъ бѣлый, но ужасно мнѣ показался грустный. Такъ что жутко даже стало. Я вылѣзъ потихоньку.

Сергѣй бойко, живо вытаскалъ, что нужно, бѣгая и стуча по крыльцу. И звуки его ногъ наводили на меня тоску. Я вошелъ. Былъ коридорчикъ; заспанный человѣкъ съ пятномъ на щекѣ,— пятно это мнѣ показалось ужаснымъ,—показалъ комнату. Мрачная была комната. Я вошелъ,—еще жутче мнѣ стало.

— Нѣтъ ли комнатки, отдохнуть бы?

— Есть нумерокъ. Онъ самый.

Чисто выбѣленная квадратная комнатка. Какъ, я помню, мучительно мнѣ было, что комнатка эта была именно квадратная. Окно было одно, съ гардинкой красной. Столъ корельской березы и диванъ съ изогнутыми сторонами. Мы вошли. Сергѣй устроилъ самоваръ, залилъ чай. А я взялъ подушку и легъ на диванъ. Я не спалъ, но слушалъ, какъ Сергѣй пилъ чай и меня звалъ. Мнѣ страшно было встать, разгулять сонъ, и сидѣть въ этой комнатѣ страшно. Я не всталъ и сталъ задремывать. Вѣрно, и задремалъ, потому что когда я очнулся, никого въ комнатѣ не было и было темно. Я былъ опять такъ же пробужденъ, какъ на телѣгѣ. Заснуть, я чувствовалъ, не было никакой возможности. Зачѣмъ я сюда заѣхалъ? Куда я везу себя? Отъ чего, куда я убѣгаю? Я убѣгаю отъ чего-то страшнаго, и не могу убѣжать. Я всегда съ собою, и я-то и мучителенъ себѣ. Я — вотъ онъ, я весь тутъ. Ни пензенское, никакое имѣнье ничего не прибавитъ и не убавитъ мнѣ. А я-то, я-то надоѣлъ себѣ, несносенъ, мучителенъ себѣ. Я хочу заснуть, забыться, и не могу. Не могу уйти отъ себя.

Я вышелъ въ коридоръ. Сергѣй спалъ на узенькой скамьѣ, скинувъ руку, но спалъ сладко, и сторожъ съ пятномъ спалъ. Я вышелъ въ коридоръ, думая уйти отъ того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачило все. Мнѣ такъ же, еще больше страшно было.

«Да что это за глупость,—сказалъ я себѣ.—Чего я тоскую, чего боюсь?»

— Меня, — неслышно отвѣчалъ голосъ смерти. — Я тутъ.

Морозъ подралъ меня по кожѣ. Да, смерти. Она придетъ, она — вотъ она, а ея не должно быть. Если бы мнѣ предстояла дѣйствительно смерть, я не могъ испытывать того, что испытывалъ. Тогда бы я боялся. А теперь я не боялся, а видѣлъ, чувствовалъ, что смерть наступаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что ея не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право

на жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ совершающуюся смерть. И это внутреннее раздираніе было ужасно. Я попытался стряхнуть этотъ ужасъ. Я нашелъ подсвѣчникъ мѣдный со свѣчой обгорѣвшей и зажегъ ее. Красный огонь свѣчи и размѣръ ея, немного меньше подсвѣчника,— все говорило то же. Ничего нѣтъ въ жизни, есть смерть, а ея не должно быть.

Я пробовалъ думать о томъ, что занимало меня: о покупкѣ, объ женѣ. Ничего не только веселаго не было, но все это стало ничто. Все заслонялъ ужасъ за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я легъ было, но только что улегся, вдругъ вскочилъ отъ ужаса. И тоска, и тоска,—такая же духовная тоска, какая бываетъ передъ рвотой, только духовная. Жутко, страшно. Кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Какъ-то жизнь и смерть сливались въ одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать. Еще разъ прошелъ посмотрѣть на спящихъ, еще разъ попытался заснуть; все тотъ же ужасъ,—красный, бѣлый, квадратный. Рвется что-то и не разрывается. Мучительно, и мучительно сухо и злобно, ни капли доброты я въ себѣ не чувствовалъ, а только ровную, спокойную злобу на себя и на то, что меня сдѣлало.

Что меня сдѣлало? Богъ, говорятъ. Богъ... Молиться, вспомнилъ я. Я давно, лѣтъ двадцать, не молился и не вѣрилъ ни во что, несмотря на то, что для приличія говѣлъ каждый годъ. Я сталъ молиться: «Господи, помилуй», «Отче нашъ», «Богородицу». Я сталъ сочинять молитвы. Я сталъ креститься и кланяться въ землю, оглядываясь и боясь, что меня увидятъ. Какъ будто это развлекло меня,—развлекъ страхъ, что меня увидятъ. И я легъ. Но стоило мнѣ лечь и закрыть глаза, какъ опять то же чувство ужаса толкнуло, подняло меня. Я не могъ больше терпѣть, разбудилъ сторожа, разбудилъ Сергѣя, велѣлъ закладывать, и мы поѣхали.

На воздухѣ и въ движеніи стало лучше. Но я чувствовалъ, что что-то новое легло мнѣ въ душу и отравило всю прежнюю жизнь.

Къ ночи мы пріѣхали на мѣсто. Весь день я боролся съ своей тоской и поборолъ ее; но въ душѣ былъ страшный осадокъ: точно случилось со мной какое-то несчастіе, и я только могъ на время забывать его, но оно было тамъ, на днѣ души, и владѣло мной.

Мы пріѣхали вечеромъ. Старичокъ-управляющій, хотя не радостно (ему досадно было, что продается имѣнье), но хорошо принялъ меня. Чистыя комнатки съ мягкой мебелью. Новый, блестящій самоваръ, крупная чайная посуда, медъ къ чаю. Все было хорошо. Но я какъ старый забытый урокъ, неохотно спрашивалъ его объ имѣньи. Все невесело было. Ночь, однако, я заснулъ безъ тоски. Я приписалъ это тому, что опять на ночь молился.

И потомъ началъ жить попрежнему, но страхъ этой тоски висѣлъ надо мной съ тѣхъ поръ всегда. Я долженъ былъ не останавливаясь и, главное, въ привычныхъ условіяхъ жить. Какъ ученикъ по привычкѣ, не думая, сказываетъ выученный наизусть урокъ, такъ я долженъ былъ жить, чтобы не попасть опять во власть этой ужасной, появившейся въ первый разъ въ Арзамасѣ тоски.

Домой я вернулся благополучно, имѣнья не купилъ,—денегъ не достало,—и началъ жить попрежнему, съ одной только разницей, что я сталъ молиться и ходить въ церковь. Попрежнему—мнѣ казалось; но уже не попрежнему, какъ я теперь вспоминаю. Я жилъ прежде начатымъ, продолжалъ катиться по проложеннымъ прежде рельсамъ прежней силой, но новаго ничего уже не предпринималъ. И въ прежде начатомъ было уже у меня меньше участія. Мнѣ все было скучно, и я сталъ набоженъ. И жена замѣчала это, и бранила и пилила меня за это. Тоски не повторялось дома.

Но разъ я поѣхалъ неожиданно въ Москву, — днемъ собрался, вечеромъ поѣхалъ. Было дѣло о процессѣ. Я пріѣхалъ въ Москву весело. Дорогой разговорились съ харьковскимъ помѣщикомъ о хозяйствѣ, о банкахъ, о томъ, гдѣ остановиться, о театрахъ. Рѣшили остановиться вмѣстѣ на Московскомъ подворьѣ, на Мясницкой, и нынче же поѣхать въ «Фауста».

Пріѣхали. Я вошелъ въ маленькій номеръ. Тяжелый запахъ коридора былъ у меня въ ноздряхъ. Дворникъ внесъ чемоданъ, дѣвушка коридорная зажгла свѣчу. Свѣча зажглась, потомъ огонь поникъ, какъ всегда бываетъ. Въ сосѣднемъ номерѣ кашлянулъ кто-то, вѣрно, старикъ. Дѣвушка вышла, дворникъ стоялъ, спрашивая, не развязать ли. Огонь ожилъ и освѣтилъ синіе съ желтыми полосками обои, перегородку, облѣзшій столъ, диванчикъ, зеркало, окно и узкій размѣръ всего номера. И вдругъ арзамасскій ужасъ шевельнулся во мнѣ. «Боже мой! какъ я буду ночевать здѣсь?» подумалъ [я].

— Развяжи, пожалуйста, голубчикъ, — сказалъ я дворнику, чтобъ задержать его. «Одѣнусь поскорѣй, и въ театръ».

Дворникъ развязалъ.

— Пожалуйста, голубчикъ, зайди къ барину въ восьмой номеръ, со мной пріѣхалъ, скажи, что я сейчасъ готовъ и приду къ нему.

Дворникъ вышелъ, я сталъ торопиться одѣваться, боясь взглянуть на стѣны. «Что за вздоръ,—подумалъ я,—чего я боюсь, точно дитя. Привидѣній я не боюсь. Да, привидѣній? Лучше бы бояться привидѣній, чѣмъ того, чего я боюсь. Чего? Ничего. Себя.—Ну, вздоръ».

Я, однако, надѣлъ жесткую, холодную крахмальную рубашку, засунулъ запонки, надѣлъ сюртукъ, новыя ботинки и пошелъ къ харьковскому помѣщику. Онъ былъ готовъ. Мы поѣхали въ «Фауста». Онъ еще заѣхалъ завиться. Я остригся у француза, поболталъ съ французомъ, купилъ перчатки. Все было хорошо. Я забылъ совсѣмъ номеръ продолговатый и перегородку. Въ театрѣ было тоже пріятно. Послѣ театра харьковскій помѣщикъ предложилъ заѣхать поужинать. Это было внѣ моихъ привычекъ, но когда мы вышли изъ театра и онъ предложилъ мнѣ это, я вспомнилъ о перегородкѣ [и] согласился.

Во второмъ часу мы вернулись домой. Я выпилъ непривычныхъ два стакана вина, но былъ веселъ. Но только-что мы вошли въ коридоръ съ завернутой лампой, и меня охватилъ запахъ гостиницы, холодъ ужаса пробѣжалъ мнѣ по спинѣ. Но дѣлать было нечего. Я пожалъ руку товарищу и вошелъ въ номеръ.

Я провелъ ужасную ночь, хуже арзамасской. Только утромъ, когда уже за дверью сталъ кашлять старикъ, я заснулъ, и не въ постели, въ которую я ложился нѣсколько разъ, а на диванѣ. Всю ночь я страдалъ невыносимо, опять мучительно разрывалась душа съ тѣломъ. Я живу, жилъ, я долженъ жить, и вдругъ—смерть, уничтоженіе всего. Зачѣмъ же жизнь? Умереть?.. Убить себя сейчасъ же? Боюсь. Дожидаться смерти, когда придетъ? Боюсь еще хуже. Жить, стало-быть. Зачѣмъ? чтобъ умереть? Я не выходилъ изъ этого круга. Я бралъ книгу, читалъ, на минуту забывался, и опять тотъ же вопросъ и ужасъ. Я ложился въ постель, закрывалъ глаза,—еще хуже.

Богъ сдѣлалъ это. Зачѣмъ? Говорятъ: не спрашивай, а молись. Хорошо. Я молился, я и теперь молился, опять какъ въ Ар-

замасѣ. Но тамъ и послѣ я просто молился по-дѣтски. Теперь же молитва имѣла смыслъ: «Если Ты есть, открой мнѣ: зачѣмъ, что я такое?» Я кланялся, читалъ всѣ молитвы, которыя зналъ, сочинялъ свои и прибавлялъ: «Такъ открой же». И я затихалъ и ждалъ отвѣта. Но отвѣта не было, какъ будто и не было никого, кто бы могъ отвѣчать. И я оставался одинъ, самъ съ собой. И я давалъ себѣ отвѣты замѣсто Того, кто не хотѣлъ отвѣчать. «Затѣмъ, чтобы жить въ будущей жизни», отвѣчалъ я себѣ. Такъ зачѣмъ же эта неясность, это мученье? Не могу вѣрить въ будущую жизнь. Я вѣрилъ, когда не всей душой спрашивалъ, а теперь не могу, не могу. Если бы Ты былъ, Ты бы сказалъ — мнѣ, людямъ. А нѣтъ Тебя, есть одно отчаяніе. А я не хочу, не хочу его.

Я возмутился. Я просилъ Его открыть мнѣ истину, открыть мнѣ Себя; я дѣлалъ все, что всѣ дѣлаютъ, но Онъ не открывался. «Просите, и дастся вамъ», вспомнилось мнѣ, и я просилъ, и въ этомъ прошеніи и находилъ не утѣшеніе, а отдохновеніе. Можетъ-быть, я не просилъ, я отказался отъ Него. «Ты на пядень, а Онъ отъ тебя на сажень». Я не вѣрилъ въ Него, но просилъ, и Онъ все-таки не открылъ мнѣ ничего. Я считался съ Нимъ и осуждалъ Его,— просто не вѣрилъ.

На другой день я всѣ силы употребилъ, чтобы покончить обыденкой всѣ дѣла и избавиться отъ ночи въ номерѣ. Я не кончилъ всего и вернулся домой въ ночь. Тоски не было. Эта московская ночь измѣнила еще больше мою жизнь, начавшую измѣняться съ Арзамаса. Я еще меньше сталъ заниматься дѣлами, и на меня находила апатія. Я сталъ слабѣть и здоровьемъ. Жена требовала, чтобъ я лѣчился. Она говорила, что мои толки о вѣрѣ, о Богѣ происходили отъ болѣзни. Я же зналъ, что моя слабость и болѣзнь происходили отъ не разрѣшеннаго вопроса во мнѣ. Я старался не давать ходу этому вопросу и въ привычныхъ условіяхъ старался наполнять жизнь. Я ходилъ въ церковь по воскресеньямъ и праздникамъ, я говѣлъ, постился даже, какъ я это завелъ съ поѣздки въ Пензу, и молился, но больше, какъ обычай. Я не ждалъ ничего отъ этого, какъ бы не разрывалъ векселя и протестовалъ его въ срокъ, несмотря на то, что зналъ невозможность получить по векселю. Дѣлалъ это только на всякій случай. Жизнь же свою я наполнялъ не хозяйствомъ,—оно отталкивало меня своей борьбой, энергіи

не было,—а чтеніемъ журналовъ, газетъ, романовъ, картами по маленькой, и единственное проявленіе моей энергіи была охота по старой привычкѣ. Я всю жизнь былъ охотникъ.

Разъ пріѣхалъ зимой сосѣдъ-охотникъ съ гончими на волковъ. Я поѣхалъ съ нимъ. На мѣстѣ мы стали на лыжи и пошли на мѣсто. Охота была неудачна: волки прорвались сквозь облаву. Я услыхалъ это издалека и пошелъ по лѣсу сходить свѣжій заячій слѣдъ. Слѣдъ увелъ меня далеко на поляну. На полянѣ я нашелъ его. Онъ вскочилъ такъ, что я не видалъ. Я пошелъ назадъ. Пошелъ назадъ крупнымъ лѣсомъ. Снѣгъ былъ глубокій, лыжи вязли, сучки путались. Все глуше и глуше стало. Я сталъ спрашивать: гдѣ я? Снѣгъ измѣнялъ все.

И я вдругъ почувствовалъ, что я потерялся. До дома, до охотниковъ—далеко, ничего не слыхать. Я усталъ, весь въ поту. Остановиться — замерзнешь; итти—силы ослабѣютъ. Я покричалъ. Все тихо. Никто не откликнулся. Я пошелъ назадъ. Опять не то. Я поглядѣлъ кругомъ,—лѣсъ; не разберешь, гдѣ востокъ, гдѣ западъ. Я опять пошелъ назадъ. Ноги устали. Я испугался, остановился, и на меня нашелъ весь арзамасскій и московскій ужасъ, но въ сто разъ больше. Сердце колотилось, руки, ноги дрожали. Смерть здѣсь? Не хочу. Зачѣмъ смерть? Что смерть? Я хотѣлъ попрежнему допрашивать, упрекать Бога, но тутъ я вдругъ почувствовалъ, что я не смѣю, не долженъ, что считаться съ Нимъ нельзя, что Онъ сказалъ, что нужно, что я одинъ виноватъ. И я сталъ молить Его [о] прощеньи и самъ себѣ сталъ гадокъ.

Ужасъ продолжался недолго. Я постоялъ, очнулся и пошелъ въ одну сторону и скоро вышелъ. Я былъ недалеко отъ края. Я вышелъ на край, на дорогу. Руки и ноги все такъ же дрожали, и сердце билось. Но мнѣ радостно было. Я дошелъ до охотниковъ, мы вернулись домой. Я былъ веселъ, но зналъ, что у меня есть что-то радостное, что̀ я разберу, когда останусь одинъ. Такъ и случилось. Я остался одинъ въ своемъ кабинетцѣ и сталъ молиться, прося прощенья и вспоминая свои грѣхи. Ихъ мнѣ казалось мало. Но я вспомнилъ ихъ, и они мнѣ гадки стали.

Съ тѣхъ поръ я началъ читать священное писаніе. Библія была мнѣ непонятна, соблазнительна; Евангеліе умиляло меня. Но больше всего я читалъ Житія святыхъ, и это чтеніе утѣшало меня,

представляя примѣры, которые все возможнѣе и возможнѣе казались для подражанія. Съ этого времени еще меньше и меньше меня занимали дѣла и хозяйственныя и семейныя. Они даже отталкивали меня. Все не то казалось мнѣ. Какъ, что̀ было то̀, я не зналъ, но то, что было моей жизнью, переставало быть ею. Опять на покупкѣ имѣнія я узналъ это.

Продавалось недалеко отъ насъ очень выгодно имѣнье. Я поѣхалъ. Все было прекрасно, выгодно. Особенно выгодно было то, что у крестьянъ земли было только огороды. Я понялъ, что они должны были задаромъ, за пастьбу убирать поля помѣщика. Такъ оно и было. Я все это оцѣнилъ, все это мнѣ понравилось по старой привычкѣ. Но я поѣхалъ домой, встрѣтилъ старуху; спрашивая о дорогѣ, поговорилъ съ ней. Она разсказала о своей нуждѣ. Я пріѣхалъ домой и, когда сталъ разсказывать женѣ о выгодахъ имѣнья, вдругъ устыдился. Мнѣ мерзко стало. Я сказалъ, что не могу купить этого имѣнья, потому что выгода наша будетъ основана на нищетѣ и горѣ людей. Я сказалъ это, и вдругъ меня просвѣтила истина того, что̀ я сказалъ,—главное, истина того, что мужики такъ же хотятъ жить, какъ мы, что они — люди, братья, сыны Отца, какъ сказано въ Евангеліи. Вдругъ какъ что-то давно щемившее меня оторвалось у меня, точно родилось. Жена сердилась, ругала меня. А мнѣ стало радостно.

Это было начало моего сумасшествія. Но полное сумасшествіе мое началось еще позднѣе, черезъ мѣсяцъ послѣ этого.

Оно началось съ того, что я поѣхалъ въ церковь, стоялъ обѣдню, и хорошо молился и слушалъ, и былъ умиленъ. И вдругъ мнѣ принесли просвиру; потомъ пошли къ кресту, стали толкаться; потомъ на выходѣ нищіе были. И мнѣ вдругъ ясно стало, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть,— что этого нѣтъ; а нѣтъ этого, то нѣтъ и смерти и страха, и нѣтъ во мнѣ больше прежняго раздиранія, и я не боюсь уже ничего.

Тутъ уже совсѣмъ свѣтъ освѣтилъ меня, и я сталъ тѣмъ, что есть. Если нѣтъ этого ничего, то нѣтъ прежде всего во мнѣ. Тутъ же, на паперти, я роздалъ, что у меня было, тридцать шесть рублей, нищимъ и пошелъ домой пѣшкомъ, разговаривая съ народомъ...

1884.

О СУДѢ [1].

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

— Да что же, есть у васъ, наконецъ, комната или нѣтъ? Есть или нѣтъ? — говорилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Михаилъ Михайловичъ, входя въ сѣни постоялаго двора уѣзднаго города, въ которомъ назавтра назначено было засѣданіе окружного суда, въ которомъ онъ былъ присяжнымъ.

— Пожалуйте, пожалуйте, — говорилъ хозяйскій племянникъ, — сейчасъ, сію, сію минутую.

И хозяйскій племянникъ, несмотря на раздражительный тонъ Михаила Михайловича, не отвѣчая ему, убѣжалъ въ комнатку съ кіотомъ и большими иконами, одну оставленную себѣ хозяевами, и что-то тамъ сталъ шептаться съ толстой старухой, сидѣвшей тамъ за самоваромъ. Михаилъ Михайловичъ видѣлъ это и злился. Онъ усталъ и перемерзъ съ дороги. Но взялъ на себя и молчалъ, осторожно оттаивая и отлѣпляя ледышки съ усовъ и бороды, примерзшей къ воротнику, и сбрасывая ихъ на грязный, затоптанный полъ.

Вошелъ увязанный платкомъ по воротнику Ефимъ, его кучеръ.

— Прикажете вносить вещи?

— Да не добьюсь толку. Будетъ или не будетъ комната?

Худой, вертлявый племянникъ выскочилъ изъ хозяйской комнаты, юркнулъ въ сосѣдній номеръ, гдѣ тотчасъ послышался ропотъ и настоянія племянника. Онъ, очевидно, выгонялъ недостойнаго жильца. Старушка, перекачиваясь своимъ тяжелымъ тѣломъ и вся дрожа, какъ желе, подъ широкой ситцевой кофтой, вышла къ Михаилу Михайловичу.

— Сейчасъ, сейчасъ, батюшка, пожалуйте. Есть, есть комнатка. Какъ не быть. Пожалуйте. Вася, что же онъ?

— Идетъ, идетъ.

Изъ комнаты вывели какого-то лохматаго человѣка и увели куда-то. А Михаила Михайловича ввели въ номеръ накуренный, наплеванный и надышанный.

. . . . . [1])

Черезъ полчаса, однако, все устроилось, и Михаилъ Михайловичъ сидѣлъ за самоваромъ, разложивъ на свою чистую салфетку домашній бѣлый хлѣбъ, сыръ, масло и альбертъ-бисквитъ. Онъ уже напился, согрѣлся, и уже дурное расположеніе духа замѣнилось самымъ хорошимъ.

— Позови кучера.

— Ефимъ, пей чай.

— Благодарю покорно, сейчасъ, только сѣна задамъ.

Когда Ефимъ вернулся, Михаилъ Михайловичъ аккуратно свернулъ и вставилъ въ черешневый пахучій мундштучокъ папироску и, со вкусомъ закуривъ душистый, свѣжій табакъ, пуская большой струей синеватый дымъ, поднялся.

— Садись, пей, — сказалъ онъ Ефиму и вышелъ въ коридоръ узнать, кто пріѣхалъ, кого нѣтъ, что слышно, нѣтъ ли знакомыхъ, — разогнать скуку.

Разумѣется, были знакомые. Знакомый былъ и толстый Савельевъ, бывшій предводитель, и новый помѣщикъ Эвановъ, недавно купившій имѣніе, и докторъ. Михаилъ Михайловичъ былъ холостой, помѣщикъ средней руки (800 десятинъ чернозему), бывшій мировой судья, назначенный присяжнымъ на эту сессію. Знакомый былъ и купецъ Берескитовъ, торговецъ хлѣбомъ, недавно разбогатѣвшій и водившій компанію съ дворянами. Все это были присяжные. Тутъ же стоялъ и товарищъ прокурора Матвѣевъ, тоже знакомый.

Съ Михаиломъ Михайловичемъ всѣ обращались осторожно, какъ бы боясь оскорбить его. Онъ былъ такой застѣнчивый, тихій, робкій и самъ осторожный и до крайности учтивый въ обращеніи. Даже громогласный толстякъ Савельевъ и то былъ остороженъ съ нимъ. Такое онъ производилъ впечатлѣніе, заражая своимъ «не тронь меня».

— Ну, вотъ, хоть на судъ васъ вытащило, — сказалъ онъ, отдуваясь своими толстыми щеками. — А то сидите — онъ хотѣлъ [сказать]: какъ медвѣдь, но остановился и сказалъ:—дома.

---

[1]) Строка точекъ въ оригиналѣ.

— А холодно нынче.

— Да, двадцать шесть было утромъ. Милости прошу ко мнѣ, — сказалъ Эвановъ. — Да не хотите ли закусить?

— Нѣтъ, благодарю.

Не прошло еще получаса, какъ Михаилъ Михайловичъ уже сидѣлъ за карточнымъ столомъ и соображалъ, назначить черви или трефы, и можно ли довѣрить показанію доктора, сказавшаго безкозырнаго, но невѣрно назначающаго.

Послѣ трехъ робберовъ закусили; потомъ еще сѣли, еще сыграли; потомъ поужинали, поговорили о цѣнахъ на хлѣбъ, о завтрашнихъ дѣлахъ. Одно дѣло интересное, объ убійствѣ. Поговорили еще о сосѣдяхъ, выборахъ и разошлись. Веселаго, разумѣется, ничего не было, но было то самое, что требовалось: убить время. Эта цѣль была достигнута, и Михаилъ Михайловичъ не видалъ, какъ прошли эти шесть часовъ, отъ пяти до одиннадцати.

Войдя въ свой номеръ, Михаилъ Михайловичъ раздѣлся и слышалъ, какъ безъ него начался громкій хохотъ и говоръ въ номерѣ Эванова. Очевидно, онъ стѣснялъ ихъ. И ему стало грустно. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ стѣснять и никого не осуждалъ, напротивъ, хотѣлъ бы съ ними и поврать, но какъ-то это не шло, и гдѣ онъ былъ, всѣмъ было неловко и скучно, и ему тоже. Онъ раздѣлся, убрался, похвалилъ Ефима за то, что онъ такъ все разложилъ хорошо, и, оставивъ на перевернутомъ днѣ стакана откушенный сахаръ и доставъ начатую книгу, легъ въ постель, приготовивъ папироску, мармеладину, и приготовился наслаждаться: лежа читать (это былъ романъ Мопассана начатый,—онъ очень любилъ Мопассана), лежа ѣсть мармеладъ круглый рябинный и потомъ закурить славную папироску, аккуратно закрученную и заклеенную слюной.

— Славно! — сказалъ онъ себѣ, самъ не зная, что славно.

Онъ почиталъ, доѣлъ, выкурилъ и потушилъ свѣчу, но долго не заснулъ: ему мѣшалъ женскій голосъ, что-то шептавшій за дверью. И по случаю этого женскаго голоса онъ вспомнилъ, какъ Савельевъ спрашивалъ его, давно ли онъ видѣлъ Виденеевыхъ. Это были сосѣдки, двѣ дочери были. И если Савельевъ подозрѣвалъ, что Михаилъ Михайловичъ былъ влюбленъ въ нихъ, то это была правда: онъ былъ влюбленъ въ меньшую, и очень даже. Но то робость, что она откажетъ, то робость, что она только этого

и ждетъ и приметъ, оттолкнули его, и онъ пересталъ ѣздить. «Поздно уже, поздно, тридцать пять лѣтъ, поздно жениться,— думалъ Михаилъ Михайловичъ. — Проживу и такъ, только бы не увлекаться, — глупо».

Михаилъ Михайловичъ давалъ себѣ такой совѣтъ потому, что онъ, очень цѣломудренный по натурѣ человѣкъ, ведшій очень воздержную жизнь, постоянно влюблялся и въ влюбленномъ состояніи мучился, хотя и не дѣлалъ внѣшнихъ глупостей. Женщины были для него какими-то богинями, и это главное мѣшало ему жениться. Онъ считалъ себя недостойнымъ ихъ...

1891.

ВСТУПЛЕНІЕ КЪ ИСТОРІИ МАТЕРИ[1].

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

Я зналъ Марью Александровну съ дѣтства. Случилось такъ, какъ это часто случается между молодыми людьми, что между нами были дружескія отношенія, никогда ничего похожаго на влюбленіе, если не считать одного вечера, когда они были у насъ и играли въ «дамы и кавалеры», и она пятнадцатилѣтней дѣвочкой, съ красными толстыми руками и черными прекрасными глазами и толстой, длинной черной косой, подѣйствовала на меня такъ, что я вообразилъ на одинъ вечеръ, что влюбленъ въ нее. Но это было только одинъ вечеръ; а остальное время, всѣ сорокъ лѣтъ нашего знакомства, мы были въ тѣхъ хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ мужчины и женщины, уважающихъ другъ друга, которыя особенно пріятны, если они совершенно чисты отъ влюбленія, какими были мои отношенія съ Марьей Александровной.

Дружескія отношенія эти доставили мнѣ много пріятныхъ минутъ и многому научили меня. Я не зналъ женщины, болѣе полно олицетворявшей типъ хорошей жены и матери. Многое я понялъ и узналъ отъ нея, многому научился.

Послѣдній разъ я видѣлся съ нею годъ тому назадъ, за мѣсяцъ до ея смерти, которую ни я ни она не предвидѣли. Она только-что устроилась жить при мужскомъ монастырѣ одна съ своей кухаркой, Варварой. Такъ странно было видѣть ее, мать восьми дѣтей и [бабку] чуть не полсотни внучатъ, одинокою женщиной, очевидно, безповоротно рѣшившей, несмотря на болѣе или менѣе искреннія приглашенія къ себѣ дѣтей, доживать свой вѣкъ одной. Сначала мнѣ показалось необъяснимо ея поселеніе въ монастырѣ. Я зналъ ея — не скажу свободомысліе (она никогда не выставляла его), но смѣлость и здравомысліе. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Когда мы свидѣлись, она, очевидно, избѣгала разговоровъ о томъ, почему она избрала такую жизнь. Но я думаю, что я понялъ.

Она была человѣкъ сердца, а по уму — совершенный скептикъ. Но безъ дѣтей, безъ заботъ о нихъ, послѣ своей сорокалѣтней трудовой жизни въ семьѣ, ей нужно было, на что направить свое чувство. Въ семьяхъ дѣтей она не нашла этого и рѣшила уединиться; а при уединеніи она надѣялась найти утѣшеніе въ томъ, въ чемъ другіе находили его: въ религіи. Очевидно, ей было очень тяжело на сердцѣ, но она была горда и за себя и за дѣтей и только чуть, намеками, показала мнѣ свое положеніе. Когда я спрашивалъ о ея дѣтяхъ,—я всѣхъ зналъ ихъ, — она отвѣчала мнѣ неохотно, не осуждая ихъ. Но я видѣлъ, какая — не драма, а сколько разныхъ драмъ было скрыто въ ея сердцѣ.

— Да, Володя очень хорошо устроился, — говорила она мнѣ,— онъ предсѣдателемъ палаты и купилъ имѣніе. Да, растутъ и дѣти: три мальчика, двѣ дѣвочки.

И она замолчала, нахмуривъ свои черныя брови, очевидно, удерживая выраженіе мысли и отгоняя ее.

— Ну, а Василій?

— Василій—все то же; вы вѣдь знаете его?

— Все свѣтскость?

— Да, да.

— Тоже дѣти?

— Трое.

Такого рода разговоры были о всѣхъ сыновьяхъ и дочеряхъ. Больше всѣхъ она любила говорить о Петѣ. Это былъ неудавшійся членъ семьи, промотавшій все, что имѣлъ, не платившій долговъ и мучившій больше всѣхъ другихъ свою мать. Но она больше всѣхъ любила его, сквозь его гадости видя и любя его «золотое сердце», какъ она говорила.

Увлекалась она разговоромъ только тогда, когда мы касались ея молодого, беззаботнаго времени, о которомъ съ особенною прелестью воспоминанія говорятъ люди, измученные не высказанными страданіями. Самый же увлекательный разговоръ нашъ, вслѣдствіе котораго я засидѣлся у нея за двѣнадцать, и послѣдній мой разговоръ съ нею, трогательный и умилительный, былъ разговоръ о Петрѣ Никифоровичѣ. Это былъ кандидатъ Московскаго университета, первый учитель ея дѣтей, умершій чахоткой въ ихъ же домѣ, человѣкъ замѣчательный, имѣвшій на нее большое вліяніе и едва ли не единственный человѣкъ, котораго она послѣ мужа

могла полюбить или полюбила, сама не зная этого. Мы говорили о немъ, о его взглядахъ на жизнь, которые я зналъ и раздѣлялъ въ то время. Онъ былъ — не сказать: поклонникъ Руссо, хотя зналъ и любилъ его,—но былъ человѣкомъ того же склада ума. Это былъ человѣкъ такой, какими мы представляемъ себѣ древнихъ мудрецовъ, при этомъ съ кротостью и смиреніемъ безсознательнаго христіанства. Онъ былъ увѣренъ, что онъ терпѣть не можетъ христіанскаго ученія, а между тѣмъ вся его жизнь была самоотверженіемъ. Ему, очевидно, было скучно жить, если онъ не могъ чѣмъ-нибудь жертвовать для кого-нибудь, и жертвовать такъ, чтобы ему было трудно и больно. Только тогда онъ былъ доволенъ. При этомъ онъ былъ невиненъ, какъ ребенокъ, нѣженъ, какъ женщина.

Въ томъ, что она любила его, могло быть сомнѣніе, но въ томъ, что она была единственной его любовью и божествомъ, не могло быть сомнѣнія для того, кто видѣлъ его въ ея присутствіи. Надо было видѣть его большіе, круглые голубые глаза, какъ они смотрѣли на нее и слѣдили за каждымъ ея движеніемъ и отражали въ себѣ всякое ея выраженіе лица; надо было видѣть эту бодрящуюся, слабую фигуру въ расходящемся, дурно сшитомъ пиджачкѣ, какъ она склонялась и тянулась къ тому мѣсту, гдѣ была она, чтобы не было въ этомъ никакого сомнѣнія.

Это зналъ и Алексѣй Николаевичъ, ея покойный мужъ, зналъ и не смущался, оставляя ихъ по цѣлымъ вечерамъ наединѣ, т.-е. съ ней и съ дѣтьми; это знали и дѣти, любившіе и учителя и мать и считавшія естественнымъ, чтобы учитель и мать любили другъ друга.

Единственная предосторожность, которую принялъ Алексѣй Николаевичъ противъ Петра Никифоровича, состояла въ томъ, что онъ называлъ его «Петряй Мудрый». Алексѣй Николаевичъ любилъ и уважалъ Петра Никифоровича, потому что не могъ не уважать его за необыкновенную любовь и преданность дѣтямъ и за необыкновенно высокія нравственныя качества, но не могъ допустить возможности любви между его женою и Петряемъ. А между тѣмъ я склоненъ думать, что она любила его. Его смерть была для нея не только большимъ горемъ, но и лишеніемъ. Были стороны ея души, лучшія, главныя, основныя, которыя потомъ она уже не открывала никому и которыя такъ и заглохли послѣ его смерти.

Такъ вотъ, мы говорили про него и про его взгляды на жизнь: какъ онъ считалъ, что вся нравственность жизни сводится къ тому, чтобы какъ можно меньше брать отъ людей и какъ можно больше давать себя, свою душу, и какъ для того, чтобы меньше брать, надо держаться первой платоновской добродѣтели — воздержанія: спать на доскахъ, носить одинъ плащъ зимой и лѣтомъ, ѣсть хлѣбъ съ водой и — величайшая роскошь — молоко. (Онъ жилъ такъ, и Марья Александровна считала, что онъ этимъ погубилъ свое здоровье). А чтобы быть въ состояніи давать другимъ, надо развить въ себѣ духовныя силы, изъ которыхъ главная — любовь, дѣятельная любовь, служеніе жизни, улучшеніе ея. Онъ такъ и хотѣлъ вести дѣтей, но требованія родителей, подчинявшихся обычаямъ, были другія, и изъ этого выходило нѣчто среднее, но и то было хорошо. Къ несчастью, это продолжалось недолго: онъ прожилъ у нихъ всего четыре года.

Вспоминала Марья Александровна многія мнѣнія и слова его.

— Да, представьте себѣ, — говорила она, — я часто читаю теперь духовныя поученія, слушаю наставленія отца Никодима, и — повѣрите ли? — она блеснула на меня своими улыбающимися глазами, и я вспомнилъ ея обычную смѣлость сужденій,—и повѣрите ли: какъ всѣ эти духовныя поученія много, много ниже того, что я слышала отъ Петра Никифоровича. То же, но ниже. А главное, онъ говорилъ и дѣлалъ. Да какъ дѣлалъ, — горѣлъ! И сгорѣлъ. Помните, когда у Митечки съ Вѣрой была скарлатина,— вы еще пріѣзжали тогда, — онъ ночи просиживалъ у больныхъ, а днемъ не откладывалъ своихъ занятій съ старшими. Это было для него святое дѣло. А потомъ, когда заболѣлъ мальчикъ у Варвары, онъ то же самое дѣлалъ и ужасно разсердился, когда не хотѣли перевести ея мальчика въ домъ. Мнѣ Варвара недавно напомнила, какъ ему разбилъ Ваня, мальчикъ-слуга, бюстъ, не помню какого-то мудреца, и онъ разбранилъ его, и какъ не зналъ потомъ, какъ загладить свою досаду: и прощенія просилъ, и въ циркъ посылалъ. Удивительный былъ человѣкъ! Онъ говорилъ, что жить, какъ мы живемъ, не стоитъ, и предлагалъ мужу отдать всю землю крестьянамъ, а самимъ жить трудами. Алексѣй Николаевичъ только смѣялся. А онъ серьезно это совѣтовалъ, считалъ долгомъ сказать, до чего онъ додумался. И былъ правъ. Ну, мы жили, какъ всѣ жи-

вутъ, ну и что же? Вотъ мои дѣти... Я объѣздила ихъ всѣхъ, кромѣ Пети, прошлаго года. Ну, что же? Развѣ они счастливы? Но, впрочемъ, нѣтъ, нельзя же все перевернуть, какъ онъ хотѣлъ. Видно, недаромъ палъ первый человѣкъ, и грѣхъ вошелъ въ міръ.

Таковъ былъ нашъ послѣдній разговоръ. И тутъ же она сказала мнѣ:

— Многое, многое я передумала въ своемъ одиночествѣ, не только передумала, но написала. — И она улыбнулась стыдливой улыбкой, придавшей такое милое и жалкое выраженіе ея старческому лицу. — Записала мои мысли объ этомъ, скорѣе, мой опытъ. Я прежде, давно, дѣвушкой и замужемъ, вела свой дневникъ. Потомъ уже, какъ началось, лѣтъ десять тому назадъ... — она не сказала, что́ началось, но я понялъ, что это касалось ея отношеній съ взрослыми дѣтьми: столкновенія, борьба (она осталась послѣ мужа одна, и состояніе было въ ея рукахъ), — я не писала больше. И вотъ теперь, перебирая свои вещи, здѣсь ужъ, нашла эти тетрадки, перечитала ихъ, и много тамъ глупаго, а много и хорошаго, право,— опять та же улыбка,—и поучительнаго. Думала сжечь и нѣтъ; посовѣтовалась съ батюшкой, онъ велѣлъ сжечь. Знаете, онъ не понимаетъ. Это—глупости, я не сожгла.

Я такъ узналъ ея нелогичную какую-то своего рода послѣдовательность въ этихъ словахъ. Никодима она во всемъ слушается, поселилась, чтобы быть руководимой имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сужденіе его считаетъ глупостью и дѣлаетъ по-своему.

— Такъ не сожгла, а еще приписала цѣлыхъ двѣ тетради. Здѣсь одной дѣлать нечего; написала, что думаю обо всемъ этомъ. И вотъ, когда умру — я еще не собираюсь, мать моя жила до девяноста лѣтъ, а отецъ до восьмидесяти,—чтобы тетради передали вамъ, вы прочтете и рѣшите, есть ли тамъ что нужное. Если есть что нужное, то пусть и другіе знаютъ. А то вѣдь никто этого не знаетъ; мучаемся, мучаемся, страдаемъ за нихъ, отъ беременности и до тѣхъ поръ, пока они начинаютъ заявлять свои права, и всѣ эти безсонныя ночи, и муки, и безпокойство, и отчаяніе. И все бы это хорошо, коли бы была любовь, кабы они были счастливы. А то и этого нѣтъ. Какъ хотите, а тутъ что-то не такъ. Вотъ я все записала. Вы прочтите послѣ моей смерти. Такъ та̀къ?

Я обѣщался, хотя сказалъ, что никакъ не ожидаю пережить ее. На томъ мы разстались, а черезъ мѣсяцъ я узналъ, что она скон-

чалась. Съ ней сдѣлалось дурно у всенощной, она сѣла на складной стулъ, который былъ съ ней, прислонилась къ стѣнѣ и такъ умерла. Что-то съ сердцемъ. Я пріѣхалъ на похороны. Дѣти почти всѣ собрались, кромѣ Елены, которая была за границей, и Митечки, того самаго, у котораго была скарлатина, который не могъ пріѣхать потому, что въ это самое время лѣчился на Кавказѣ отъ дурной болѣзни.

Похороны были богатыя, внушившія монахамъ большее уваженіе, чѣмъ то, которое они испытывали къ ней при ея жизни. Вещи, бывшія у нея, раздѣлили между собой больше какъ сувениры, и мнѣ дали въ память нашей дружбы ея малахитовый прессъ-папье и шесть старыхъ сафьяновыхъ тетрадей и четыре новыхъ простыхъ, учебныхъ тетради, которыя она исписала въ монастырѣ «обо всемъ этомъ», какъ она сказала.

Въ этихъ тетрадяхъ — вся трогательная и поучительная исторія этой прекрасной и замѣчательной женщины.

Такъ какъ я зналъ сорокъ лѣтъ ее и ея мужа и на моихъ глазахъ рожались, росли и воспитывались и переженились ея дѣти, я вездѣ, гдѣ это можетъ быть нужно для ясности разсказа, могу дополнить своими воспоминаніями то, что не досказано въ ея запискахъ.

189?

ЗАПИСКИ МАТЕРИ[1].

[1] См. примѣчаніе 1-е.

Нынче, 1857 года 3 мая, начинаю новый дневникъ. Старый давно не писала, да и то, что писала, было не то: много лишняго копанья въ себѣ, много чувствительнаго и просто глупаго: влюбленье въ Иванъ Захарыча, желанье прославиться, уйти въ монастырь (я сейчасъ перечла), много и милаго, 15 — 16-лѣтняго. Теперь другое. Двадцать лѣтъ, и я люблю, точно люблю,—не восхищаясь собою, не подзадоривая себя съ страхомъ, что это—не настоящее, что это не такъ, какъ любятъ по настоящему, что я недостаточно люблю, а, напротивъ, съ страхомъ, что *это—настоящее*, роковое, что я слишкомъ люблю и не могу, не могу... не любить. И мнѣ страшно. Что-то серьезное, торжественное связано съ нимъ, съ его лицомъ, съ его звукомъ голоса, съ его каждымъ словомъ, несмотря на то, что онъ веселъ и все смѣется и все умѣетъ такъ перевернуть, что выйдетъ граціозно, умно и смѣшно. Всѣмъ смѣшно, и мнѣ смѣшно; смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно. Встрѣтятся наши глаза, углубятся другъ въ друга, дальше, дальше, и страшно, и я вижу, что и ему тоже.

Но опишу все по порядку. Онъ—сынъ Анны Павловны Лутковской, родня и Облонскимъ и Микашнымъ. Старшій братъ его, извѣстный Лутковскій, герой севастопольскій, и онъ, Петръ, мой—да, мой — были въ Севастополѣ, но только для того, чтобы не быть дома, когда люди гибнутъ тамъ. Онъ выше честолюбія. Послѣ кампаніи онъ тотчасъ же вышелъ въ отставку и служилъ чѣмъ-то въ Петербургѣ, а теперь пріѣхалъ въ нашу губернію и [служитъ] въ комитетѣ. Онъ молодъ, но его цѣнятъ и любятъ. Къ намъ его привезъ Миша. Онъ сразу сталъ своимъ у насъ. Мама̀ полюбила его и приласкала; папа̀, какъ всегда къ женихамъ, съ нѣкоторой холодностью принялъ его. Онъ сейчасъ сталъ ухаживать за Надей, какъ ухаживаютъ за 15-лѣтней дѣвочкой, но я сразу въ глубинѣ души рѣшила, что это я; но сама себѣ не смѣла признаться. Онъ

часто сталъ ѣздить къ намъ, и съ первыхъ же дней, хотя ничего не было сказано, я знала, что все кончено, что это онъ.

Вчера, уѣзжая, онъ пожалъ мнѣ руку. Мы были на площадкѣ лѣстницы. Не знаю, отчего,—я почувствовала, что покраснѣла. Онъ взглянулъ на меня и также еще больше покраснѣлъ и такъ растерялся, что повернулся, побѣжалъ внизъ, уронилъ шляпу, поднялъ ее и остановился на крыльцѣ. Я вошла наверхъ, смотрѣла въ окно. Лошадей ему подали, но онъ не садился. Я заглянула на крыльцо,—онъ стоялъ и не садился, заправляя рукой свою бороду въ ротъ и кусая ее. Я боялась, чтобы онъ не оглянулся, и отстранилась отъ окна; но въ эту самую минуту я услыхала его шаги по лѣстницѣ наверхъ. Онъ быстро, смѣло бѣжалъ. Какъ я узнала, я не знаю, но я подошла къ двери и остановилась, ожидая. Сердце не билось, стояло и радостно и мучительно давило мнѣ грудь.

Почемъ я знала? Но я знала. Вѣдь могло же случиться, что онъ, вбѣжавъ, сказалъ бы: «Виноватъ, я забылъ папиросы», или что-нибудь подобное. Вѣдь могло же это случиться. Что бы со мной было, если бы это случилось?.. Но нѣтъ, этого не могло случиться. Случилось то, что должно было быть. Лицо его было и восторженно, и робко, и рѣшительно, и радостно; глаза блестѣли, щека дрожала. Онъ былъ въ пальто и держалъ шляпу въ рукѣ. Никого не было тутъ, всѣ были на террасѣ.

— Варвара Николаевна, — сказалъ онъ, останавливаясь на послѣдней ступенькѣ. — Лучше уже заодно, сразу, чѣмъ мучиться, можетъ-быть, и васъ тревожить...

Какъ мнѣ было тяжело, мучительно, радостно! Эти милые глаза, этотъ славный лобъ, эти дрожащія, такъ привыкшія улыбаться губы, и эта робость во всей энергической, сильной фигурѣ. Я почувствовала, что мнѣ подступаютъ рыданія къ горлу. Онъ увидалъ, вѣроятно, выраженіе моего лица.

— Варвара Николаевна, вѣдь вы знаете, что я хочу сказать вамъ, вамъ. Да?

— Не знаю, — начала было я. — Нѣтъ, знаю.

— Да? — сказалъ онъ. — Вы знаете, о чемъ я хочу и не смѣю просить васъ... — Онъ замялся и потомъ вдругъ какъ будто разсердился на себя. — Да ну, что будетъ, то будетъ. Можете вы полюбить меня, какъ я васъ люблю, быть женой? Нѣтъ? Да?

Я не могла говорить; радость захватила мнѣ горло. Я протянула руку. Онъ взялъ ее и поцѣловалъ.

— Неужели да?.. Точно? Да?.. Вѣдь вы знали, я давно мучаюсь... Такъ я не уѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ.

И я сказала, что люблю его, и мы поцѣловались. И мнѣ странно, и скорѣй непріятенъ, чѣмъ пріятенъ былъ этотъ поцѣлуй куда-то попавшихъ губъ. И онъ пошелъ, отослалъ лошадей, а я побѣжала къ мамà. Она пошла къ папà, и онъ вышелъ. Все кончилось, и мы женихъ съ невѣстой, и онъ уѣхалъ во второмъ часу ночи и завтра пріѣдетъ, и свадьба будетъ черезъ мѣсяцъ. Онъ хотѣлъ черезъ недѣлю, но мамà настояла...

МАТЬ.

Это было въ 57 году, только что кончилась кампанія.

Въ домѣ у Вороновыхъ готовилась свадьба: помолвлена была средняя дочь, Варвара, за Евграфа Лотухина. Они знались дѣтьми, играли, танцовали вмѣстѣ; а теперь онъ вернулся изъ Севастополя поручикомъ уланскаго полка. Въ самый разгаръ войны онъ вышелъ изъ министерства, въ которомъ служилъ, и поступилъ въ полкъ юнкеромъ. Теперь онъ вернулся и былъ въ нерѣшительности, куда поступить. Онъ относился къ военной службѣ, особенно гвардейской, съ презрѣніемъ и не хотѣлъ оставаться въ ней въ мирное время. Но дядя его звалъ къ себѣ въ адъютанты въ Кіевъ; другой, двоюродный, предлагалъ мѣсто въ Константинополѣ; прежній начальникъ звалъ къ себѣ.

Родныхъ, друзей было много, и всѣ любили Евграфа Лотухина. Не то, чтобы точно любили, замѣчали его отсутствіе, но любили такъ, что когда онъ входилъ, всѣ большей частью говорили: «А, Граша! Ну, и отлично». Никогда никому онъ не былъ въ тягость, а пріятенъ былъ многимъ и самыми разнообразными способами. И разсказать, и спѣть, и на театрѣ играть, — на все онъ былъ мастеръ. А главное, не претенціозный, умный, красивый, понятливый и добродушный.

Пока онъ приглядывался, куда, къ кому поступить, и приглядывался серьезно взвѣшивая, несмотря на свою кажущуюся безпечность, онъ встрѣтилъ въ Москвѣ Вороновыхъ. Они пригла-

сили его къ себѣ въ деревню. Онъ пріѣхалъ, пробылъ недѣлю, уѣхалъ и черезъ недѣлю опять пріѣхалъ и сдѣлалъ предложеніе. Его съ радостью приняли. Это была хорошая партія. И онъ сталъ женихомъ.

— Да ничего особенно радостнаго нѣтъ, — говорилъ отецъ Вороновъ женѣ, стоявшей у его стола и жалобно смотрѣвшей на него. — Добрый! Добрый! Не въ добротѣ дѣло, а онъ уже поживший, и очень,—я знаю эту лотухинскую породу. Да и что же онъ? Ничего, кромѣ добрыхъ намѣреній, — служба. А то, что мы дадимъ, не обезпечитъ.

— Но они любятъ другъ друга. И они такъ откровенно приступили, — говорила она, тихая, кроткая.—Да, разумѣется, Фениковъ ничего, они всѣ такіе, но я лучшаго желала для Вари. Это такая прямая, нѣжная натура. Лучшаго можно бы желать для нея.

— Ну, да что дѣлать, пойдемъ.

И они вышли.

Папà былъ въ первую минуту какъ будто недоволенъ. Не то что недоволенъ, но грустенъ, ненатураленъ. Я знаю его. Точно онъ не нравится ему. Этого я не могу понять. Не мнѣ одной, не потому что я—его невѣста, но такая ясность благородства, главное, правдивости и чистоты, которыя написаны на всемъ его существѣ,— нельзя найти большей. Видно, что чтò на душѣ у него, то и на языкѣ, ему нечего скрывать. И скрываетъ онъ только свои высокія черты. Про свое севастопольское похожденіе онъ не хочетъ, не любитъ говорить, про Мишу—тоже, онъ покраснѣлъ, когда я заговорила.

Благодарю Тебя, Господи! Ничего, ничего не хочу больше.

Лотухинъ уѣхалъ въ Москву готовиться къ свадьбѣ. Онъ остановился у Шевалье и тутъ же столкнулся на лѣстницѣ съ Сущевымъ.

— А, Граша! Правда, что ты женишься?

— Правда.

— Ну, поздравляю. Я ихъ знаю. Милая семья. И твою невѣсту знаю. Красавица... Такъ обѣдаемъ вмѣстѣ?

Они обѣдали, выпили одну, а потомъ и другую бутылку.

— Ну, поѣдемъ. Пройдешься, а то что же дѣлать.

И они поѣхали въ Эрмитажъ, тогда только что открывшійся.

Только что они подошли къ театру — Анночка. Анночка не знала, да если бы и знала, что онъ женится, не измѣнила бы своего поведенія и еще радостнѣе улыбнулась бы своими ямочками.

— Да ну, скучный какой, пойдемъ.

И она взяла его подъ руку.

— Смотри, — сказалъ сзади Сущевъ.

— Сейчасъ, сейчасъ.

Лотухинъ прошелся съ ней до театра и сдалъ ее Василію, котораго встрѣтилъ тутъ же.

«Нѣтъ, нехорошо. Ѣду домой. И зачѣмъ я пріѣхалъ?»

Несмотря на задерживанье, онъ уѣхалъ одинъ домой. Дома, въ номерѣ, онъ выпилъ стакана два сельтерской воды и сѣлъ за столъ сводить свои счеты. Утромъ онъ ѣздилъ по дѣламъ—занимать деньги. Братъ не далъ ему, и онъ занялъ у ростовщика. Онъ сидѣлъ, дѣлая расчеты, и съ непріятнымъ чувствомъ вспоминалъ Анночку и то, что надо было отказаться отъ нея, и гордился тѣмъ, что онъ отказался. Онъ вынулъ портретъ Вари: полная, стройная, румяная, сильная русская красавица. Полюбовавшись и поставивъ передъ собой, онъ продолжалъ работу счетовъ.

Вдругъ въ коридорѣ онъ услышалъ голосъ Анночки и Сущева. Онъ велъ ее прямо къ его двери.

— Граша! что же это ты сдѣлалъ?

И она вошла къ нему...

На другое утро Лотухинъ пришелъ пить чай къ Сущеву и упрекалъ его.

— Ты понимаешь, что это могло бы страшно огорчить ее.

— Ну, еще бы. Будь спокоенъ. Я нѣмъ, какъ рыба.

ДНЕВНИКЪ ВАРИ.

7 мая. Граша вернулся изъ Москвы. Все та же свѣтлая, дѣтская душа. Я вижу, что его мучаетъ то, что онъ не богатъ, для меня, только для меня. Вечеромъ зашелъ разговоръ о дѣтяхъ, о нашихъ будущихъ дѣтяхъ. Я не могу вѣрить, чтобъ у меня были дѣти,

а хоть дитя. Не можетъ быть! Я умерла бы отъ счастья. Да если бы они были, какъ бы я успѣла любить ихъ и его? Это нельзя вмѣстѣ. Ну, да что будетъ, то будетъ.

Черезъ мѣсяцъ была свадьба. Къ осени Евграфъ Матвѣевичъ получилъ мѣсто въ министерствѣ, и они переѣхали въ Петербургъ. Въ сентябрѣ она узнала, что она беременна, и въ мартѣ Варвара Николаевна родила перваго сына.

Первые роды, какъ и большей частью бываетъ, были неожиданные, безтолковые, именно потому, что все всѣ хотѣли предвидѣть, и все вышло совсѣмъ навыворотъ...

8 апрѣля 1891.

Фот В. Черткова.

Левъ Николаевичъ на вечерней прогулкѣ у плотины рѣки Воронки.
(Ясная Поляна, лѣто 1908 г.).

ОТЕЦЪ ВАСИЛІЙ.

I.

Была осень. И еще не разсвѣтало, когда къ небольшому, крытому соломой дому въ двѣ связи священника Василія Давыдовича, гремя по замерзшимъ колчужкамъ, подъѣхала телѣга. Изъ телѣги вышелъ мужикъ въ кафтанѣ съ поднятымъ воротникомъ и шапкѣ и, завернувъ лошадь, сталъ стучаться кнутовищемъ въ окно одной изъ связей, тамъ, гдѣ, онъ зналъ, живутъ работница и кухарка.

— Кто тутъ?

— Къ батюшкѣ.

— Чего надо?

— Къ боли.

— Да ты чей будешь?

— Изъ Воздрема.

Работникъ засвѣтилъ огонь, вышелъ въ сѣни и на дворъ и впустилъ мужика въ ворота.

Изъ горницы въ кацавейкѣ, платкѣ и валенкахъ вышла матушка, толстая, приземистая женщина, и заговорила сердитымъ, хриплымъ голосомъ:

— Это еще кого нелегкая принесла?

— За батюшкой пріѣхалъ.

— А вы чего дрыхнете? И печь еще не затапливали.

— Развѣ время?

— Я бы не говорила, коли не время.

Воздремскій мужикъ вошелъ въ людскую избу, перекрестился на иконы, поклонился матушкѣ и сѣлъ у двери на лавкѣ.

Жена его долго мучилась въ родахъ, родила мертваго и теперь сама помирала.

Мужикъ сидѣлъ и, глядя на то, что дѣлалось въ избѣ, думалъ о томъ, какъ онъ повезетъ попа: прямо, или черезъ Косое, какъ онъ

сюда ѣхалъ, или въ объѣздъ. «Ужъ очень плохо подъ селомъ. Ручей замерзъ, а не держитъ. Насилу выбрался». Вошелъ работникъ и, сваливъ вязанку березовыхъ дровъ у печи, попросилъ мужика наколоть лучину изъ сухого полѣна. Мужикъ раздѣлся и сталъ работать.

Священникъ проснулся, какъ онъ всегда просыпался, веселый и бодрый; еще лежа въ постели, перекрестился и прочелъ свою любимую молитву: «Царю небесный», и нѣсколько разъ проговорилъ: «Господи, помилуй!» Потомъ, спустивъ ноги, обулся, умылся, расчесалъ длинные волосы, надѣлъ старый подрясникъ и сталъ передъ иконами на молитву. Въ серединѣ чтенія «Отче нашъ», на словахъ: «и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», онъ остановился и вспомнилъ отца дьякона, который вчера, въ пьяномъ видѣ, встрѣтивъ его, бормоталъ, но такъ, что было слышно: «Фарисеи, лицемѣры». Слова «фарисеи, лицемѣры» особенно обидѣли Василія Давыдовича именно потому, что онъ считалъ себя подверженнымъ всякимъ порокамъ, но только не лицемѣрію. И онъ былъ сердитъ на дьякона. «Да, оставляемъ», проговорилъ онъ въ душѣ, «Богъ съ нимъ», и продолжалъ дальше. При словахъ: «не введи насъ во искушеніе», онъ вспомнилъ, какъ вчера послѣ домашней всенощной, которую онъ служилъ у богатаго помѣщика Молчанова, ему было пріятно пить чай съ ромомъ.

II.

Помолившись, онъ посмотрѣлся въ кривящее лицо зеркальце, расправилъ на обѣ стороны растущіе вокругъ уже большой лысины, расчесанные бѣлокурые волосы, съ удовольствіемъ взглянулъ на свое широкое, доброе, съ рѣдкой бородкой, моложавое, несмотря на его сорокъ два года, лицо и вышелъ въ зальце, въ которое матушка только-что поспѣшно, съ трудомъ вносила готовящійся уйти самоваръ.

— Что же ты сама? А Фекла?

— Что же сама,—передразнила матушка.—А то кому жъ?

— Что же рано такъ?

— Пріѣхалъ за тобой изъ Воздрема къ боли. Женщина умираетъ.

— Давно?

— Да еще даве.

— Что жъ вы меня не разбудили?

Отецъ Василій напился постнаго чаю (была пятница), взялъ дары, надѣлъ шубу, шапку и вышелъ твердой походкой въ сѣнцы. Воздремскій мужикъ ждалъ его въ сѣняхъ.

— Здорово, Митрій, — сказалъ отецъ Василій и, поддерживая рукавъ, перекрестилъ мужика и далъ поцѣловать свою небольшую, твердую руку съ коротко обстриженными ногтями и вышелъ на крыльцо.

Солнце взошло, но его не видно было изъ-за низко нависшихъ тучъ. Мужикъ вывелъ изъ воротъ телѣгу и подалъ къ крыльцу. Василій Давыдовичъ легко поднялся съ чеки задняго колеса на телѣгу и сѣлъ на обернутое дерюжкой сѣно на сидѣньѣ. Митрій сѣлъ рядомъ, тронулъ утробистую, лопоухую кобылу, и телѣга загремѣла по замерзшимъ колчамъ. Попархивалъ снѣжокъ.

III.

Семейство Василія Давыдовича Можайскаго состояло изъ жены, ея матери, старой попадьи, и трехъ дѣтей: двухъ сыновей и дочери. Старшій сынъ кончалъ курсъ въ семинаріи и готовился въ студенты; второй, любимецъ матери, меньшой, пятнадцатилѣтній Алеша, былъ еще въ духовномъ училищѣ; дочь Леня, шестнадцати лѣтъ, жила дома, плохо помогала матери и тяготилась своей жизнью. Самъ Можайскій въ свое время учился въ семинаріи такъ хорошо, что, окончивъ курсъ въ 1840 году одинъ изъ первыхъ, готовился въ академію и мечталъ и о профессорствѣ и объ архіерействѣ. Но мать его, вдова дьячка, съ однимъ сыномъ-пьяницей и тремя дочерьми, была въ великой нуждѣ; и то рѣшеніе, которое онъ тогда принялъ, незамѣтно дало направленіе жертвы и самоотреченія всей его жизни. Чтобы не огорчать старуху мать, онъ рѣшилъ бросить мечты объ академіи и поступить въ сельскіе священники. Онъ сдѣлалъ это изъ любви къ матери, но самъ себѣ онъ совсѣмъ не такъ объяснялъ свой поступокъ: онъ объяснялъ себѣ его своей лѣнью и нелюбовью къ наукѣ.

Мѣсто священника было въ небольшомъ селѣ и получалось при условіи женитьбы на дочери прежняго священника. Мѣсто было небогатое, и прежній священникъ былъ бѣденъ, и бѣдно

было семейство изъ вдовы и двухъ дочерей. Та дочь Анночка, съ которой было связано полученіе мѣста, была некрасивая, но очень бойкая дѣвица, и въ истинномъ смыслѣ слова плѣнила Василія Давыдовича, заставила его безъ размышленія жениться на себѣ. Василій Можайскій женился и сталъ отцомъ Василіемъ, сначала съ короткими, а потомъ съ длинными волосами, и счастливо прожилъ съ своей женой Анной Тихоновной двадцать два года; и теперь, несмотря на короткое романическое увлеченіе Анны Тихоновны студентомъ, сыномъ прежняго дьякона, все такъ же былъ добръ къ ней, какъ и прежде, какъ будто еще нѣжнѣе любилъ ее за то недоброе чувство, которое онъ имѣлъ къ ней во время ея увлеченія. Увлеченіе это было для него поводомъ такого же чувства самоотреченія и забвенія себя, вслѣдствіе котораго онъ отказался отъ академіи, и дало ему такую же незамѣтную внутреннюю, тихую радость.

IV.

Сначала попъ и мужикъ ѣхали молча. Да и дорога по жилью была такая колчеватая, что, несмотря на то, что ѣхали шагомъ, телѣгу бросало изъ стороны въ сторону, и попъ то и дѣло съѣзжалъ съ сидѣнья и поправлялся и запахивался.

Только когда выѣхали за село, и, переѣхавъ черезъ перекопъ, мужикъ поѣхалъ лугомъ, попъ заговорилъ.

— Что жъ, или очень плоха хозяйка-то? — спросилъ онъ.

— Не чаемъ живой быть, — неохотно отвѣтилъ мужикъ.

— Божью власть не руками скласть. Божья воля, — сказалъ попъ. — Что же дѣлать? Терпѣть надоть.

Мужикъ поднялъ голову и взглянулъ въ лицо попа. Онъ, видно, хотѣлъ сказать что-то сердитое, но, увидавъ ласково смотрѣвшее на него лицо, смягчился, мотнулъ головой и только проговорилъ:

— Божья воля-то воля. Да ужъ дюже трудно, батюшка. Одинъ вѣдь. Что съ ребятами станешь дѣлать?

— А ты не впадай духомъ, Богъ подниметъ.

Мужикъ не отвѣчалъ и только обругалъ кобылу, перешедшую съ рыси на шагъ, и задергалъ ее веревочными вожжами.

Въѣхали въ лѣсъ, гдѣ разъѣзженная во всѣ стороны дорога была вездѣ одинаково дурна, и долго ѣхали молча, выглядывая

мѣста, гдѣ лучше проѣхать. Только когда выѣхали на дорогу, шедшую яркими, уклочившимися зеленями, попъ опять заговорилъ:

— Хороши зеленя, — сказалъ онъ.

— Ничего, — сказалъ мужикъ и больше ничего не отвѣчалъ на заговариванія попа.

Въ ранній завтракъ подъѣхали къ двору больной.

Баба была еще жива. Страданія кончились, и она, безсильная поворотиться, лежала на кровати и только движеніемъ глазъ проявляла присутствіе жизни. Она призывающе смотрѣла на священника, и только на священника. Старуха стояла подлѣ нея, дѣти были на печкѣ. Старшая, десяти лѣтъ, въ одной рубашонкѣ, простоволосая, стояла у стола, точно большая, подпершись правой рукой, поддерживаемой лѣвой, молча смотрѣла на мать.

Попъ подошелъ къ больной, прочелъ молитвы, далъ причастіе, перекрестилъ ее и помолился на иконы

Старуха подошла къ умирающей, поглядѣла на нее, покачала головой и накрыла полотномъ лицо умирающей. Отъ умирающей она подошла къ попу и подала ему въ руку монетку. Онъ зналъ, что это пятакъ, и взялъ его.

Хозяинъ вошелъ въ избу.

— Кончилась? — спросилъ онъ.

— Кончается, — сказала старуха.

Услыхавъ это, дѣвочка завыла, что-то приговаривая. Заревѣли въ три голоса и дѣти на печкѣ.

Мужикъ перекрестился, подошелъ къ женѣ и, открывъ полотно, посмотрѣлъ на нее. Безкровное лицо было спокойно и неподвижно. Мужикъ постоялъ надъ умершей минуты двѣ, потомъ осторожно накрылъ лицо опять полотномъ и, опять перекрестившись нѣсколько разъ, повернулся къ попу и сказалъ:

— Что жъ, ѣхать, что ль?

— Что жъ, поѣдемъ.

— Ладно. Попоить кобылу надо.

И мужикъ вышелъ изъ избы.

Старуха причитала и голосила, поминая о сиротахъ безъ родимой матушки, о томъ, что некому накормить, одѣть ихъ, что какъ пташечки выпали изъ гнѣздышка, такъ и дѣтушки безъ родимой матушки. И за каждымъ стихомъ причитанья она съ шумомъ втягивала въ себя воздухъ и, слушая себя, все больше и больше расхо-

чилась. Попъ слушалъ, и ему становилось грустно и жалко дѣтей и хотѣлось что-нибудь сдѣлать для нихъ. Онъ нащупалъ кошелекъ въ карманѣ подрясника и вспомнилъ, что у него остался въ кошелькѣ полтинникъ, полученный вчера за всенощную у Молчанова. Онъ не успѣлъ передать его женѣ, какъ онъ дѣлалъ со всѣми деньгами, и, не думая о послѣдствіяхъ, досталъ полтинникъ и, указавъ старухѣ, положилъ его на окно.

Хозяинъ вошелъ раздѣтый и сказалъ, что попросилъ кума свезть батюшку, а самъ пойдетъ разживаться тесу на домовище.

V.

Кумъ Митрія, везшій домой Василія Давыдовича, былъ бородатый, рыжій, здоровенный мужикъ, общительный и веселый. Онъ по случаю проводовъ сына уже выпилъ и былъ въ особенно веселомъ расположеніи духа.

— Митюхина кобыла вовсе стала, — сказалъ онъ. — Что жъ человѣку не пособить. Пожалѣть надо. Вѣрно я говорю? Но, ты, милокъ, — крикнулъ онъ на гнѣдого меринка съ круто подвязаннымъ хвостомъ, настегивая его.

— А ты полегче, — сказалъ Василій Давыдовичъ, трясясь по колчамъ дороги.

— Что жъ, можно и полегче. Что жъ, померла?

— Да, кончилась, — сказалъ попъ.

Рыжему хотѣлось и пожалѣть, хотѣлось и посмѣяться.

— Что жъ: бабу взялъ, дѣвку дастъ, — сказалъ онъ, поддаваясь голосу веселья.

— Нѣтъ, жалко сердечнаго, — сказалъ попъ.

— Какъ не жалко. Бѣднота. Одинъ. Пришелъ, говоритъ: свези попа, моя кобыла стала. Что жъ, пожалѣть надо. Такъ я говорю, батюшка?

— А ты, я вижу, уже выпилъ, а? Это напрасно, Федоръ. Нынче будни.

— Развѣ я на чужія? Я на свои. Сына провожалъ. Прости, батюшка, Христа ради.

— Мнѣ что прощать. Я только къ тому, что лучше не пить.

— Извѣстно, лучше, да какъ же быть. Кабы я какой-нибудь, а то, вѣдь, живешь слава Богу. Передъ людьми нельзя. А я Митрія

жалѣю. Какъ не жалѣть. Лѣтось у него же мерина увелъ какой-то. Тоже народъ нынче сталъ.

И Федоръ сталъ разсказывать длинную исторію, какъ съ ярмарки лошадей угнали, какъ одну зарѣзали на шкуру, а другую перехватили мужики.

— И уже били, такъ били, — съ удовольствіемъ разсказывалъ Федоръ.

— Что же бить-то, зачѣмъ?

— А что же его, гладить, что ли?

Въ такихъ разговорахъ доѣхали до дома Василія Давыдовича.

Василій Давыдовичъ надѣялся отдохнуть, но на его несчастье безъ него была получена бумага отъ благочиннаго и письмо отъ сына. Бумага отъ благочиннаго была не важная, но письмо сына вызвало семейную бурю, усиленную еще тѣмъ, что попадья потребовала отъ него деньги за вчерашнюю всенощную, а полтинника не было. Потеря этого полтинника только усилила гнѣвъ жены; но главная причина гнѣва было письмо сына и невозможность исполнить его желаніе, невозможность, причину которой попадья видѣла въ беззаботности своего мужа...

1906.

КТО УБІЙЦЫ?

ПАВЕЛЪ КУДРЯШЪ [1]).

---

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

1.

Это было 17 іюня 1906 года.

Овсы взошли хорошо, всходила и гречиха; рожь выколосилась и сбиралась цвѣсть. Народъ взялся за навозъ. Стояла жара. Подходило къ полдню. Семенъ Бурылинъ свалилъ послѣднія кучи на свое паровое поле и на двоемъ возвращался домой, дремля на передкѣ передней телѣги. Дорога шла овсами.

— Дядя! Гей! дядя Семенъ!—кричалъ звонкій дѣвичій голосъ.

Семенъ очнулся и увидалъ встрѣчные два воза съ навозомъ и здоровую, босую дѣвку въ красномъ платкѣ, съ утыканными васильками, въ синей кофтѣ и сѣрой юбкѣ. Дѣвка стояла подлѣ воза и смѣясь окликала Семена:

— Задремалъ, дядя Семенъ? А?

— И то. А! Графена Марковна, — шутливо проговорилъ Семенъ, раскрывая глаза. — А что же Ванька-то? (Ванька былъ братъ Аграфены, а Аграфена была пропита, образована за Павла, сына Семена.)

— Въ Москву, шелудивый, ушелъ, тоже на мѣсто поставили.

— Ну? — отозвался Семенъ. — Что же, велѣла Павлушку провѣдать? Соскучилась, я чай?

— Что мнѣ твой Павлушка? Очень онъ мнѣ нуженъ. Ну его къ лѣшему. Сворачивай, что ль.

Дѣвка нахмурилась и покраснѣла

— Эка ты щекотлива, погладиться не дастся. Что гнѣваешься? Хозяинъ не пущаетъ. Дай разговѣемся. Онъ въ письмѣ пишетъ тебѣ поклонъ...

Семенъ объѣхалъ.

— Ладно, ладно!

Дѣвка улыбнулась, и все лицо ея разсіяло.

Задняя лошадь Семенова не заворотила совсѣмъ, и заднее колесо было на дорогѣ. Грушка зашла сзади телѣги и сильнымъ движеніемъ откинула задъ вправо. Ея возъ прошелъ.

— Что жъ, я не обижаюсь, — сказала она.

— То-то, мы тебя какъ жалѣемъ.

— Но, стала!—крикнула дѣвка на свою лошадь и, быстро сѣменя загорѣлыми ногами, догнала ее.

— Ахъ, хороша дѣвка! — проговорилъ Семенъ, покачивая головой. — Охъ, Павлушка, мотри. Упустишь — не воротишь.

Семенъ отпрегъ на подчищенномъ дворѣ, кликнулъ малаго и послалъ его съ лошадьми въ денное. Навозъ былъ довоженъ, но работы было много. Надо было заплести плетень у огорода, надо было картошку пропахать, надо было косу отбить, — сказывали, завтра къ купцу косить зовутъ, — надо было и рѣшетнику на сарай либо купить, либо выпросить, либо такъ, крадучи, взять въ лѣсу; надо было и письмо Павлу писать

Еще дорогой домой онъ передумалъ всѣ эти дѣла и рѣшилъ лошадей не трогать, «заморилъ ужъ ихъ, пущай вздохнутъ», и письмо трудно писать, а за косу взяться, отбить.

Аксинья собрала обѣдать. Семенъ перекрестился на иконы и сѣлъ за столъ со старухой-матерью, дѣвкой и малымъ. Похлебавъ щей, Семенъ заговорилъ о Павлѣ.

2.

Павелъ жилъ конторщикомъ въ Москвѣ на «пафемерной» (парфюмерной) фабрикѣ, получалъ восемнадцать рублей и покамѣстъ хорошо присылалъ; прислалъ и послѣдній мѣсяцъ, да обѣщался побывать, а не пріѣхалъ.

— Ужъ не заболтался ли? По нынѣшнимъ временамъ того гляди. Ослабъ народъ.

Такъ толковалъ Семенъ за обѣдомъ, пережевывая хлѣбъ и картошку. Старуха поддакивала объ опасностяхъ теперешнихъ временъ. Аксинья, весело, бодро служа, присаживалась, ѣла и живо собирала на столъ и со стола и, радостно подмигивая глазами, — а глаза у нея были блестящіе, умные, — хвалила сына, улыбалась при одной мысли о немъ и ждала отъ него всего только хорошаго.

Разговоръ о сынѣ зашелъ потому, что Семенъ разсказалъ про Аграфену, съ которой Пашка былъ образованъ, и говорилъ о томъ, какъ онъ думаетъ теперь же, послѣ Петрова, до рабочей поры, женить.

— Хорошее дѣло, ахъ, хорошее дѣло! — говорила Аксинья.— Что жъ, пошли ему письмо. Авось пріѣдетъ. Даве Матрена сказывала,—видали его. Такой щеголь, говоритъ, ровно баринъ.

— Что жъ, — сказала старуха, отвѣчая не на слова, а на мысли, главное, чувства, которыя, она знала, поднялись въ сердцѣ ея невѣстки: чувства нѣжной любви, главной радости ея жизни— Пашки. — Что же, — какъ бы оправдывая Аксинью, сказала она,— малый ничего, хоть всякому отцу лестно. Не буянъ, не пьяница. Малый—что говорить.

Такъ говорила бабка и точно одобряла внука.

«Ну его къ лѣшему», сказала Аграфена Семену. Она считала, что такъ нужно сказать. Но когда она одна, отпрягши лошадь, пошла съ дѣвками купаться, она не переставая думала о Пашкѣ, вспоминая его статную фигуру, усики, веселое лицо, его выходку подъ гармонію и улыбку, когда онъ не могъ удержаться отъ удовольствія о томъ, что можетъ такъ плясать хорошо. Потомъ вспомнила, какъ онъ на Рожествѣ, на засидкахъ, подошелъ къ ней, выбралъ ее изъ всѣхъ дѣвокъ и робко и уважительно, вытянутыми губами поцѣловалъ ее.

Такъ думали о Павлѣ въ этотъ день, 17-го [1]) іюня, въ деревнѣ. Съ Павлушкой же наканунѣ этого дня [2]) случилось, казалось бы, неважное событіе, но такое, отъ котораго измѣнилась вся его жизнь.

3.

Полтора года тому назадъ отецъ Павла привезъ его въ городъ, поладилъ съ евреемъ, хозяиномъ парфюмерной фабрики, и, оставивъ ему посланныя Аксиньей рубахи и жилетку, самъ уѣхалъ.

Павелъ жилъ въ деревнѣ, какъ живутъ всѣ въ молодые годы и огромное большинство людей до смерти: руководясь въ своей жизни только тѣмъ, что дѣлали всѣ вокругъ него, всѣ его близкіе. Если

---

[1]) См. примѣчаніе 2-е.
[2]) См. примѣчаніе 3-е.

онъ отклонялся отъ того, что дѣлали всѣ, то только когда увлекался страстью. Но, отклоняясь, зналъ, что дѣлаетъ дурно; такъ что считалъ хорошимъ то, что люди считали хорошимъ, и дурнымъ то, что люди считали таковымъ. Въ деревнѣ руководствомъ его поведенія былъ общій деревенскій складъ жизни: хорошо было не болтаться, а работать, и умѣть работать; не робѣть ни передъ чѣмъ, быть выносливымъ, не поддаваться въ обиду; ко времени и повеселиться, и выпить можно, и поругаться, и подраться, если не выдержишь. «Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ». Если выйдетъ случай попользоваться отъ богачей — не зѣвать; но своего брата не обижать, а по чести. Во всякомъ же случаѣ, объ душѣ и о Богѣ помнить: мало того, что къ попу ходить и молитву творить въ свое время, но и нищаго не отгонять, а помогать по силѣ, по мочи. Пока молодъ — веселись, не грѣхъ; но не воруй, не распутничай, не напивайся безъ времени, а главное, дѣло понимай и стариковъ слушай...

Таковы были требованія деревни и опредѣленія хорошаго и дурного. И Павлушка держался ихъ, не разбирая ихъ. Но и въ деревнѣ, отдаваясь требованіямъ окружающихъ, онъ по книгамъ, которыя онъ любилъ читать и читалъ, понималъ, что есть какая-то другая жизнь, предъявляющая свои какія-то, другія требованія. Но въ чемъ они состояли, онъ не могъ понять, и это смутно интересовало его. Читая все, что попадало ему, онъ ждалъ отвѣта на этотъ вопросъ; но читанныя имъ книги не давали этого отвѣта.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

1908—1909.

ІЕРОМОНАХЪ ИСИДОРЪ.

I

Іеромонахъ Исидоръ, опустивъ голову и закрывъ глаза, сидѣлъ во время службы въ алтарѣ скитской церкви. Сейчасъ ему надо будетъ встать, подойти къ престолу, стать лицомъ къ царскимъ дверямъ и сдѣлать руками извѣстныя движенія, произнести извѣстныя слова и потомъ подойти къ алтарю, взять въ руки серебряную золоченую чашу и начать совершать таинство причащенія тѣломъ и кровью Христа-Бога.

Прошло уже три съ половиной года съ тѣхъ поръ, какъ онъ, князь Иванъ Тверской, пересталъ быть княземъ Тверскимъ и отставнымъ гвардіи полковникомъ, а сталъ смиреннымъ инокомъ Исидоромъ,—и никогда еще не было съ нимъ того, что было сейчасъ.

Первые послѣ постриженія три года его жизни въ уединенной кельѣ въ лѣсу, жизни, во время которой онъ видѣлся только съ старцемъ-руководителемъ и съ сестрой, разъ въ годъ пріѣзжавшей къ нему, и братіею въ церкви, съ которой онъ не имѣлъ никакихъ сношеній, жизнь его была сплошной восторгъ. Все большее и большее сознаніе въ своей душѣ Бога, по мѣрѣ все большаго и большаго освобожденія себя отъ страстей тѣла, давало ему полное удовлетвореніе. И бесѣды съ древнимъ, кроткимъ, простодушнымъ и глубоко-религіознымъ старцемъ, и чтеніе священныхъ книгъ, пророчествъ, Евангелій, посланій и особенно близкаго его сердцу посланія Павла, и одинокая молитва не только по опредѣленнымъ временамъ, но постоянное молитвенное настроеніе: памятованіе о временности тѣлесной жизни и о сознаніи въ себѣ Бога,—давали ему не только удовлетвореніе, но сознаніе свободы отъ узъ тѣла и радость, доходящую до восторга.

Такъ это продолжалось почти три года. Но въ концѣ этихъ трехъ лѣтъ съ нимъ случилось то, что вмѣстѣ съ этими минутами, часами, днями восторга стали повторяться и минуты, и часы, и дни упадка духа, слабости, унынія. Исидоръ сообщилъ объ этомъ старцу, и старецъ посовѣтовалъ — а совѣтъ старца былъ для Исидора повелѣніемъ—служить въ церкви по очереди съ братьею и принимать приходящихъ. Про отца Исидора уже давно говорили тѣ, кто посѣщали монастырь; и какъ только стало извѣстно, что онъ принимаетъ, посѣтители осадили его. Въ первое время и сознаніе послушанія старцу, и той пользы, которую онъ могъ принести людямъ, и той физической усталости, которую онъ испытывалъ при исполненіи всѣхъ новыхъ, возникшихъ для него обязанностей, совершенно избавили его отъ тѣхъ часовъ и дней унынія, которые онъ прежде испытывалъ. Ему пріятна бывала и самая тѣлесная и душевная усталость, которыя онъ испытывалъ, исполняя всѣ возлагавшіяся на него обязанности. Служеніе еженедѣльное въ церкви, которое совѣтовалъ старецъ, тоже возбудительно дѣйствовало на него.

Сейчасъ, сидя въ алтарѣ въ креслѣ и ожидая своего времени, онъ, какъ это всегда бываетъ, совершенно неожиданно и неумѣстно думалъ о томъ разговорѣ, который у него былъ нынче утромъ съ посѣтительницей-исповѣдницей. Старая дѣвица, институтская классная дама, очевидно, восторженно - преданная ему, говорила ему о томъ великомъ добрѣ, которое онъ дѣлаетъ людямъ своей жизнью и своими поученіями, и что ее онъ спасъ отъ невѣрія, погибели. Когда она утромъ говорила ему это, онъ не обратилъ вниманія на эти слова. Сейчасъ же онъ, по случаю молитвы... [1]) вспомнилъ о нихъ и ужаснулся на то, какъ они польстили, порадовали его; понялъ, насколько эта похвала, насколько вообще слава людская еще важна, дорога для него. И вспомнивъ о словахъ этой женщины, онъ вспомнилъ и о томъ, что ему говорилъ льстивый казначей; о томъ удовольствіи, которое онъ испыталъ, когда добродушный старецъ, поговоривъ о тѣхъ посѣтителяхъ, которые ходятъ къ нему, къ Исидору, улыбаясь сказалъ ему, что онъ теперь еще веселѣй помретъ, зная, что есть ему замѣститель. Вспомнилъ разъ за разомъ случаи, гдѣ онъ, забывая душу и Бога, весь отдавался славѣ люд-

---

[1]) Многоточіе въ оригиналѣ.

ской. И онъ ужаснулся и сталъ молиться, прося Бога помочь ему. И подумалъ, что сейчасъ избавитъ его отъ этого соблазна та важная минута совершенія таинства, которая предлежала ему. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Или вамъ не по себѣ, батюшка? — сказалъ Евменій.

— Да, что-то... да, да, нездоровится, — солгалъ онъ.

Многіе, замѣтивъ его волненіе, приписывали это особому, сверхъестественному религіозному настроенію. Поклонницы его толпились у его кельи; но онъ никого не принялъ и заперся въ своей кельѣ.

II.

Въ этотъ же день Исидоръ побывалъ у старца и, вернувшись въ келью, безвыходно пробылъ въ ней двѣнадцать дней. Рыжій Митрій приносилъ ему съ трапезы обѣдъ и ужинъ и все съѣдалъ самъ. Исидоръ ничего не ѣлъ и питался во всѣ эти дни просфорами и водой. Митрій слышалъ его вздохи, его плачъ и его громкую молитву. . . . . — . . . . . .

. . . . . .

. . . . . [1]).

1909.

---

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

ХОДЫНКА.

— Не понимаю этого упрямства. Зачѣмъ тебѣ не спать и итти «въ народъ», когда ты можешь спокойно ѣхать завтра съ тетей Вѣрой прямо въ павильонъ. И все увидишь. Я вѣдь говорилъ тебѣ, что Беръ мнѣ обѣщалъ провести тебя. Да ты, какъ фрейлина, и имѣешь право.

Такъ говорилъ извѣстный всему высшему свѣту подъ прозвищемъ «Пижонъ» князь Павелъ Голицынъ своей 23-лѣтней дочери Александрѣ, по признанному за нею прозвищу «Рина».

Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ 17-го мая 1896 года, въ Москвѣ, наканунѣ народнаго праздника коронаціи. Дѣло было въ томъ, что Рина, красивая, сильная дѣвушка, съ характернымъ голицынскимъ профилемъ, горбатымъ носомъ хищной птицы, уже пережила періодъ увлеченій свѣтскими балами и была или, по крайней мѣрѣ, считала себя передовой женщиной и была народницей. Она была единственная дочь и любимица отца и дѣлала, что хотѣла. Теперь ей взбрела мысль, какъ говорилъ отецъ, итти на народное гулянье съ своимъ кузеномъ не въ полдень съ Дворомъ, а вмѣстѣ съ народомъ, съ дворникомъ и помощникомъ кучера, которые шли изъ ихъ дома и собирались выходить рано утромъ.

— Да мнѣ, папà, хочется не смотрѣть на народъ, а быть съ нимъ. Мнѣ хочется видѣть его отношеніе къ молодому царю. Неужели нельзя хоть разъ...

— Ну, дѣлай, какъ хочешь. Я знаю твое упрямство.

— Не сердись, милый папà. Я тебѣ обѣщаюсь, что буду благоразумна, и Алекъ будетъ неотступно со мной.

Какъ ни странна и дика казалась эта затѣя отцу, онъ не могъ не согласиться.

— Разумѣется, возьми, — отвѣтилъ онъ на ея вопросъ, можно ли взять коляску. — Доѣдешь до Ходынки и пришлешь назадъ.

— Ну, такъ такъ.

Она подошла къ нему. Онъ, по обычаю, перекрестилъ ее, она поцѣловала его большую бѣлую руку, и они разошлись.

Въ этотъ же вечеръ въ квартирѣ, сдававшейся извѣстной Марьей Яковлевной рабочимъ съ папиросной фабрики, шли также разговоры о завтрашнемъ гуляньѣ. Въ квартирѣ Емельяна Ягоднаго сидѣли зашедшіе къ нему товарищи и сговаривались, когда выходить.

— Въ пору ужъ и не ложиться, а то того гляди проспишь,— говорилъ Яша, веселый малый, жившій за перегородкой.

— Отчего не поспать, — отвѣчалъ Емельянъ. — Съ зарей выйдемъ. Такъ и ребята сказывали.

— Ну, спать, такъ спать. Только ужъ ты, Семенычъ, разбуди, коли что.

Семенычъ (Емельянъ) обѣщалъ и самъ досталъ изъ стола шелковыя нитки, подвинулъ къ себѣ лампу и занялся пришивкой оторванной пуговицы къ лѣтнему пальто. Окончивъ дѣло, приготовилъ лучшую одежу, выложивъ на лавку, вычистилъ сапоги, потомъ помолился, прочтя нѣсколько молитвъ: «Отче», «Богородицу», значенія которыхъ онъ не понималъ да и никогда не интересовался, и, снявъ сапоги и портки, легъ на примятый тюфячокъ скрипучей кровати.

«Отчего же?—думалъ онъ.—Бываетъ же людямъ счастье. Може, и точно попанется выигрышный билетъ». (Среди народа былъ слухъ, что, кромѣ подарковъ, будутъ раздавать еще и выигрышные билеты.) «Ужъ что тамъ десять тысячъ. Хушь бы пятьсотъ рублей. То-то бы надѣлалъ дѣловъ: старикамъ бы послалъ, жену бы съ мѣста снялъ. А то какая жизнь врозь. Часы бы настоящіе купилъ. Шубу бы себѣ и ей сдѣлалъ. А то бьешься, бьешься и все изъ нужды не выбьешься».

И вотъ стало ему представляться, какъ онъ съ женой идетъ по Александровскому саду, а тотъ самый городовой, что лѣтось его забралъ за то, что онъ пьяный ругался, что этотъ городовой ужъ не городовой, а генералъ, и генералъ этотъ ему смѣется и

зоветъ въ трактиръ органъ слушать. И органъ играетъ, и играетъ точно какъ часы бьютъ. И Семенычъ просыпается и слышитъ, что часы шипятъ и бьютъ, и хозяйка, Марья Яковлевна, за дверью кашляетъ, а въ окнѣ ужъ не такъ темно, какъ было вчера.

«Какъ бы не проспать».

Емельянъ встаетъ, идетъ босыми ногами за перегородку, будитъ Яшу, одѣвается, маслитъ голову, причесывается, глядитъ въ разбитое зеркальце.

«Ничего, хорошо. За то и дѣвки любятъ. Да не хочу баловаться»...

Идетъ къ хозяйкѣ. Какъ вчера уговорено, беретъ въ мѣшочекъ пирога, два яйца, ветчины, полбутылки водки, и чуть занимается заря, они съ Яшей выходятъ со двора и идутъ къ Петровскому парку. Они не одни: и впереди идутъ, и сзади догоняютъ, и со всѣхъ [сторонъ] выходятъ и сходятся и мужчины, и женщины, и дѣти, всѣ веселые и нарядные, на одну и ту же дорогу.

И вотъ дошли до Ходынскаго поля. А тутъ ужъ народъ по всему полю чернѣетъ, и изъ разныхъ мѣстъ дымъ идетъ. Заря была холодная, и люди раздобываютъ сучьевъ, полѣньевъ и раздуваютъ костры. Сошелся Емельянъ съ товарищами; тоже костеръ развели, сѣли, достали закуску, вино. А тутъ и солнце взошло, чистое, ясное, и весело стало. Играютъ пѣсни, болтаютъ, шутятъ, смѣются, всему радуются, радости ожидаютъ. Выпилъ Емельянъ съ товарищами, закурилъ, и еще веселѣй стало.

Всѣ были нарядны, но и среди нарядныхъ рабочихъ и ихъ женъ замѣтны были богачи и купцы съ женами и дѣтьми, которые попадались промежъ народа. Такъ замѣтна была Рина Голицына, когда она, радостная, сіяющая отъ мысли, что она добилась своего и съ народомъ, среди народа, празднуетъ восшествіе на престолъ обожаемаго народомъ царя, ходила съ братомъ Алекомъ между кострами.

— Проздравляю, барышня хорошая! — крикнулъ ей молодой фабричный, поднося ко рту стаканчикъ. — Не побрезгуй нашей хлѣба-соли.

— Спасибо.

— Кушайте сами, — подсказалъ Алекъ, щеголяя своимъ знаніемъ народныхъ обычаевъ, и они прошли дальше.

По привычкѣ всегда занимать первыя мѣста, они, пройдя по полю между народомъ, гдѣ становилось ужъ тѣсно (народу было такъ много, что, несмотря на ясное утро, надъ полемъ стоялъ густой туманъ отъ дыханія народа), они пошли прямо къ павильону. Но полицейскіе не пустили ихъ.

— И прекрасно. Пожалуйста, пойдемъ опять туда, — сказала Рина. И они опять вернулись къ толпѣ.

— Вре, — отвѣчалъ Емельянъ, сидя съ товарищами вокругъ разложенной [на] бумагѣ закуски, на разсказъ подошедшаго знакомаго фабричнаго о томъ, что выдаютъ. — Вре.

— Я тебѣ сказываю. Не по закону, а выдаютъ. Я самъ видѣлъ. Несетъ и узелокъ и стаканъ.

— Извѣстно, шельмы артельщики. Имъ что. Кому хотятъ, тому даютъ.

— Да это что же? Развѣ это можно — противу закону?

— Вотъ-те можно.

— Да идемъ, ребята. Чего смотрѣть на нихъ.

Всѣ встали. Емельянъ убралъ свою бутылочку съ оставшейся водкой и пошелъ впередъ вмѣстѣ съ товарищами.

Не прошелъ онъ двадцати шаговъ, какъ народъ стѣснилъ такъ, что итти стало трудно.

— Чего лѣзешь?

— А ты чего лѣзешь?

— Что жъ ты — одинъ?

— Да буде.

— Батюшки, задавили, — послышался женскій голосъ. Дѣтскій крикъ слышался съ другой стороны.

— Ну тебя къ матери...

— Да ты что? Али тебѣ одному нужно?

— Всю разберутъ. Ну, дай доберусь до нихъ. Черти, дьяволы!

Это кричалъ Емельянъ и, напруживая здоровыя, широкія плечи и растопыривая локти, раздвигалъ, какъ могъ, и рвался впередъ, хорошенько не зная, зачѣмъ, потому только, что всѣ рвались и что ему казалось, что прорваться впередъ непремѣнно нужно. Сзади его, съ обоихъ боковъ были люди, и всѣ

жали его, а впереди люди не двигались и не пускали впередъ. И всѣ что-то кричали, кричали, стонали, охали.

Емельянъ молчалъ и, стиснувъ здоровые зубы и нахмуривъ брови, не унывая, не ослабѣвая и толкая переднихъ, хоть медленно, но двигался.

Вдругъ все всколыхнулось и, послѣ ровнаго движенія, шарахнулось впередъ и въ правую сторону. Емельянъ взглянулъ туда и увидалъ, какъ пролетѣло что-то одно, другое, третье и упало въ толпу. Онъ не понялъ, что это такое, но близко около него чей-то голосъ закричалъ:

— Черти проклятые, въ народъ швырять стали.

И тамъ, куда летѣли мѣшочки съ подарками, слышны были крики, хохотъ, плачъ и стоны. Емельяна кто-то больно толкнулъ подъ бокъ. Онъ сталъ еще мрачнѣе и сердитѣе. Но не успѣлъ онъ опомниться отъ этой боли, какъ кто[-то] наступилъ ему на ногу. Пальто, его новое пальто, зацѣпилось за что-то и разорвалось. Въ сердце ему вступила злоба, и онъ изъ всѣхъ силъ сталъ напирать на передовыхъ, толкая ихъ передъ собой.

Но тутъ вдругъ случилось что-то такое, чего онъ не могъ понять. То онъ ничего не видалъ передъ собой, кромѣ спинъ людскихъ, а тутъ вдругъ все, что было впереди, открылось ему. Онъ увидалъ палатки, тѣ палатки, изъ которыхъ должны были раздавать гостинцы. Онъ обрадовался, но радость его была только одну минуту, потому что тотчасъ же онъ понялъ, что открылось ему то, что было впереди, только потому, что они всѣ подошли къ рву, и всѣ передніе, кто на ногахъ, кто котомъ, свалились въ него, и самъ онъ валится туда же, на людей. Валится самъ на людей, а на него валятся другіе, задніе. Тутъ въ первый разъ на него напалъ страхъ. Онъ упалъ. Женщина въ ковровомъ платкѣ навалилась на него. Онъ стряхнулъ ее съ себя, хотѣлъ вернуться, но сзади давили, и не было силъ. Онъ подался впередъ, но ноги его ступали по мягкому — по людямъ. Его хватали за ноги и кричали. Онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ и продирался впередъ, ступая по людямъ.

— Братцы, часы возьмите, золотые. Братцы, выручьте,— кричалъ человѣкъ подлѣ него.

«Не до часовъ теперь», подумалъ Емельянъ и сталъ выбираться на другую сторону рва.

Въ душѣ его было два чувства, и оба мучительныя: одно — страхъ за себя, за свою жизнь, другое — злоба противъ всѣхъ этихъ ошалѣлыхъ людей, которые давили его. А между тѣмъ та съ начала поставленная себѣ цѣль: дойти до палатокъ и получить мѣшокъ съ гостинцами и въ немъ выигрышный билетъ, съ самаго начала поставленная имъ себѣ, влекла его.

Палатки уже были въ виду. Видны были артельщики, слышны были крики тѣхъ, которые успѣли дойти до палатокъ, слышенъ былъ и трескъ досчатыхъ проходовъ, въ которыхъ спиралась передняя толпа.

Емельянъ понатужился, и ему оставалось ужъ не больше двадцати шаговъ, когда онъ вдругъ услышалъ подъ ногами, скорѣе, между ногъ дѣтскій крикъ и плачъ. Емельянъ взглянулъ подъ ноги. Мальчикъ простоволосый, въ разорванной рубашонкѣ, лежалъ навзничь и, не переставая голося, хваталъ его за ноги. Емельяну вдругъ что-то вступило въ сердце. Страхъ за себя прошелъ, прошла и злоба къ людямъ. Ему стало жалко мальчика. Онъ нагнулся, подхватилъ его подъ животъ, но задніе такъ наперли на него, что онъ чуть не упалъ, выпустилъ изъ рукъ мальчика, но тотчасъ же, напрягши всѣ силы, опять подхватилъ его и вскинулъ себѣ на плечо. Напиравшіе менѣе стали напирать, и Емельянъ понесъ мальчика.

— Давай его сюда! — крикнулъ шедшій вплоть съ Емельяномъ кучеръ и взялъ мальчика и поднялъ его выше толпы.

— Бѣги по народу.

И Емельянъ, оглядываясь, видѣлъ, какъ мальчикъ, то ныряя въ народѣ, то поднимаясь надъ нимъ, по плечамъ и головамъ людей уходилъ все дальше и дальше.

Емельянъ продолжалъ двигаться. Нельзя было не двигаться, но теперь его уже не занимали ни подарки ни то, чтобы дойти до палатокъ. Онъ думалъ объ мальчикѣ и о томъ, куда дѣлся Яша, и о тѣхъ задавленныхъ людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ, когда проходилъ по валу. Добравшись до палатки, онъ получилъ мѣшочекъ и стаканъ, но это уже не радовало его. Порадовало его въ первую минуту то, что здѣсь кончалась давка, можно было дышать и двигаться. Но тутъ же, сейчасъ и эта радость прошла отъ того, что онъ увидалъ здѣсь. А увидалъ онъ женщину въ полосатомъ, разорванномъ платьѣ, съ растрепанными русыми волосами и

въ ботинкахъ съ пуговками. Она лежала навзничь; ноги въ ботинкахъ прямо торчали кверху. Одна рука лежала на травѣ, другая была, съ сложенными пальцами, ниже грудей. Лицо было не блѣдное, а съ синевой бѣлое, какое бываетъ только у мертвыхъ. Эта женщина была первая задавлена на-смерть и была выкинута сюда, за ограду, передъ царскимъ павильономъ.

Въ то время, когда Емельянъ увидалъ ее, надъ ней стояли два городовыхъ, и полицейскій что-то приказывалъ. И тутъ же подъѣхали казаки, и начальникъ что-то приказалъ имъ, и они пустились на Емельяна и другихъ людей, стоявшихъ здѣсь, и погнали ихъ назадъ въ толпу. Емельянъ опять попалъ въ толпу. Опять давка, и давка еще худшая, чѣмъ прежде. Опять крики, стоны женщинъ, дѣтей, опять одни люди топчутъ другихъ и не могутъ не топтать. Но у Емельяна ужъ не было теперь ни страха за себя ни злобы къ тѣмъ, кто давилъ его, — было одно желаніе уйти, избавиться, разобраться въ томъ, что поднялось въ душѣ, закурить и выпить. Ему страшно хотѣлось закурить и выпить, и онъ добился своего: вышелъ на просторъ и закурилъ и выпилъ.

Но не то было съ Алекомъ и съ Риной. Не ожидая ничего, они шли между сидящимъ кружками народомъ, разговаривая съ женщинами, дѣтьми, какъ вдругъ народъ весь ринулся къ палаткамъ, когда прошелъ слухъ, что артельщики не по закону раздаютъ гостинцы.

Не успѣла Рина оглянуться, какъ она уже была оттерта отъ Алека, и толпа понесла ее куда-то. Ужасъ охватилъ ее. Она старалась молчать, но не могла, и вскрикивала, прося пощады. Но пощады не было, ее давили все больше и больше, платье обрывали, шляпа слетѣла. Она не могла утверждать, но ей казалось, что съ нея сорвали часы съ цѣпочкой. Она была сильная дѣвушка и могла бы еще держаться, но душевное состояніе ея—ужаса—было мучительно, она не могла дышать. Оборванная, измятая, она кое-какъ держалась; но въ тотъ часъ, когда казаки бросились на толпу, чтобы разогнать ее, она, Рина, отчаялась, и какъ только отчаялась, ослабѣла, и съ ней сдѣлалось дурно. Она упала и ничего больше не помнила.

Когда она опомнилась, она лежала навзничь на травѣ. Какой-то человѣкъ, въ родѣ мастерового, съ бородкой, въ разорванномъ пальто, сидѣлъ на корточкахъ передъ нею и брызгалъ ей въ лицо водою. Когда она открыла глаза, человѣкъ этотъ перекрестился и выплюнулъ воду. Это былъ Емельянъ.

— Гдѣ я? Кто вы?

— На Ходынкѣ. А я кто? Человѣкъ я. Тоже помяли и меня. Да нашъ братъ все вытерпитъ, — сказалъ Емельянъ.

— А это что? — Рина указала на деньги мѣдныя у себя на животѣ.

— А это, значитъ, такъ думалъ народъ, что померла, такъ на похороны. А я приглядѣлся, думаю: нѣтъ, жива. Сталъ отливать.

Рина оглянулась на себя и увидала, что она вся растерзанная, и часть груди ея голая. Ей стало стыдно. Человѣкъ понялъ и закрылъ ее.

— Ничего, барышня, жива будешь.

Подошелъ еще народъ, городовой. Рина приподнялась и сѣла, и объявила, чья она дочь и гдѣ живетъ. А Емельянъ пошелъ за извозчикомъ.

Народу ужъ собралось много. Когда Емельянъ пріѣхалъ на извозчикѣ, Рина встала. Ее хотѣли подсаживать, но она сама сѣла. Ей только было стыдно за свою растерзанность.

— Ну, а братецъ-то гдѣ? — спрашивала одна изъ подошедшихъ женщинъ у Рины.

— Не знаю. Не знаю, — съ отчаяніемъ проговорила Рина. (Пріѣхавъ домой, Рина узнала, что Алекъ, когда началась давка, успѣлъ выбраться изъ толпы и вернулся домой безъ всякаго поврежденія.)

— Да, вотъ онъ спасъ меня, — говорила Рина. — Если бы не онъ, не знаю, что бы было. Какъ васъ зовутъ? — обратилась она къ Емельяну.

— Меня-то? Что меня звать.

— Княжна вѣдь она, — подсказала ему одна изъ женщинъ, — бога-а-а-тая.

— Поѣдемте со мной къ отцу. Онъ васъ отблагодаритъ.

Факсимиле Льва Николаевича изъ разсказа „Ходынка".

И вдругъ у Емельяна на душѣ что-то поднялось такое сильное, что не промѣнялъ бы на двухсоттысячный выигрышъ.

— Чего еще. Нѣтъ, барышня, ступайте себѣ. Чего еще благодарить.

— Да нѣтъ же, я не буду спокойна.

— Прощай, барышня, съ Богомъ. Только пальто мою не увези.

И онъ улыбнулся такой бѣлозубой, радостной улыбкой, которую Рина вспоминала, какъ утѣшеніе, въ самыя тяжелыя минуты своей жизни.

25 февр. 1910.

ДВѢ РАЗЛИЧНЫЯ ВЕРСІИ ИСТОРІИ УЛЬЯ СЪ ЛУБОЧНОЙ КРЫШКОЙ.

Первая версія [исторіи] улья съ лубочной крышкой была составлена трутнемъ-исторіографомъ Прупру. Другая же версія составлена одной изъ рабочихъ пчелъ.

Исторія улья съ лубочной крышкой, составленная трутнемъ, начинается перечисленіемъ матеріаловъ и источниковъ. Матеріалы и источники слѣдующіе: Записки знаменитыхъ трутней. Переписка Его Высочества трутня Дебе Старшаго съ его свѣтлостью Куку младшимъ. Гофъ-Фурьерскій журналъ. Устныя преданія, пѣсни и романсы трутней. Уголовныя и гражданскія дѣла между трутнями и пчелами. Описанія путешествій жуковъ, мошекъ и трутней чужихъ ульевъ. Статистическія свѣдѣнія о количествѣ меда въ различные періоды жизни улья.

Исторія улья съ лубочной крышкой исторіографа Прупру начинается со времени перваго роенія и появленія первыхъ трутней. По описаніямъ трутня Прупру, время это, отъ 6-го іюня до Петрова дня, было самымъ цвѣтущимъ временемъ улья съ лубочной крышкой. Сила и богатство улья обращали на себя въ это время вниманіе всѣхъ другихъ ульевъ, возбуждали зависть сосѣдей и привлекали къ себѣ знаменитыхъ посѣтителей. И самъ улей находился подъ особымъ покровительствомъ самого дѣда Анисима. Ульи всѣ работали въ это время, работали и обитатели улья съ лубочной крышкой; но главное отличіе и преимущество улья съ лубочной крышкой были въ томъ, что онъ первый успѣлъ произвести на свѣтъ трутней, составившихъ его славу и внутреннимъ управленіемъ и внѣшними сношеніями. Есть и было много ульевъ неисторическихъ. Они живутъ, сами не зная о томъ,— живутъ и умираютъ въ неизвѣстности; но не то было въ ульѣ съ лубочной крышкой.

Во второмъ часу дня, въ то время, какъ рабочая пчела, какъ вьючная лошадь, продолжала свою безостановочную, обычную, низменную работу, таская медъ и пергу для дѣтей, въ первый разъ вылетѣли трутни. Тѣ, которые видѣли этотъ выходъ,

единогласно утверждаютъ, что міръ никогда не видѣлъ зрѣлища великолѣпнѣе этого. Большіе, черные, мохнатые, гладкіе трутни, одинъ великолѣпнѣе другого, появлялись изъ летка и, вмѣсто того, чтобы, какъ простыя пчелы, тотчасъ же летѣть черезъ заборъ въ лѣсъ и луга за кормомъ, тотчасъ же тутъ же взвивались кверху, заворачивали кругомъ и, какъ орлы, носились надъ ульями. Зрѣлище было столь поразительно своей величественностью, что нельзя было безъ слезъ умиленія созерцать его; но еще болѣе оно было поразительно своимъ глубокимъ значеніемъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Такъ же усердно работали и другіе дѣятели, и улей, благодаря ихъ трудамъ, благоденствовалъ все болѣе и болѣе. Каждый день правители-трутни вылетали, кружились, обсуждая и рѣшая важные государственные вопросы, и по ночамъ возвращались въ улей, облѣпляли соты и подкрѣпляли свои силы заготовленнымъ для нихъ медомъ. Благоденствіе какъ ихъ, такъ и всего улья было полное. Произошла, правда, небольшая пертурбація, состоящая въ томъ, что часть рабочей пчелы нашла нужнымъ вдругъ почему[-то] вылетѣть съ маткой изъ улья и повиснуть на суку рябины. И такое самовольное дѣйствіе пчелъ могло бы нарушить вліяніе трутней, если бы не догадались въ то самое время, какъ совершался этотъ полетъ, предписать его, такъ чтобы пчелы не могли думать, что онѣ сдѣлали это по своей волѣ и безъ высшаго указанія правителей. Отроившіяся пчелы были признаны изгнанниками, оставшіяся же въ ульѣ пчелы продолжали попрежнему повиноваться и заботиться о содержаніи своихъ правителей. Но къ концу августа стали проявляться признаки возмущенія.

Однажды трутни послѣ пролета явились въ соты и, къ удивленію, нашли соты занятыми рабочей пчелой, которая не пустила ихъ. Они съ негодованіемъ удалились и полетѣли въ другіе ульи. Но въ другихъ ульяхъ было то же. Ихъ не пускали. Очевидно, погибало все. Трутни сдѣлали послѣднюю попытку: влетѣли въ свой улей, но пчелы не пустили ихъ наверхъ, а сбили внизъ, гдѣ было холодно и не было корма. И такъ было и на другой и на третій день. Трутни худѣли, высыхали и помирали одинъ за другимъ. Ни одинъ изъ нихъ не унизился до работы для своего пропитанія.

Пчелы что-то дѣлали, гудѣли наверху на сотахъ, но, какъ говорятъ историки-трутни, очевидно, погибали въ анархіи, лишившись своихъ руководителей.

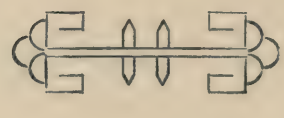
Неповиновеніе пчелъ трутнямъ погубило ихъ. Они погибли. Этимъ кончалась исторія улья съ лубочной крышкой, написанная трутнями.

Исторія, написанная пчелой, не сходилась съ этой исторіей. Въ исторіи, написанной пчелой, значилось, что жизнь улья началась съ ранней весны, когда улей былъ выставленъ на солнце, и пчела тотчасъ же, опорожнившись, полетѣла на цвѣтущую вербу и жужжа осыпала ее, собирая съ цвѣтовъ пергу на лапки и медъ въ желудки. Жизнь пчелы, по описанію пчелинаго историка, была неперестающей радостью труда. Не переставая, расцвѣтали одни цвѣты за другими—и на яблоняхъ, и на кустахъ, и на поляхъ, и наслажденіе труда соединялось съ наслажденіемъ цвѣтущей природой. Въ ульѣ быстро росли хорошо питаемые черви и рабочихъ пчелъ, и трутней, и матки, и наполнились ячейки душистымъ медомъ. Было такъ всего много, такъ богато, что нужно было найти новое мѣсто, и пчелы выпустили на свѣтъ трутней, изъ которыхъ имъ только одинъ на время былъ нуженъ для оплодотворенія новой матки, и выкормили на всякій случай трехъ матокъ, хотя имъ нужна была только одна. Наступило самое важное время — необходимость раздѣлиться отъ слишкомъ большого размноженія. Работа въ это время шла усиленная. И въ это-то время появились трутни и стали послѣ полдня трубить, летать надъ ульями. Пчелы и не знали и не думали о томъ, какое значеніе приписывали себѣ трутни, но допускали ихъ праздность и обжорство, потому что думали, во-первыхъ, что одинъ изъ нихъ понадобится, во-вторыхъ, потому, что всего было много и можно было не жалѣть добра даже для праздныхъ и ненужныхъ трутней. Вотъ что въ то самое время, когда трутни думали, что управляютъ пчелами, писала одна пчела въ своихъ запискахъ (4-я тетрадь, стр. 5):

«Въ концѣ мая совершилось великое событіе: пчелы отпустили старую матку въ новое царство, сами же остались съ новой, оплодотворенной царицей, которая тотчасъ же стала класть яйца. Зацвѣла липа, и надо было и кормить дѣтву и, поль-

вуясь короткимъ цвѣтеніемъ, запасать медъ на зиму. Цвѣтъ былъ сильный, не омытый дождемъ, и пчелы набрали много, но и на зиму нужно было много . . . . . .
. . . . . .
. . . . . Такъ шло нѣкоторое время, но требованія внутреннія стали болѣе обильны, цвѣтъ кончился, остались одни репьи, и, не сговариваясь, не рѣшая ничего, пчелы единовременно всѣ перестали пускать трутней къ меду, стали сбивать ихъ и даже подсѣкать дерзкихъ и ненужныхъ. Трутни всѣ были уничтожены, но улей не только не погибъ, но въ самомъ цвѣтущемъ состояніи приготовился къ зимѣ. Наступила зима. Пчелы затихли, сѣли на мѣста, поддерживая тепло въ дѣтяхъ, и дождались опять весны и опять радости жизни».

1889 (?); 1900 (?).



НЕЧАЯННО.

Онъ вернулся въ шестомъ часу утра и прошелъ по привычкѣ въ уборную, но вмѣсто того, чтобы раздѣться, сѣлъ, упалъ въ кресло, уронивъ руки на колѣни, и сидѣлъ такъ неподвижно минутъ пять или десять, или часъ. Онъ не помнилъ.

— Семерка червей. Бита! — И онъ увидалъ его ужасную, непоколебимую морду, но все-таки просвѣчивающую самодовольствомъ.

— Ахъ, чортъ! — громко проговорилъ онъ.

За дверью зашевелилось, и въ ночномъ чепцѣ и въ ночной, съ прошивками сорочкѣ, въ зеленыхъ бархатныхъ туфляхъ вошла его жена, невысокая, полная, красивая блондинка съ нѣжно ласковыми голубыми глазами.

— Что съ тобой? — сказала она просто и, взглянувъ на его лицо, вскрикнула то же самое.—Что съ тобой?!! Миша, что съ тобой?

— Со мной то, что я пропалъ.

— Игралъ?

— Да.

— Ну, и что?

— Что? — съ какимъ-то злорадствомъ повторилъ онъ. — То, что погибъ! — И онъ всхлипнулъ, удерживая слезы.

— Сколько разъ я просила, умоляла...

Ей жалко было его, но жалче было себя и за то, что будетъ нужда, и за то, что она не спала всю ночь, мучаясь и дожидаясь его. «Ужъ пять часовъ», подумала она, взглянувъ на часы, лежавшіе на столикѣ. — Ахъ, мучитель! Сколько?

Онъ взмахнулъ обѣими руками мимо ушей:

— Все! Не все, но больше всего: все свое, все казенное! Бейте меня, дѣлайте со мной, что хотите. Я погибъ! — И онъ закрылъ лицо руками. — Ничего больше не знаю.

— Миша, Миша! Послушай. Пожалѣй меня, вѣдь я тоже человѣкъ, я не спала всю ночь. Тебя ждала, мучилась, и вотъ награда... Скажи, по крайней мѣрѣ, что? сколько?

— Столько, что не могу, не можетъ никто заплатить. Всѣ шестнадцать тысячъ! Все кончено. Убѣжать, но какъ?

Онъ взглянулъ на нее, и, чего никакъ не ожидалъ, она привлекала его къ себѣ. «Какъ она хороша», подумалъ онъ и взялъ ее за руку. Она оттолкнула его.

— Миша, да говори же толкомъ, какъ ты это могъ?

— Надѣялся отыграться. — Онъ досталъ портсигаръ и жадно сталъ курить. — Да, разумѣется, я мерзавецъ. Я не стою тебя. Брось меня. Прости въ послѣдній разъ, и я уйду, исчезну. Катя, я не могъ, не могъ. Я былъ какъ во снѣ. Нечаянно.—Онъ поморщился.—Но что же дѣлать? Все равно погибъ. Но ты прости.

Онъ опять хотѣлъ обнять ее, но она сердито отстранилась.

— Ахъ, эти жалкіе мужчины. Храбрятся, пока все хорошо, а какъ плохо, такъ отчаяніе и никуда не годятся.

Она сѣла на другую сторону туалетнаго столика.

— Разскажи порядкомъ.

И онъ разсказалъ ей. Разсказалъ, какъ онъ везъ деньги въ банкъ и встрѣтилъ Некраскова. Онъ предложилъ ему заѣхать къ себѣ и играть, и они играли, и онъ проигралъ все и теперь рѣшилъ покончить съ собой. Онъ говорилъ, что рѣшилъ покончить съ собой, но она видѣла, что онъ ничего не рѣшилъ, и былъ въ отчаяніи и готовъ былъ на все. Она выслушала его, и когда онъ кончилъ, сказала:

— Все это глупо, гадко. «Нечаянно» проиграть деньги нельзя. Это какое-то кретинство.

— Ругай, что хочешь, дѣлай со мной!

— Да я не ругать хочу,—спасти тебя, какъ всегда спасала, какъ ты ни гадокъ и жалокъ мнѣ.

— Бей, бей, недолго уже.

— Такъ вотъ, слушай. По-моему, какъ ни мерзко, безжалостно мучить меня... Я больна, нынче еще принимала... и вдругъ этотъ сюрпризъ... И эта безпомощность... Ты говоришь: что дѣлать? Сдѣлать очень просто что. Сейчасъ же, — теперь шесть часовъ, — поѣзжай къ Фриму и разскажи ему.

— Развѣ Фримъ пожалѣетъ? Ему нельзя разсказать.

— Какъ, однако, ты глупъ. Неужели я буду совѣтовать тебѣ разсказать директору банка, что ты довѣренныя тебѣ деньги проигралъ въ... Разскажи ему, что ты ѣхалъ на Николаевскій вокзалъ... Нѣтъ, сейчасъ поѣзжай въ полицію. Нѣтъ не сейчасъ, а утромъ, въ десять часовъ. Ты шелъ по Нечаевскому переулку, на тебя набросились двое. Одинъ съ бородой, другой почти мальчикъ, съ браунингомъ, и отняли деньги. И тотчасъ же къ Фриму, то же самое.

— Да, но вѣдь...—Онъ опять закурилъ папиросу.—Вѣдь они могутъ узнать отъ Некраскова.

— Я пойду къ Некраскову и скажу ему. Я сдѣлаю.

Миша началъ успокаиваться и въ восемь часовъ утра заснулъ какъ мертвый. Въ десять она разбудила его.

Это происходило рано поутру въ верхнемъ этажѣ. Въ нижнемъ же этажѣ, въ семействѣ Пожарныхъ, въ шесть часовъ вечера происходило слѣдующее.

Только-что кончили обѣдать, и молодая мать, княгиня Островская, подозвала лакея, обнесшаго уже всѣхъ пирожнымъ, апельсиннымъ желе, спросила чистую тарелку, обратилась къ своимъ дѣтямъ,—ихъ было двое: старшій, мальчикъ шести лѣтъ, Вока, дѣвочка четырехъ съ половиной, Танечка. Оба были очень красивыя дѣти: Вока—серьезный, здоровый, степенный мальчикъ, съ прелестной улыбкой, выставлявшей разрозненные, мѣняющіеся зубы, и черноглазая, быстрая, энергическая Танечка, болтливая, забавная хохотунья, всегда веселая и со всѣми ласковая.

— Дѣти, кто снесетъ нянѣ пирожное?

— Я, — проговорилъ Вока.

— Я, я, я, я, я, я! — прокричала Танечка и уже сорвалась со стула.

— Нѣтъ, кто первый сказалъ. Вока, бери, — сказалъ отецъ, всегда баловавшій Танечку и потому всегда бывшій радъ случаю самому себѣ высказать свою безпристрастность. — А ты, Танечка, уступи брату, — сказалъ онъ любимицѣ.

— Вокѣ уступить я всегда рада. Вока, бери, иди. Для Воки мнѣ ничего не жалко.

Обыкновенно дѣти благодарили за обѣдъ. И родители пили кофе и дожидались Воки. Но его что-то долго не было.

— Танечка, сбѣгай въ дѣтскую, отчего Вока долго не идетъ.

Танечка соскочила со стула, зацѣпила ложку, уронила, подняла, положила на край стола, она опять упала, опять подняла и съ хохотомъ, сѣменя своими обтянутыми чулками, сытыми ножками, полетѣла въ коридоръ и въ дѣтскую, позади которой была нянина комната. Она было пробѣжала дѣтскую, но вдругъ позади себя услыхала всхлипываніе. Она оглянулась. Вока стоялъ подлѣ своей кровати, глядя на игрушечную лошадь, держалъ въ рукѣ тарелку и горько плакалъ. На тарелкѣ ничего не было.

— Вока, что ты? Вока, а пирожное?

— Я-я-я нечаянно съѣлъ дорогой. Я не пойду... никуда не пойду... Я, Тане... я, право, нечаянно... я все съѣлъ... сначала немного, а потомъ все съѣлъ.

— Ну, что же дѣлать?

— Я нечаянно...

Танечка задумалась. Вока заливался, плакалъ. Вдругъ Танечка вся просіяла.

— Вока, вотъ что. Ты не плачь, а пойди къ нянѣ и скажи ей, что ты нечаянно, и попроси прощенія, а завтра мы ей свое отдадимъ. Она добрая.

Рыданія Воки прекратились, онъ вытиралъ слезы и ладонями и противной стороной ручонокъ.

— А какъ же я скажу?—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ.

И они пошли и вернулись счастливые и веселые. И счастливые и веселые были и няня и родители, когда няня, смѣясь и умиляясь, разсказала имъ всю исторію.

Мещерское,
20 іюня 1910.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ тѣхъ мѣстахъ текста, гдѣ встрѣчались пропуски, которые, для сохраненія смысла, необходимо было пополнить тѣми или иными словами, вездѣ слова эти, какъ не принадлежащія Л. Н-чу, взяты въ прямыя скобки.

Въ рукописяхъ нѣкоторыхъ произведеній имена, отчества и фамиліи однихъ и тѣхъ же лицъ иногда обозначены различно[1]). Намъ пришлось это исправить.

Тѣ мѣста въ текстѣ, которыя выпущены по цензурнымъ соображеніямъ, вездѣ замѣнены точками.

Хаджи-Муратъ.

1.

Повѣсть «Хаджи-Муратъ» начата была въ 1896 году. Сюжетъ ея почерпнутъ Л. Н-чемъ изъ его воспоминаній о жизни на Кавказѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

19 іюля 1896 г., гостя въ Пироговѣ у брата Сергѣя Николаевича, Л. Н. сдѣлалъ слѣдующую запись въ своемъ дневникѣ: «Вчера иду по передвоенному черноземному пару. Пока глазъ окинетъ, ничего, кромѣ черной земли, ни одной зеленой травки; и вотъ на краю пыльной, сѣрой дороги кустъ татарника. Три отростка: одинъ сломанъ, и бѣлый, загрязненный цвѣтокъ виситъ; другой сломанъ и забрызганъ грязью, черный стебель надломленъ и загрязненъ; третій отростокъ торчитъ вбокъ, тоже черный отъ пыли, но все еще живъ и въ серединѣ краснѣется. Напомнилъ Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаиваетъ жизнь до послѣдняго, и одинъ среди всего поля, хоть какъ-нибудь, да отстоялъ ее».

[1]) Такъ, въ разсказѣ «Ходынка» главное дѣйствующее лицо, Емельянъ, въ концѣ разсказа называется Адріаномъ (см. приложенное къ этому тому факсимиле послѣдней страницы этого разсказа).

По возвращеніи въ Ясную Поляну, Л. Н. сталъ перечитывать тѣ книги, которыя могли возстановить въ его памяти событія, связанныя съ эпизодомъ о Хаджи-Муратѣ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ приведенной записи въ своемъ дневникѣ, въ августѣ 1896 г., Л. Н. совершаетъ поѣздку въ Шамардинскій монастырь къ сестрѣ своей, Марьѣ Николаевнѣ, и тамъ кончаетъ «начерно» «Хаджи-Мурата», какъ это видно изъ подписи его на первомъ спискѣ: «14 августа 1896 г. (Шамардино). Левъ Толстой».

Послѣ этого Л. Н. отвлекается надолго писаніемъ «Христіанскаго ученія», а затѣмъ книги «Что такое искусство». Художественные сюжеты продолжаютъ его интересовать, но другіе, а не Хаджи-Муратъ, и только 9 марта 1897 г. въ Москвѣ Л. Н. заноситъ въ дневникъ: «Очень захотѣлось писать Хаджи-Мурата и какъ-то хорошо обдумалось. Умилительно».

Въ это время онъ проситъ близкихъ ему лицъ достать ему нѣкоторые матеріалы, и кн. Н. Л. Оболенскій достаетъ ему «Историческій Вѣстникъ» и другія книги по этому вопросу. Но Л. Н. все еще не возобновляетъ работу надъ «Хаджи-Муратомъ», хотя мысли его время отъ времени и возвращаются къ этой повѣсти. Въ своемъ дневникѣ отъ 4 апрѣля 1897 г. онъ пишетъ: «Вчера думалъ очень хорошо о Хаджи-Муратѣ,—о томъ, что въ немъ, главное, надо выразить обманъ вѣры. Какъ онъ былъ бы хорошъ, если бы не этотъ обманъ».

Послѣ этого Л. Н. вспоминаетъ въ своемъ дневникѣ о «Хаджи-Муратѣ» лишь 14 октября 1897 г.: «Къ Хаджи-Мурату подробности: 1) тѣнь орла бѣжитъ по скату горы; 2) у рѣки слѣдъ по песку звѣрей, лошадей, людей; 3) въѣзжая въ лѣсъ, лошади бодро фыркаютъ; 4) изъ куста дороги дерева выскочилъ козелъ».

Передъ отъѣздомъ весною 1898 г. изъ Москвы въ деревню, Л. Н. былъ занятъ одновременно и статьей «Carthago delenda est» и «Хаджи-Муратомъ». Уѣхавъ въ деревню къ своему сыну Ильѣ Львовичу, онъ, закончивъ статью «Carthago delenda est», все продолжаетъ обдумывать «Хаджи-Мурата». Вернувшись въ Ясную Поляну, Л. Н. берется оканчивать «Отца Сергія» и больше не возвращается въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ «Хаджи-Мурату», отвлекаясь сначала работой надъ «Отцомъ Сергіемъ», затѣмъ надъ «Воскресеньемъ» и различными другими писаніями. Только въ началѣ 1901 г. Л. Н. снова возвращается къ «Хаджи-Мурату». Повѣсть эта значительно разрослась къ этому времени; Л. Н. испещрилъ имѣвшіяся у него книги о Кавказѣ того времени своими замѣтками и, не удовлетворяясь имѣвшимися матеріалами, обращается къ разнымъ лицамъ за новыми книгами и свѣдѣніями.

Когда Л. Н. сталъ оправляться отъ тяжелой болѣзни, въ Крыму, весною 1902 г., онъ, еще лежа въ постели, сталъ обдумывать «Хаджи-

Мурата», какъ объ этомъ можно судить изъ письма его къ Буланже отъ 18 марта 1902 г.: «Лежу и ничего не дѣлаю, а совершенно неожиданно для меня обдумываю самую неинтересную для меня вещь— Хаджи-Мурата». И дѣйствительно, когда Л. Н. настолько оправился, что могъ возобновить свои обычныя утреннія занятія, онъ опять взялся за работу надъ «Хаджи-Муратомъ». Когда же онъ бывалъ настолько слабъ, что не могъ заниматься, то просилъ близкихъ лицъ читать ему рукопись или матеріалы для повѣсти. Въ одну изъ своихъ прогулокъ Л. Н., въ связи съ своей работой надъ «Хаджи-Муратомъ», съ интересомъ и вниманіемъ осматривалъ въ Алупкѣ дворецъ князя Воронцова. Но какъ только Л. Н. достаточно окрѣпъ, онъ снова отвлекся отъ «Хаджи-Мурата» другими работами, хотя и продолжалъ думать объ этой повѣсти.

31 августа 1902 г. Л. Н. писалъ В. Г. Черткову: «Все пишу Хаджи-Мурата — балуюсь. Довелъ до того же, до чего доведенъ Отецъ Сергій и другія, т.-е. что связно и послѣдовательно, но хочется отдѣлывать». Вмѣстѣ съ тѣмъ Л. Н. начинаетъ энергично отыскивать новые матеріалы для писанія главы о Николаѣ Павловичѣ и для окончательной отдѣлки всей повѣсти. Онъ обращается за этими матеріалами къ цѣлому ряду лицъ: вел. кн. Николаю Михайловичу, И. П. Накашидзе, В. В. Стасову, С. Н. Шульгину, А. Н. Дунаеву, П. И. Бартеневу, гр. А. А. Толстой, князю Кантакузенъ и др.—20 августа 1902 г. Л. Н. пишетъ вел. кн. Николаю Михайловичу, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ: «Теперь я занятъ окончаніемъ давно начатаго и все разрастающагося одного эпизода изъ кавказской исторіи 1851—1852 гг. Не можете ли вы помочь мнѣ, указавъ, гдѣ я могъ бы найти переписку Николая I и Чернышова съ Воронцовымъ за эти года, такъ же, какъ и надписи Николая I на докладахъ и донесеніяхъ, касающихся Кавказа этихъ годовъ?»

Послѣдующія занятія Л. Н-ча надъ «Хаджи-Муратомъ» состояли, главнымъ образомъ, въ писаніи главы о Николаѣ Павловичѣ, хотя онъ занимался также и отдѣлкой другихъ частей повѣсти. У Л. Н-ча все время выяснялся и углублялся взглядъ на характеръ Николая I. Составивъ сначала очень отрицательное представленіе о его личности, Л. Н., послѣ внимательнаго изученія матеріаловъ и болѣе глубокаго проникновенія въ сущность его характера, измѣнилъ свои сужденія, понявъ, почему онъ не могъ быть инымъ, чѣмъ былъ. Новое отношеніе къ Николаю I заставляетъ Л. Н-ча снова пересмотрѣть написанное имъ и провѣрить свою характеристику, и онъ обращается къ разнымъ лицамъ за новыми матеріалами. 3 іюня 1903 г. Л. Н. пишетъ Татьянѣ Львовнѣ: «Все работаю надъ Николаемъ I и, кажется, только теперь начинаю находить ключъ къ нему».—«Кое-что пишу въ Хаджи-Муратѣ о Николаѣ Павловичѣ,— отдѣльную главу, которая хотя будетъ и не пропорціональна въ цѣ-

ломъ, чрезвычайно привлекаетъ меня», пишетъ онъ чрезъ недѣлю послѣ этого (11 іюня) Черткову. Въ дневникѣ своемъ 27 августа 1903 г. Л. Н. пишетъ: «Все обдумываю Николая I. Надо кончить, а то загромождается путь другихъ работъ».

Послѣ этого Л. Н. оставляетъ эту работу. Только 25 февраля 1904 г. онъ снова берется за главу о Николаѣ Павловичѣ, о чемъ пишетъ въ своемъ дневникѣ отъ того же числа: «Нынче поправилъ Николая Павловича въ Хаджи-Муратѣ и бросилъ. Если будетъ время, напишу отдѣльно о Николаѣ».

Съ этихъ поръ Л. Н. пересталъ заниматься «Хаджи-Муратомъ». Указаніе на то, что Л. Н. совершенно оставилъ тогда работу надъ «Хаджи-Муратомъ», можно видѣть изъ того, что въ іюлѣ 1904 г. онъ проситъ послать Черткову въ Англію, между прочимъ, копію «Хаджи-Мурата». (Письмо къ Черткову отъ 31 іюля 1904 г.).

П. Буланже.

При изданіи повѣсти «Хаджи-Муратъ» мы располагали слѣдующими списками:

Во-первыхъ, списокъ, сдѣланный отъ руки Н. Л. Оболенскимъ, М. Л. Оболенской и А. Л. Толстой. Списокъ этотъ заключаетъ въ себѣ весь текстъ повѣсти, за исключеніемъ главы XV. Весь списокъ былъ просмотрѣнъ Л. Н-чемъ и испещренъ многочисленными собственноручными его поправками. Составленіе этого списка относится къ 1902 году.

Во-вторыхъ, списокъ, переписанный на машинѣ Ремингтонъ и заключающій въ себѣ лишь первыя 14 главъ повѣсти. Этотъ списокъ представляетъ позднѣйшую редакцію первой половины повѣсти и также былъ просмотрѣнъ Л. Н-чемъ, сдѣлавшимъ въ немъ много собственноручныхъ исправленій. Составленіе этого списка относится къ началу 1903 г.

Первыя 14 главъ повѣсти печатаются нами со второго списка; главы же XVI—XXIV печатаются съ перваго списка.

Глава XV имѣется у насъ въ копіи, переписанной отъ руки Ю. И. Игумновой и А. Л. Толстой, съ поправками Л. Н-ча. Въ нашемъ распоряженіи имѣется также неполный списокъ болѣе ранней редакціи этой главы.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ почти никакими первоначальными черновыми рукописями Л. Н-ча, съ которыхъ дѣлались списки, и потому не имѣемъ возможности, путемъ сличенія копій съ оригиналами, исправить всѣ могшія вкрасться при перепискѣ ошибки. Изъ этихъ первоначальныхъ черновыхъ рукописей Л. Н-ча въ нашемъ распоряженіи имѣется лишь очень незначительная часть, а именно, глава VIII и небольшая часть главы XXI. Свѣривъ эти черновыя руко-

писи съ имѣющимися у насъ списками, намъ удалось исправить нѣсколько существенныхъ описокъ переписчиковъ. Большая часть черновыхъ рукописей «Хаджи-Мурата» находится, какъ мы имѣемъ основаніе думать, въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, въ комнатѣ Л. Н. Толстого, куда наслѣдница его, Александра Львовна, доступа не имѣетъ.

2.

Въ спискахъ: «входилъ во внутреннюю дверь». Слова: «во внутреннюю дверь» исключаются, какъ явная описка, такъ какъ Хаджи-Муратъ не могъ входить во внутреннее помѣщеніе, которое занимали женщины.

3.

Обрабатывая повѣсть, Л. Н. нѣсколько разъ измѣнялъ число нукеровъ Хаджи-Мурата. По первоначальнымъ редакціямъ главъ IV и V, свита Хаджи-Мурата состояла изъ пяти человѣкъ; но при дальнѣйшей переработкѣ повѣсти Л. Н. сократилъ число нукеровъ до четырехъ. Въ концѣ повѣсти, который менѣе, чѣмъ первая половина ея, подвергся переработкѣ автора, мы снова находимъ свиту Хаджи-Мурата состоящею изъ пяти человѣкъ.

4.

Въ спискахъ: «въ пятнадцати верстахъ». Мы ставимъ: «въ двадцати», такъ какъ въ началѣ I главы сказано, что аулъ Махкетъ отстоялъ верстахъ въ двадцати отъ русскихъ владѣній.

5.

Въ спискахъ далѣе слѣдуетъ:

«Вспомнилъ пѣсню и сказалъ ее.

«Пѣсня была такая:

«Булатный кинжалъ твой прорвалъ мою бѣлую грудь, а я приложила къ ней мое солнышко, моего мальчика, омыла его своей горячей кровью, и рана зажила безъ травъ и кореньевъ. Не боялась я смерти, не будетъ бояться и мальчикъ-джигитъ».

— Вотъ эта-то мать моя теперь у Шамиля, и ее-то надо выручить,—сказалъ Хаджи-Муратъ.

«Ему вспомнился фонтанъ подъ горою, куда онъ, держась за шаровары матери, ходилъ съ ней за водой. Вспомнилось, какъ въ первый разъ она обрила ему голову, и какъ онъ въ блестящемъ мѣдномъ тазу, висѣвшемъ на стѣнѣ, съ удивленіемъ увидѣлъ свою круглую синѣющую голову. Вспомнилась худая собака, лизавшая его въ лицо, и особенный запахъ дыма и кислаго молока, когда мать его давала ему лепешки. Вспомнилось, какъ мать черезъ горы носила

его за спиной въ корзинѣ къ дѣду на хуторъ. Вспомнился морщинистый, съ сѣдой бородой дѣдъ, какъ онъ чеканилъ серебро своими жилистыми руками и заставлялъ внука говорить молитвы».

Мы печатаемъ это мѣсто въ приложеніи, а не въ основномъ текстѣ, такъ какъ оно въ болѣе обработанномъ видѣ находится въ главѣ XXIII, что даетъ основаніе предполагать, что авторъ имѣлъ намѣреніе исключить его изъ главы XI.

6.

Въ первомъ наброскѣ «Хаджи-Мурата», сдѣланномъ Л. Н-чемъ въ 1896 г., это мѣсто разсказа Хаджи-Мурата заключаетъ въ себѣ объясненіе слова «хазаватъ». Приводимъ его полностью:

— Что такое хазаватъ и что такое мюридъ?—спросилъ Лорисъ-Меликовъ.

— А ты не знаешь?

— Я зналъ, да желалъ бы знать все съ начала.

— А сначала былъ мулла Махомедъ. Я не видалъ его. Онъ былъ святымъ человѣкомъ, мюридъ. Онъ говорилъ:

«Народъ! Мы—ни магометане, ни христіане, ни идолопоклонники. Истинный магометанскій законъ вотъ въ чемъ: магометане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ; магометанинъ не можетъ быть ничьимъ рабомъ и никому не долженъ платить подати, даже магометанину. Кто мусульманинъ, долженъ быть свободный человѣкъ, и между всѣми мусульманами должно быть равенство. Кто считаетъ себя мусульманиномъ, для того первое дѣло хазаватъ, война противъ невѣрныхъ, а потомъ исполненіе шаріата. Народъ! Мы отвергнуты закономъ, мы гости въ этомъ свѣтѣ, мы всѣ должны будемъ переселиться въ настоящее наше мѣсто, чтобы тамъ найти спасеніе. Вотъ что говоритъ пророкъ: «Тотъ мой мусульманинъ, кто не щадитъ ни жизни, ни имѣнья, ни семейства, кто исполняетъ волю Корана и исполняетъ шаріатъ. Поступающій согласно моимъ повелѣніямъ станетъ на томъ свѣтѣ выше всѣхъ святыхъ, до меня бывшихъ».

«Народъ! Клянитесь оставить свои прежніе пороки и удаляться отъ грѣховъ. Дни и ночи проводите въ молитвѣ, молитесь Богу съ усердіемъ и плачьте и просите Его, чтобы Онъ васъ помиловалъ. Когда же настанетъ время вооружиться противъ невѣрныхъ, о томъ я узнаю по вдохновенію свыше и объявлю вамъ. Но до тѣхъ поръ рыдайте и молитесь. Я—самый грѣшный человѣкъ во всемъ мірѣ. Простите меня, я же отказываюсь отъ всего мірского».

— Такъ онъ сказалъ сначала, а потомъ, когда Магометъ открылъ ему все, онъ сказалъ:

«Именемъ пророка повелѣваю вамъ: ступайте на свою родину, соберите народъ, прочтите ему наставленія мои, вооружитесь и идите

на хазаватъ, истребите враговъ и освободите братій нашихъ, мусульманъ. Кто убилъ врага или самъ погибнетъ въ битвѣ—рай тому награда; если же вы убѣжите съ поля сраженія, или черезъ деньги и ложныя обѣщанія покорятъ васъ, тогда ваши мечети будутъ обращены въ церкви, вы будете навсегда прокляты, для васъ нѣтъ спасенія, и бойтесь гнѣва Божьяго. Вы живете въ крѣпкихъ мѣстахъ, вы храбры. Одинъ мусульманинъ долженъ итти противъ десяти невѣрныхъ и не поворачиваться спиной къ непріятелю. Кто такъ будетъ поступать, тотъ будетъ святымъ и вкуситъ всѣ наслажденія рая. Вотъ ваша обязанность! На нихъ благословляю васъ!»

— И вотъ Кази-Мулла повелъ хазаватъ, а за нимъ Гамзатъ, а за нимъ Шамиль.

— Такъ вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я убилъ мюрида, я сталъ думать о хазаватѣ. Тогда я еще не сталъ мюридомъ. Я и забылъ о словахъ этого мюрида. Я вспомнилъ ихъ только послѣ. Но тутъ вскорѣ Кази-Мулла былъ убитъ, и на мѣсто его сталъ Гамзатъ» и т. д.

7.

Въ болѣе ранней редакціи глава XV начинается слѣдующими словами:

«Донесеніе это было послано 27 декабря. 2-го же января фельдъегерь, съ которымъ оно было послано, загнавъ десятокъ лошадей и избивъ въ кровь десятокъ ямщиковъ, былъ въ Петербургѣ и явился къ князю Чернышову, тогдашнему военному министру. На другой день, 3 января 1852 года, Чернышовъ повезъ...»

При дальнѣйшей работѣ надъ этой главой Л. Н. измѣнилъ даты: вмѣсто «27 декабря» поставилъ: «24-го», вмѣсто «2-го января» написалъ: «наканунѣ новаго 52 года» и вмѣсто «3-го января» поставилъ: «1 января».

Судя по записямъ камеръ-фурьерскаго журнала, которыя имѣлъ въ своемъ распоряженіи Л. Н. во время работы надъ «Хаджи-Муратомъ», получивъ ихъ отъ В. В. Стасова, докладъ Чернышова императору Николаю о Хаджи-Муратѣ происходилъ именно 3-го января, какъ было въ первоначальной редакціи, а не 1-го. Желая всегда давать читателю произведенія Л. Н-ча въ ихъ послѣдней обработкѣ, мы печатаемъ эту главу въ той редакціи, какую она получила въ позднѣйшей имѣющейся у насъ рукописи.

8.

Послѣ этого въ рукописи слѣдуетъ мѣсто, выпущенное авторомъ:

«Чернышовъ этотъ былъ тотъ самый, котораго Растопчинъ заклеймилъ своей шуткой, когда въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждался вопросъ о передачѣ всѣхъ имѣній Захара Чернышова, сослан-

наго за 14-е декабря на каторгу, Александру Чернышову, военному министру. Къ удивленію всѣхъ членовъ Совѣта, знавшихъ, что Александръ Чернышовъ, участвуя въ судѣ надъ декабристами, болѣе всѣхъ другихъ старался погубить Захара Чернышова. Растопчинъ высказался за передачу имѣній сосланнаго Александру Чернышову. Когда же у Растопчина спросили, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, онъ сказалъ, что существуетъ старинный обычай, по которому палачъ всегда получаетъ кушакъ и шапку казненнаго.

«Чернышовъ зналъ это, зналъ, что его вообще не любятъ, но никакъ не думалъ, что его не любятъ за его недостатки. Напротивъ, онъ думалъ, что его не любятъ за его высокія качества, доставившія ему успѣхъ, которому завидуютъ.

«Думалъ онъ это потому, что онъ завидовалъ всѣмъ стоящимъ выше его. Такъ, онъ завидовалъ Воронцову».

9.

Далѣе слѣдуетъ выпущенное авторомъ мѣсто:

«За Чернышовымъ и Долгорукимъ вошелъ въ лентѣ и штатскомъ мундирѣ маленькій пухлый старичокъ съ докладомъ о новыхъ законахъ, прошедшихъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Это былъ Блудовъ, другъ декабристовъ, бывшій министръ, теперь начальникъ 2-го отдѣленія канцеляріи составленія законовъ.

«Онъ принесъ нѣсколько докладовъ о новыхъ законахъ и о комитетѣ цензуры и о цензорѣ-старикѣ, статскомъ совѣтникѣ, посаженномъ на гауптвахту за пропущенную статью въ журналѣ, осуждающую распоряженіе министра.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

10.

Далѣе въ спискѣ слѣдуютъ слова: «А ты, Бондаренко, дверь поди отопри». Слова эти выпускаются, такъ какъ сказано было, что денщики ушли, и фраза эта осталась въ рукописи отъ первоначальной редакціи этого мѣста, по которой одинъ изъ денщиковъ былъ въ это время въ кухнѣ.

11.

Въ спискѣ въ этомъ мѣстѣ и въ другомъ мѣстѣ той же главы — «Дарго», что противорѣчитъ сказанному ниже о томъ, что Шамиль пріѣхалъ въ Ведено.

12.

Въ первомъ наброскѣ повѣсти слѣдовало послѣ этого измѣненное авторомъ и перенесенное въ другое мѣсто воспоминаніе Хаджи-Мурата о своемъ сынѣ. Въ виду художественнаго интереса этого мѣста, приводимъ его цѣликомъ:

«Хаджи-Муратъ не спалъ уже третью ночь. Какъ только онъ уходилъ въ отдѣльную комнату, гдѣ онъ спалъ, ему тотчасъ же представлялось то, что было имъ пережито, и то, что могло ожидать теперь его близкихъ. То живо представлялась ему его жена—чеченка, тонкая, нѣжная Сампанета, въ рукахъ грубаго аварца, которому отдадутъ ее; то сынъ, которому кинжаломъ вырвутъ глаза и бросятъ на полъ, какъ это на его глазахъ сдѣлалъ Керимъ. И онъ представлялъ себѣ сына такимъ, какимъ онъ видѣлъ его послѣдній разъ. Это было наканунѣ выхода его изъ горъ. Все было уже у него готово. Пять вѣрныхъ его друзей выходили съ нимъ и должны были вывести его лошадь къ Аргуну. Онъ пѣшкомъ, въ одномъ бешметѣ, долженъ былъ выйти изъ дома. И вотъ въ этотъ-то день онъ въ послѣдній разъ спустился изъ сакли къ ручью, обмылъ ноги и въ тѣни зашедшаго за горы солнца разостлалъ коверъ и сталъ молиться. Онъ только-что сѣлъ на колѣни, закрылъ большими пальцами уши и указательными глаза, какъ услыхалъ шаги, и не хотѣлъ оглядываться; но услыхалъ чмоканье, какимъ призываютъ соколовъ, и по этому звуку узналъ своего сына, Магому, и не могъ удержаться, и оглянулся.

«Магома шелъ въ гору, легко поднимаясь своими длинными, тонкими ногами, и на одной лѣвой рукѣ, подогнутой къ плечу, несъ на перчаткѣ сокола, а другой, ловко размахиваясь, пускалъ высоко вверхъ поднимаемые съ земли камешки. Магома былъ въ одномъ синемъ бешметѣ, подпоясанный ремнемъ и кинжаломъ, и въ папахѣ, заломленной назадъ. И румяное, молодое пятнадцатилѣтнее лицо и вся высокая, тонкая фигура мальчика (онъ былъ только немного ниже отца) была очень красива особенной красотой горцевъ. Широкія, несмотря на молодость, плечи, очень широкій юношескій тазъ, и тонкій длинный станъ, длинныя, стройныя, сильныя ноги, и сила, гибкость, ловкость во всѣхъ движеніяхъ. Собираясь бросить камень, онъ останавливался, откидывая назадъ красивую голову, и, винтообразно развернувшись всѣми суставами, слегка подпрыгивая, далеко, высоко запускалъ камень—выше горы. Въ то время, какъ онъ вскинулъ камень, соколъ сорвался съ его руки и повисъ на ремняхъ, трепеща крыльями, пищá, позванивая бубенцами. Магома ловкимъ движеніемъ опять вскинулъ его, зачмокалъ и опять нагнулся, выбирая получше камень. Тотчасъ онъ поднялся выше, и Хаджи-Муратъ уже не видалъ его. Онъ слышалъ звукъ голоса его сестры и веселый, звонкій хохотъ Вали-Магома.

«Такъ видѣлъ онъ и слышалъ его въ послѣдній разъ, этого милаго, красавца, беззаботнаго юношу. Хаджи-Муратъ прослѣдилъ его глазами до поворота дороги и тогда сталъ молиться, и, помолившись, пошелъ внизъ къ своимъ дожидавшимся его нукерамъ. И съ тѣхъ поръ не видалъ ни жены ни сына».

Два спутника.

1.

Заглавіе дано Редакціей. Въ оригиналѣ отрывокъ не озаглавленъ.

Записки сумасшедшаго.

1.

Далѣе въ оригиналѣ слѣдуетъ зачеркнутое авторомъ мѣсто, которое, въ виду того, что оно имѣетъ самостоятельный интересъ, приводимъ цѣликомъ:

«Это была пустыня, черезъ которую я проходилъ, — пустыня наслажденій плотскихъ, отупѣнія душевнаго и мертвенности. И вступленіе въ эту пустыню и выходъ изъ нея сопровождались одинаково борьбой и страданіями. Четырнадцать лѣтъ — это были борьба и страданія смерти; тридцать пять лѣтъ — это были борьба и страданія родовъ. Четырнадцати лѣтъ, когда я узналъ порокъ тѣлеснаго наслажденія, я ужаснулся ему. Все существо мое стремилось къ нему, и все же существо, казалось, противилось ему».

О судѣ.

1.

Заглавіе написано на обложкѣ черновой рукописи Л. Н-ча, рукою покойной дочери его, Марьи Львовны.

Вступленіе къ исторіи матери.

1.

Это произведеніе мы печатаемъ не съ оригинальной рукописи автора, которой не имѣется въ нашемъ распоряженіи, а съ копіи, переписанной рукою Т. Л. Сухотиной и Н. Л. Оболенскаго.

Записки матери.

1.

Начавъ писать «Записки матери» въ формѣ дневника молодой дѣвушки и доведя ихъ до того, что дѣвушка помолвлена съ своимъ будущимъ мужемъ и назначена ихъ свадьба, Л. Н. тутъ же, въ рукописи, дѣлаетъ замѣтку: «Не годится, надо писать отъ себя» и, написавъ заглавіе «Мать», начинаетъ разсказъ съ начала въ другой формѣ. Далѣе Л. Н. продолжалъ это произведеніе то въ формѣ разсказа, то въ формѣ дневника героини.

Кто убійцы?

1.

Произведеніе это не было закончено Л. Н-чемъ. Начавъ писать его въ формѣ разсказа, Л. Н. затѣмъ переработалъ нѣкоторыя мѣста его въ формѣ драматической. Судя по тому, что въ спискѣ съ черновой рукописи, въ которомъ рукою Л. Н-ча проставлены обозначенія главъ, эти обозначенія сдѣланы были также и въ той части произведенія, которая написана въ драматической формѣ, можно думать, что Л. Н. имѣлъ намѣреніе и эту часть вновь написать въ повѣствовательной формѣ. По существующимъ условіямъ, мы имѣемъ возможность напечатать лишь незначительную часть этого произведенія, которое въ рукописи автора содержитъ 16 главъ.

2.

Въ оригиналѣ—«15-го іюня». Для согласованія съ главой 1 и 14 мы ставимъ «17-го іюня». Соотвѣтствующія измѣненія чиселъ сдѣланы и въ другихъ мѣстахъ разсказа.

3.

Въ оригиналѣ: «въ этотъ день». Мы исправляемъ: «наканунѣ этого дня», согласно съ тѣмъ, что сказано въ главѣ 14 о томъ, что разговоръ Павла съ Аносовымъ происходилъ 16 іюня.

Іеромонахъ Исидоръ.

1.

Въ рукописи автора имѣется слѣдующій конспектъ этого не оконченнаго разсказа:

1. Служба обѣдни. Сомнѣнія.

2. Бесѣда съ старцами. Сознаніе недостаточности для себя достаточнаго для нихъ.
3. Опять уединеніе. Дневникъ.
4. Мужики живутъ. Появляется Иванъ. Его хватаютъ.
5. Тюрьма, политическіе. Проповѣдь. Сестра выкупаетъ.
6. У сестры обличаетъ.
7. Къ революціонерамъ.
8. Къ товарищу-начальнику.
9. За границей.
10. Къ государю.
11. Беретъ на себя.
12. Казнь съ двумя разбойниками.

ОБЪЯСНЕНІЯ

нѣкоторыхъ восточныхъ и народныхъ словъ, встрѣчающихся въ повѣсти „Хаджи-Муратъ“.

Аманатъ — заложникъ

Байрамъ — главный мусульманскій праздникъ.

Балка — долина, ложбина, длинный и широкій природный оврагъ.

Баръ — есть.

Бекъ — старшина, начальникъ, почетный по роду или богатству обыватель.

Веретье — грубый холстъ, сшитый въ нѣсколько полотнищъ.

Волоть — верхняя часть снопа.

Гурда — особый родъ очень цѣнимыхъ старыхъ шашекъ.

Имамъ — высшій руководитель духовной и общественной жизни народа.

Іокъ — нѣтъ.

Кизякъ — сухой навозъ, употребляемый для топлива.

Киеты — кавказская народность, живущая по ущельямъ Макалдона и Аргуна.

Кошкильды — добро пожаловать.

Кумганъ — высокій глиняный кувшинъ.

Ля илляхъ иль Алла — нѣтъ Бога, кромѣ Бога.

Муталимъ — ученикъ.

Муэдзинъ — прислужникъ при мечети.

Мюридъ — послѣдователь тариката (см. тарикатъ).

Мюршидъ — наставникъ въ ученіи тариката.

Наибъ — начальникъ области.

Ноговицы — отдѣльная часть обуви, покрывающая голень и доходящая до колѣнъ.

Нукеръ — тѣлохранитель, служитель.

Пешкешъ — подарокъ.

Пильгиши — клецки.

Пловъ — вареный рисъ, поджаренный вмѣстѣ съ кусочками баранины, лука и т. п.

Сардарь — татарское названіе намѣстника.
Саубулъ — будь здоровъ.
Свясло — соломенный жгутъ для вязки сноповъ.
Селямъ алейкумъ — привѣтъ тебѣ, здравствуй, — татарское привѣтствіе, на которое отвѣтомъ обыкновенно служитъ: алейкумъ селямъ.
Тавлинцы — горскія племена, населяющія сѣверный Дагестанъ.
Тарикатъ — высшее духовное ученіе Магомета, состоящее въ томъ, чтобы отказываться отъ всѣхъ мірскихъ благъ, быть постоянно душою съ Богомъ, любить своихъ братьевъ.
Тулумбасъ — большой турецкій барабанъ.
Уланъ якши — молодецъ, хорошъ.
Фонтанъ — колодецъ.
Хазаватъ—война противъ невѣрныхъ.
Хозыри — помѣщенія для патрона, нашиваемыя на черкескѣ по обѣимъ сторонамъ груди,
Чувяки — мягкія туфли безъ каблуковъ.
Чурекъ — лепешки изъ кукурузной муки.
Шаріатъ — писаный законъ мусульманъ, основанный на Коранѣ.
Шейхъ — святой.
Якши — ладно.

Хронологическій списокъ художественныхъ произведеній Л. Н. Толстого, помѣщенныхъ въ посмертномъ изданіи.

До 1862. Тихонъ и Маланья (II, 139—152).
Идиллія (II, 153—174).
187? Два спутника (III, 119—123).
1884. Записки сумасшедшаго (III, 125—137).
1889. Дьяволъ (I, 7—53).
1889 (?), 1900 (?). Двѣ различныя версіи исторіи улья съ лубочной крышкой (III, 195—200).
1890, 1891, 1898. Отецъ Сергій (II, 3—48).
189?. Вступленіе къ «Исторіи матери» (III, 145—152).
1891. Записки матери (III, 153—160).
О судѣ (III, 139—144).
1896—1898; 1901—1904. Хаджи-Муратъ (III, 3—118).
1900. Живой трупъ. Драма (I, 169—234).
1900, 1902. «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ». Драма (II, 175—229).
1903. Послѣ бала (I, 117—128).
1903—1904. Фальшивый купонъ (I, 55—116).
1905. Алеша Горшокъ (I, 129—136).
1906. Отецъ Василій (III, 161—169).
Что я видѣлъ во снѣ (I, 136—151).
1908—1909. Кто убійцы? (III, 171—176).
1909. Іеромонахъ Исидоръ (III, 177—181).
Дѣтская мудрость (II, 49—92).
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ. Первый варіантъ (II, 93—116).
1910. Ходынка (III, 183—193).
«Отъ ней всѣ качества». Комедія (I, 153—167).
Нечаянно (III, 201—206).
Разсказъ для дѣтей (II, 131—136).
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ. Второй варіантъ (II, 117—130).

Оглавленіе воспроизведеній съ фотографій, помѣщенныхъ въ посмертномъ изданіи художественныхъ произведеній Л. Н. Толстого.

I томъ.

Къ стр.

1. Левъ Николаевичъ. Ясная Поляна, 1908. 2
2. Страница изъ первоначальной черновой рукописи повѣсти «Дьяволъ», гл. IV. 4
3. Левъ Николаевичъ и Александра Львовна. Ясная Поляна, 1908. 116
4. Троицынъ день въ Ясной Полянѣ, 1909 136
5. Страница изъ драмы «Живой трупъ», съ поправками Льва Николаевича 168
6. Могила Льва Николаевича, лѣтомъ 1911. 234
7. Первая страница второго списка «Живой трупъ», переписанная дочерью Льва Николаевича, Татьяной Львовной, съ поправками Льва Николаевича. 242

II томъ.

1. [1]) Левъ Николаевичъ за работой. Ясная Поляна, 1909. 2
2. Левъ Николаевичъ за чтеніемъ полученныхъ писемъ. Кочеты, 1910 48
3. Факсимиле изъ повѣсти «Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ» (1909), гл. II. (Переписано Александрой Львовной на пишущей машинѣ, съ поправками Льва Николаевича.) 96
4. Левъ Николаевичъ на утренней прогулкѣ. Ясная Поляна, лѣто 1908 128
5. Левъ Николаевичъ въ Кочетахъ. Май, 1910 176
6. Факсимиле повѣсти «Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ» (1910), гл. III . 230

---

[1]) Въ нѣкоторомъ количествѣ экземпляровъ II тома къ стр. 2, по ошибкѣ, вмѣсто № 1 приложенъ № 3.

III томъ.

1. Левъ Николаевичъ. Ясная Поляна, 1907. 2
2. Левъ Николаевичъ. Крекшино, 1909. 32
3. Левъ Николаевичъ около дома. Ясная Поляна, лѣто 1908 . . . 80
4. Факсимиле Льва Николаевича изъ разсказа «Записки сумасшедшаго» 128
5. Левъ Николаевичъ на вечерней прогулкѣ у плотины рѣки Воронки. Ясная Поляна, лѣто 1908 160
6. Факсимиле Льва Николаевича изъ разсказа «Ходынка» 192

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская послѣдній томъ находившихся въ моемъ распоряженіи посмертныхъ художественныхъ произведеній Льва Николаевича Толстого, я думаю, что желательно здѣсь же сообщить читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся какъ этого изданія, такъ и другихъ писаній Льва Николаевича, которыя онъ поручилъ дочери своей Александрѣ Львовнѣ издать, а мнѣ—редактировать послѣ его смерти.

По отношенію къ практическому оборудованію настоящаго нашего подписного изданія, мы были обстоятельствами поставлены въ совсѣмъ исключительное и весьма сложное положеніе. Подписныя изданія имѣютъ обыкновенно цѣлью привлекать возможно большее количество подписчиковъ обширнымъ объемомъ печатнаго матеріала и дешевизною подписки. Наша задача была совсѣмъ иная. Прибыль съ нашего изданія, посвященная предназначенной Львомъ Николаевичемъ цѣли, была во много разъ уменьшена тѣмъ обстоятельствомъ, что, по волѣ того же Льва Николаевича, всѣмъ разрѣшается перепечатывать его впервые издаваемыя произведенія тотчасъ же послѣ ихъ появленія. Коммерческіе издатели, владѣющіе исключительной собственностью на печатаемый ими матеріалъ, довольствуются сравнительно небольшой прибылью съ каждаго отдѣльнаго своего изданія, не опасаясь того, что эта прибыль будетъ у нихъ урѣзана появленіемъ другихъ, болѣе дешевыхъ изданій той же книги. Намъ же, наоборотъ, нужно было получить какъ можно больше для нашего фонда именно съ перваго нашего подписного изданія, такъ какъ послѣ появленія каждаго нашего тома всѣ получали право перепечатывать изданное нами. (Опубликованная Александрой Львовной Толстой просьба о томъ, чтобы другіе издатели повременили перепечаткой на нѣсколько мѣсяцевъ, могла, разумѣется, имѣть значеніе только для издателей добросовѣстныхъ, не желающихъ мѣшать осуществленію воли Льва Николаевича.)

Вскорѣ послѣ выхода нашихъ томовъ мы нашли себя вынужденными переиздавать ихъ въ удешевленномъ видѣ, такъ какъ стали появляться на книжномъ рынкѣ дешевыя перепечатки другихъ издателей. Намъ необходимо было, съ одной стороны, оградить читателей съ ограниченными средствами отъ риска пріобрѣтенія не вполнѣ точныхъ дешевыхъ воспроизведеній съ нашего перваго изданія, а съ другой—получить и отъ дешевыхъ изданій хоть нѣкоторую прибыль для нашего фонда.

Если насъ не безпокоили опасенія о томъ, не посѣтуютъ ли на насъ абоненты нашего «роскошнаго» изданія за то, что мы такъ скоро

послѣ его появленія стали выпускать болѣе дешевыя его перепечатки, то это единственно потому, что, увѣдомивши заблаговременно публику о назначеніи прибыли отъ перваго изданія, мы были увѣрены, что никто изъ уважающихъ себя и волю Льва Николаевича нашихъ абонентовъ не станетъ сожалѣть о томъ, что, подписавшись на «роскошное» изданіе, онъ слишкомъ много помогъ осуществленію той цѣли, для которой Левъ Николаевичъ предназначилъ прибыль съ оставшихся послѣ него неизданными своихъ художественныхъ произведеній. А то, что должны были въ свое время появиться дешевыя изданія всѣхъ произведеній Толстого, доступныя лицамъ съ ограниченными средствами,—это само собой вытекало изъ неоднократныхъ заявленій самого Льва Николаевича въ печати о томъ, что, послѣ перваго появленія его новыхъ писаній, всѣмъ предоставляется право ихъ перепечатывать.

Прошу у читателей снисхожденія къ тѣмъ недочетамъ со стороны редакторской и издательской техники, которые могутъ быть замѣчены въ этихъ томахъ, готовившихся очень спѣшно и при особенно затруднительныхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, условіяхъ, а также и къ тому, что настоящій послѣдній томъ появляется, вслѣдствіе независящихъ отъ насъ обстоятельствъ, немного позже назначеннаго дня.

Кромѣ тѣхъ лицъ, о незамѣнимомъ участіи которыхъ въ этомъ изданіи я уже упомянулъ въ своемъ предисловіи къ первому тому, считаю своей пріятной обязанностью, при выпускѣ заключительнаго тома, выразить свою глубокую благодарность и другу моему И. Д. Сытину за то доброе участіе, которое онъ принялъ въ этомъ изданіи, отказавшись, въ память Льва Николаевича, отъ обычной издательской прибыли для своей фирмы, равно какъ и отъ выпуска своихъ отдѣльныхъ перепечатокъ изданнаго нами здѣсь матеріала. Только благодаря этой его безкорыстной помощи и тѣмъ практическимъ совѣтамъ, которыми мы отъ него пользовались, намъ удалось извлечь, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя мы были поставлены, наибольшую возможную прибыль для нашего фонда, какъ видно будетъ изъ предстоящаго, въ свое время, отчета.

Намъ слѣдуетъ также выразить нашу искреннюю признательность и тѣмъ вообще издателямъ, которые любезно рѣшили повременить перепечаткой нашего матеріала, согласно выраженной на первыхъ страницахъ нашихъ томовъ просьбѣ Александры Львовны.

Такъ какъ люди, понимающіе и цѣнящіе то, чѣмъ жилъ Толстой, не ограничиваютъ своего интереса къ его писаніямъ одними только его, такъ называемыми, «художественными» произведеніями, но для нихъ дорого всякое выраженіе его сознанія, въ какую бы форму оно ни выливалось, то мнѣ кажется, что будетъ умѣстно указать здѣсь на предстоящія намъ въ близкомъ будущемъ работы по изданію другихъ писаній Льва Николаевича.

Прежде всего мы намѣрены опубликовать Дневникъ Льва Николаевича, который помимо своего интереса, какъ текущей хроники

изъ его жизни, содержитъ большое количество мыслей по всевозможнымъ вопросамъ, занимавшимъ въ разное время его вниманіе. Самъ Левъ Николаевичъ, по замѣчательной своей скромности искренно не придававшій особеннаго значенія вообще своимъ писаніямъ, не разъ высказывался въ томъ смыслѣ, что если есть въ нихъ что, заслуживающее вниманія, то скорѣе всего это находится именно въ его Дневникѣ. Къ сожалѣнію, взятыя графиней Софіей Андреевной Толстой для храненія тетради съ Дневникомъ Льва Николаевича до 1900 года до сихъ поръ не переданы ею Александрѣ Львовнѣ, вопреки завѣщанію Льва Николаевича. Такъ что если до того, какъ мы приступимъ къ изданію Дневника, тетради эти не будутъ переданы по назначенію, то намъ, вѣроятно, придется начать съ опубликованія имѣющихся у насъ въ рукахъ тетрадей — за періодъ отъ 1900 года до смерти Льва Николаевича.

Мы хотимъ также приступить къ послѣдовательному и систематическому изданію всѣхъ рѣшительно произведеній, написанныхъ Львомъ Николаевичемъ, раньше всего съ 1881 года, а въ свое время—и за всю его жизнь.

Третье крупное предпріятіе, которое намъ предстоитъ осуществить въ связи съ писаніями Льва Николаевича, состоитъ въ изданіи составлявшагося въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ полнаго собранія его мыслей о всѣхъ предметахъ, которыхъ онъ когда-либо письменно касался. Самъ онъ очень цѣнилъ этотъ «Сводъ» своихъ мыслей и широко пользовался имъ въ послѣдніе года своей жизни при составленіи своего «Круга Чтенія» и «На каждый день», равно какъ и тогда, когда ему нужно было освѣжить въ своей памяти то, что онъ раньше писалъ. Для лицъ, желающихъ ознакомиться со взглядами Льва Николаевича на какой угодно вопросъ и не имѣющихъ возможности найти и прочесть все, что онъ когда-либо написалъ, для того, чтобы узнать его отношеніе къ этому вопросу,—предполагаемое изданіе, снабженное тщательно систематизированнымъ оглавленіемъ, будетъ служить ничѣмъ незамѣнимой «энциклопедіей» жизнепониманія Толстого.

Намъ хотѣлось бы также отдѣльно выпустить и возможно полное собраніе писемъ Льва Николаевича къ разнымъ лицамъ, какъ уже изданныхъ, такъ и неизданныхъ, расположенныхъ въ строго хронологическомъ порядкѣ. Такое изданіе имѣло бы значеніе не только со стороны самаго содержанія писемъ, но и какъ драгоцѣнный дополнительный къ Дневнику и другимъ писаніямъ Льва Николаевича матеріалъ для выясненія того, надъ чѣмъ и въ какомъ направленіи послѣдовательно работало его сознаніе въ теченіе различныхъ періодовъ его внутренней жизни.

Изъ сказаннаго читатель увидитъ, что предстоящая еще Александрѣ Львовнѣ и мнѣ задача въ связи съ оставшимися послѣ Льва Николаевича писаніями весьма обширная и сложная. Къ осуществленію

этой радостной для насъ задачи мы хотѣли бы примѣнить все то вниманіе и стараніе, всю ту бодрость и энергію, которыми располагаемъ. Но не скрою, что работать безъ осязательной поддержки общества и подъ неумолчный аккомпаниментъ однѣхъ только нападокъ и клеветы со стороны недоброжелателей,—для насъ и труднѣе и тяжелѣе, чѣмъ если бы мы ощущали за собой дѣятельную помощь со стороны тѣхъ, въ интересахъ которыхъ мы работаемъ.

Помощь, въ которой мы нуждаемся, состоитъ, прежде всего, въ томъ, чтобы тѣ, отъ кого это зависитъ, исполнили посмертную волю Льва Николаевича, такъ ясно и точно выраженную имъ въ его завѣщаніи.

«Всѣ мои литературныя произведенія», говорится въ завѣщаніи Льва Николаевича, «когда-либо написанныя по сіе время и какія будутъ написаны мною до моей смерти, какъ уже изданныя, такъ и неизданныя, какъ художественныя, такъ и всякія другія, оконченныя и неоконченныя, драматическія и во всякой иной формѣ, переводы, передѣлки, дневники, частныя письма, черновые наброски, отдѣльныя мысли и замѣтки, словомъ: все безъ исключенія мною написанное по день моей смерти, гдѣ бы таковое ни находилось и у кого бы ни хранилось, какъ въ рукописяхъ, такъ равно и напечатанное, и притомъ, какъ право литературной собственности на всѣ безъ исключенія мои произведенія, такъ и самыя рукописи и всѣ оставшіяся послѣ меня бумаги я завѣщаю въ полную собственность дочери моей Александрѣ Львовнѣ Толстой».

Александра Львовна, считая подлежащими передачѣ ей, на основаніи этого распоряженія ея отца, всѣ его бумаги, взятыя у него на храненіе графиней Софіей Андреевной Толстой,—вмѣстѣ съ тѣмъ далека отъ желанія лишать отдѣльныя лица и учрежденія, у которыхъ имѣются собственноручныя рукописи Льва Николаевича, этихъ драгоцѣнныхъ для нихъ автографовъ. Все, что она желаетъ—и на что, согласно приведенному завѣщанію ея отца, она имѣетъ неотъемлемое право—это получить возможность снять точныя копіи съ этихъ рукописей.

На этихъ основаніяхъ пользуюсь настоящимъ случаемъ для того, чтобы обратиться ко всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, имѣющимъ рукописи, письма или иныя бумаги Льва Николаевича, съ просьбою увѣдомить о томъ Александру Львовну (почтовый адресъ которой: Ясенки, Тульской губ.) и предоставить ей возможность получить съ нихъ копіи.

Такимъ образомъ, общими усиліями возможно было бы въ точности осуществить тѣ указанія, которыя Левъ Николаевичъ оставилъ Александрѣ Львовнѣ и мнѣ относительно изданія оставшихся послѣ его смерти писаній.

В. Чертковъ.

Телятенки.
30 декабря 1911 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Хаджи-Муратъ 3
Два спутника. 119
Записки сумасшедшаго 125
О судѣ. 139
Вступленіе къ «Исторіи матери». 145
Записки матери. 153
Отецъ Василій 161
Кто убійцы? 171
Іеромонахъ Исидоръ. 177
Ходынка 183
Двѣ различныя версіи исторіи улья съ лубочной крышкой . . . 195
Нечаянно. 201
Примѣчанія. 207
Объясненія нѣкоторыхъ восточныхъ и народныхъ словъ, встрѣчающихся въ повѣсти «Хаджи-Муратъ» 221
Хронологическій списокъ художественныхъ произведеній Л. Н. Толстого, помѣщенныхъ въ посмертномъ изданіи 223
Оглавленіе воспроизведеній съ фотографій, помѣщенныхъ въ посмертномъ изданіи художественныхъ произведеній Л. Н. Толстого 225
Отъ Редакціи 227

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Томъ:	*Стран.*	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
II	211	15 сн.	Александръ Ивановичъ	Александра Ивановна
III	35	10 св.	voila	voilà
	116	17 сн.	назадъ	на задъ

8988 le

PG
3365
A12
1911
t.3

Tolstoi, Lev Nikolaevich
Posmertnyia khudozhestvennyia proizvedeniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY